

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова

Ф. С. ХАКИМЗЯНОВ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОЛЖСКОЙ
БУЛГАРИИ
И ИХ ЯЗЫК

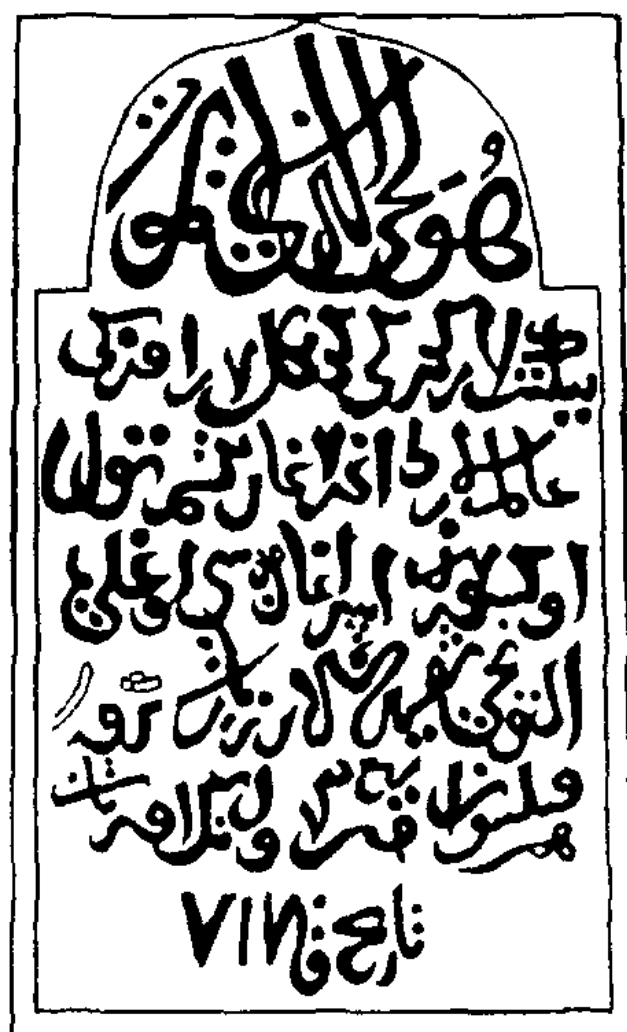
Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР Э. Р. ТЕНИШ

МОСКВА "НАУКА" 1987

Ф. С. ХАКИМЗЯНОВ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
И ИХ ЯЗЫК

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	
Глава I	
ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ	5
Глава 2	
ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIII-XIV ВВ.	16
ХАРАКТЕР ЭПИТАФИЙ И ШКОЛЫ РЕЗЬБЫ ПО КАМНЮ	16
ИЗУЧЕНИЕ 3-ЯЗЫЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ	22
Глава 3	
ГРАФОФОНЕТИКА 3-ЯЗЫЧНЫХ НАПИСЕЙ	28
СВЕДЕНИЯ О ГРАФИКЕ	28
ОБЩИЙ ОБЗОР СОГЛАСНЫХ	29
ОБЩИЙ ОБЗОР ГЛАСНЫХ	39
Глава 4	
МОРФОЛОГИЯ	47
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	47
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ	52
ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	53
ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ	54
МЕСТОИМЕНИЕ	57
ГЛАГОЛ	58
ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА	58
НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА	60
КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА	
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА	62
ПОСЛЕЛОГ И СОЮЗ	63
Глава 5	
ЛЕКСИКА	64
ГЛОССАРИЙ	65
Приложение	
ФОТОГРАФИИ И ТЕКСТЫ ПАМЯТНИКОВ	89
СПИСОК ЛИЧНЫХ ИМЕН	180
СПИСОК МЕСТ НАХОДОК ИЛИ ХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ	182
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	183
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	
ИСТОЧНИКИ	
ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ	

В монографии анализируется языковая ситуация в средневековой Волжской Булгарии и исследуется язык особой группы эпиграфических памятников XIII–XIV вв. этого региона с языковым признаком, приводятся фотографии и эстампы памятников и глоссарий.

Рецензенты:

В.Х. Хаков, М.И. Ахметзянов

Фарид Сабирзянович Х а к и м з я н о в

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ИХ ЯЗЫК

*Утверждено к печати Институтом языка, литературы и истории
им. Г.Ибрагимова Казанского филиала АН СССР*

Редактор издательства Р.М.Задесковская
Художественный редактор Г.П.Валлас

ИБ № 29386

Подписано к печати 23.01.87. Формат 60 x 90 1/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печл. 12,0. Усл.кр.-отт. 12,3. Уч.-издл. 12,6. Тираж 1300 экз.
Тип.зак.-1213. Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

X $\frac{4602000000-017}{042(02)-87}$ 284-87-1

© Издательство "Наука", 1987 г

ПРЕДИСЛОВИЕ

В средние века Поволжье было одним из крупнейших экономических и культурных центров Восточной Европы. После распада Хазарского каганата Волжская Булгария становится важнейшим феодальным государством в этом регионе. Хотя для средневековья определяющим видом поселений была деревня (в селениях здесь известно около 900), у болгар были и города — свыше 150-ти.

Изучение такого крупного раннефеодального государства Восточной Европы, как Волжская Булгария, во всех аспектах его истории и культуры имеет большое значение. Исследование его эпиграфических памятников дает богатый материал и для определения истоков материальной и духовной культуры тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Памятники относятся к периоду с XIII по XIV в. и являются документированными источниками средневековья.

Язык этих надмогильных надписей по своему характеру и составу неоднороден; прежде всего, по своему языку все тюркоязычные памятники делятся на две большие группы, в которых ведущими являются э-признак и р-признак. Несколько ранее нами было проведено систематизированное исследование языкового материала болгароязычных надписей с р-признаком (см. Хакимзянов 1978), и данная работа является как бы продолжением предыдущей. В ней по той же системе изложен языковой материал другой группы памятников, где господствует э-признак, и составлен глоссарий наличного лексического фонда. С целью представления наиболее полной картины эпитафияльного стиля в "Приложении" приведены и некоторые другие, ранее неопубликованные, памятники, относящиеся по своему языку к группе, где ведущим является р-признак.

Несмотря на некоторую проблематичность в определении языкового членения, мы, исходя из предварительных разработок и своего опыта придерживались потенциально возможному варианту о нормативности и о работанности данного языка. Между тем приходится отмечать существенное различие в определении статуса языка этой конкретной группы эпиграфических памятников, взятой в качестве объекта исследования.

Палеографический разбор надписей не входил в задачу данной работы. Реконструкция звуковой системы выполнялась на основе принятых в тюркологии правил и положений для среднетюркских памятников письма с

применением международной транскрипции, построенной на латинице. Долгие гласные арабского языка специально не отмечались, так как дублетные написания одних и тех же слов без долгого гласного и их фонологическое неразличение в тюркских языках Поволжья и Приуралья показывают отсутствие у них фонематической функции.

В примерах, взятых из различных памятников и современных языков, сохранено написание, данное в источниках. Для обозначения арабских букв при анализе фактического материала применен следующий транскрипционный алфавит:

a - ا	ى (в конце слов)	q - ك	
ā - ا	و	o - او	و
b - ب		ō - او	و
č - چ		p - ب	
d - د		q - ق	
ḏ - ذ		r - ر	
e - ا	ى	s - س	
f - ف		š - ش	
g - غ		š̄ - ش	
γ - غ		š̄ - ش	
h - ه		t - ت	
ḥ - ح		ṭ - ط	
χ - ح		u - او	او
i - ا	ا	ü - او	او
ī - ا	ا	w - و	و
j - ج	ى	z - ز	
k - ك		z̄ - ز	
l - ل		z̄ - ظ	
m - م		ž̄ - ج	
n - ن			

Автор приносит благодарность рецензентам книги В. Х. Хакову и М. И. Ахметзянову, а также директору Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника Д. Г. Мухаметшину за помощь, оказанную при изучении памятников Болгарского городища.

Глава I
ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА
В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

При диахроническом рассмотрении иерархического построения системы форм существования языка исследователи нередко ограничиваются изучением двучленной оппозиции "диалект - литературный язык". На первый взгляд, это и оправдано, так как на определенном этапе развития конкретного общества, в особенности когда отсутствует прямые языковые данные и не совсем проанализированы косвенные (высказывания и сообщения о языке, историко-культурное состояние, этнический состав и т. д.), моделирование языковой ситуации вряд ли представляется возможным и необходимым. Однако по мере накопления знаний появляется возможность реконструкции функционального членения языка. Правда, такая реконструкция, как и всякая другая, в отдельных звеньях будет обладать различной степенью достоверности.

В болгароведческих работах вопросы языковой ситуации на разных этапах формирования государства волжско-камских булгар почти не рассматривались, как не рассматривались формы существования языка в различных функциональных стратах и в совокупности. Длительное время на первый план выдвигался этнокультурный аспект в изучении письменных памятников Волжской Булгарии, и анализ строевых элементов лишь одной обособленной группы надписей не позволял вести речь о формах существования языка. Между тем другая группа надписей, исследованию которой посвящена основная часть данной работы, даст возможность построить в дальнейшем обобщенную модель функциональной стратификации.

Из всех известных болгарских надмогильных памятников привлекают внимание тексты двух эпитафий XIV в., сохранившихся на кладбище современного села Иски-Рязяд Куйбышевского р-на ТАССР, ср. их тюркские части: ...Ämbal oŭli Ğävän zıjaräte turur. ...tarıd jeti jüz qırq beşä , gäjäb aĵinıç üßençe küne erdi '...Амбала сына, Хасана, место погребения. ... по летосчислению в семьсот сорок пятом, раджаба месяца третий день был' и ...Ämbal oŭli Ğävän oŭli haĵi bu välekü kü '... Амбала сына, Хасана, (его) сына хаджи Бу надмогильный памятник это'.

Если исходить из наличия языковых строевых элементов, то можно считать, что в этих текстах, бесспорно, нашли отражение два языка: первый имеет э-признак, а второй, судя по лексемам oŭli 'его сын' ~~бәләкәйне~~ 'его надмогильный памятник', kü 'это', - р-признак. Однако

попытка осмыслить эти признаки как этнические показатели (то есть признать, что один памятник поставлен над кыпчаком, а второй – над болгаром) явно несостоятельна, так как при этом игнорируется специфика эпитафий. Язык исследуемых надмогильных плит не может выступать этническим определителем, каковым обычно принято считать язык. Если в Волжской Булгарии определенное количество памятников имеет тексты на арабском языке, это еще не говорит о том, что они поставлены над умершими арабами (ср. , например, Юсупов 1960, табл. 2, 4, 8, 10). И тому же имена похороненных людей отчетливо указывают на их тюркское происхождение, ср.: Хасан-бек сын Мир-Махмуда, Сабар-элчи дочь Бурашбека, хаджи Хусайн-бек сын Гумер-бека (его предки родом из Туркестана), Фатима-элчи дочь Айуба, сына Мухаммеда, сына Йувуса ал-Булгари. Для сравнения можно привести эпиграфические памятники X-XIII вв. из Дагестана, которые почти полностью выполнены на арабском языке, а на местных языках – лишь единицы (Шихсаидов 1984, 348); из 103 надмогильных кайраков XI-XIX вв. с верховий Зеравшана лишь на 30-ти имеются надписи на таджикском языке, на остальных – арабоязычные (Мухтаров 1978, 16); большинство из 200 арабографичных эпитафий Киргизии написано на арабском языке (Дзумагулов 1982, 59) и т. д.

Несколько эпитафий Волжской Булгарии двуязычны¹, однако они не являются буквальным переводом с одного языка на другой (см., например: Хакимзянов 1978, 158-161). Выходит, эти языки привлечены не с целью объяснения текстового материала. Остается лишь предположить наличие функциональных форм языка, что и нашло отражение в конкретных текстах.

Таким образом, несмотря на то, что надгробия несколько различаются по характеру исполнения, технике письма и структуре надписей, их нельзя считать принадлежащими разным этническим единицам, тем более функциональный язык эпитафий не может служить основой для выводов этнического порядка. В данном рассматриваемом случае прежде всего необходимо учесть одно немаловажное обстоятельство – установление этих памятников над членами одного семейства, точнее – над отцом и сыном: хаджи Бу² является сыном Хасана, похороненного рядом, и над ним поставлен памятник с э-языковой надписью. Имена Анбал и Амбал, учитывая

¹ Здесь имеются в виду двусторонние надписи, то есть самостоятельные тексты на арабском и тюркском языках, а не смешанные, в которых какая-нибудь часть текста выполнена на другом языке.

² Тут несколько иное построение словосочетания: обычно социальный титул стоит после имени собственного, однако имеются и исключения, ср. с булг. ходжа Ахмад, ходжа Байрам, хаджи Хусайн, хаджи Тямти и др. (Хакимзянов 1978, 189) или с небезызвестным Хаджи Муратом, героем одноименной повести Л. Н. Толстого.

Фонетическую закономерность перехода н > м перед губно-губным свистящим звуком б, тождественны. Такое положение само по себе исключает разноэтническое толкование.

Во время экспедиционной поездки в 1984 г. был зафиксирован текст оригинального болгарского надгробья XIII г. (см. рис. 3), где хвалебная часть вырезана на з-языке, а датирующая часть - на р-языке: Galim-lärqa tärbijät qılqan, zahidlarqa wewgän, mäwžedlägne ıljmaqät qılqan üküñ äjratlıy Mažar qađi (?) oylı İsmayıl zıjaräte bu. ...wafat bol-tı: tarix žetı žür on bir ža l räžab ajlı žırme äkeñi kön äti 'Давшего воспитание ученим, любившего набожных, мечети воздвигавшего, множества благих дел совершившего Малжар-кази (?) сына, Исмагила, место погребения это. ... скончался: по летосчислению семьсот одиннадцать лет, раджаба месяца двадцать второй день был'. Несмотря на то, что в структурном отношении языки этих двух частей несколько расходятся, они, на наш взгляд, отражают формы существования языка, доступные пониманию волжских болгар. У нас есть основание считать з-язык образцом функциональной наддиалектной формы, существовавшей в Волжской Булгарии.

Ряд исследователей отмечал, что в конце XIII в. волжские болгары-мусульмане, забыв свой язык, приняли новый язык огузо-кыпчакского строя. Основной причиной этого считалось вхождение государства в состав Золотой Орды и возникшие в связи с этим этнолингвистические изменения в самой Волжской Булгарии. Однако при всей значимости золотоордынского периода не это является главным фактором языкового изменения.

Еще в первой четверти X в. секретарем посольства багдадского халифа к царю волжских болгар Ибн-Фадланом было зафиксировано двойное произношение одного и того же гидронима - žauñır и žauñiz. Здесь весьма показательны наличие начального ž, который считается характерным звуком для болгарского языка (также как и для языка определенной части эпиграфических памятников). Как показало исследование А. Берты (1983, 67-68), доказавшие тюркские языки расположены в тех ареалах, где с V в. обитали оногуры-болгары, а затем хазары. Но наличие звука ž выделен особый диалект и в языке приэльбрусских рунических надписей - памятников протоболгарского языка (Байчоров 1977, 27).

Учеными убедительно доказана принадлежность з-языковой формы гидронима к говору какой-то части местного населения, а не среднеазиатских тюрков, сопровождавших Ибн-Фадлана в его поездке (см., например Ковалевский 1954, 19; 1956, 131-144). Если учесть, что местные аборигенные племена не принадлежали к тюркскому миру, остается предполагать пришлый характер и з-язычных племен. Не увязывая элемент з с конкретными племенами, так как современный уровень знаний об этноязыковой истории тюркских племен, входивших в состав Волжской Булгарии, не позволяет делать однозначные сопоставления, следует лишь констатировать наличие тюрков с обычным языком, наряду с теми, у которых имелся соответствующий звук р ³.

Фактический материал, приведенный М. Кашгари в его "Диване"³ в качестве образцов говора жителей городов Булгар и Сувар, который иногда необоснованно отождествляют с болгарским и суварским языками, по существу этнически не маркирован; ср., например, сув. *bal* 'мед' и тат., башк., карайм., кирг., уйг., казах., ккалп., ног., туркм. *бал*, узб. *бол*, тур. *bal*. Чув. *пыл* 'мед'; сув. *tevä* 'верблюд' и тув. *тёве*, чув. *теве*, хак. *тибе*, азерб. *дэвэ*, тур. *deve*, уйг. *төгө*, гаг. *дэвэ*, башк. *тат. дөя*, тат. диал. *түжө*, казах., ккалп., ног. *түйе*, кбалк., кумык. *тве*, кирг. *төө*, карайм. *тевя// тэва// дэвэ// түйэ* 'верблюд' и т. д. Кроме того, как отмечает М. Кашгари, формы *bal*, *tevä* были характерны для языка не только суваров, но и кыпчаков, огузов, форма *jalciq* 'невольница' свойственна языку суваров, кыпчаков, огузов, *qalaq* 'сливки' — языку булгар и аргу, *lav* 'воск для печати', *kökläv* 'породниться', *avue* 'воск' — языку булгар. Лишь формы *azaq* 'нога' (свойственная языку суваров, булгар, кыпчаков, йемеков, но есть и *абаq*, употребляемая кыпчаками и йемеками), *toz* 'быть сытым' (свойственная суварам, булгарам, йемекам и некоторым кыпчакам) позволяют как-то выделить *z*-признак вместо *j* в середине слов и конце глагольных основ.

Нередко исследователи в качестве образца волжскобулгарского языка указывают на следующее четверостишие, приведенное М. Кашгари (I, 70):

<i>Ätil wıwı aqa turur,</i>	'Текут воды Этиля-реки,
<i>qaja tübi qaqa turur,</i>	Об скалу ударяются.
<i>ballıq tälim baqa turur</i>	Много там рыб и лягушек,
<i>köliüç taqı küñgür</i>	Плавни также заполняются'

Однако оно не связано с конкретной этноязыковой зоной и служит лишь иллюстрацией для названия реки Этиль, поэтому правомерно будет считать его отражением письменно-литературного языка Караханидского государства.

Как известно из исторических источников, некогда суверенное Суварское княжество во второй половине X в. потеряло самостоятельность и подчинилось болгарскому царю (Смирнов 1951, 232; Ковалевский 1954, 48), хотя г. Сувар упоминался арабскими путешественниками до XIV в. В качестве тахаллуса название Сувар присутствует и в надмогильной надписи 1314 г. из с. Большие Тарханы Тетюшского р-на ТАССР (см. рис. 4). Язык же жителей Сувара XI в., судя по примерам М. Кашгари,

³ В последнее время вновь стал подниматься вопрос о сувах//сувазах и их языке (см.: Закиев 1984, 161-169; Закиев 1985, 32-49), которые были добулгарскими (?) племенами в Среднем Поволжье. Они не входили в состав настоящих булгар, хотя часть их, после смешения с булгарами, приняла язык последних (Ковалевский 1954, 39, 49-50).

⁴ См. специальное исследование О. Прицака (Pritsak 1959, 106-116) об энциклопедическом труде М. Кашгари.

обнаруживал большое сходство с огузским и кыпчакским языками (см.: ДТС, приложение I; Тенишев 1973, 59-60). Означало ли это то, что сувары говорили на языке общетюркского типа или же М. Кашгари были зафиксированы образцы речи отдельных информаторов-кыпчаков, проживавших в то время в городе (ведь Сувар находился на караванном пути из Средней Азии в г. Булгар) ? К сожалению, сведения о языке суваров не выходят за рамки общих представлений, поэтому у нас нет аргументированных оснований для выводов в этноязыковом направлении. Все же хотелось бы привести мнение автора сводной работы о хазарах Петера Б. Голдена (Golden 1980, 36, 256-259), который квалифицирует язык сабаров (суваров) как обычный тюркский в отличие от языка огуро-тюрк.

Как установлено, М. Кашгари сам в Волжской Булгарии не был и в его примерах из болгарского языка нет элементов, характерных для протоболгарского языка (см.: Fritsак 1959). Хотя можно предположить, что в число его информаторов попали лишь люди из Волжской Булгарии (точнее, г. Булгара) с обычной тюркской речью огузо-кыпчакского типа. Если даже и так, это само по себе доказывает наличие тюрк с языком общетюркского типа, притом не в малом количестве, коль М. Кашгари принимает их язык за образец. Все же общественно-политическая ситуация в стране и наличие более поздних надмогильных памятников XIII-XIV вв. с p- и л-элементами позволяют интерпретировать это явление несколько иначе, чем как фиксацию речи кыпчаков.

Общезвестно, что еще в VIII в. Поволжье превратилось в важную составную часть Хазарского каганата - первого государства в Восточной Европе. После упадка каганата главенствующая роль в регионе перешла к Волжской Булгарии, хорошо организованному и экономически развитому государству, которое к концу XII в. достигло своего расцвета. Если в начальный период формирования государства можно было говорить лишь о племенных диалектах, которые, кстати, сами по себе способны выделить какие-либо формы языка, возвышающиеся над повседневной бытовой речью, то в условиях племенных объединений и союзов языковая ситуация принимает усложненные формы. Языковая стратификация Волжской Булгарии в начальный период ее образования была многоплановой ввиду того, что в один союз объединены как родственные, так и неродственные тюркские племена, а также племена с языками иной структуры (финно-угорские и возможно, славянские). Из всех типов и форм языка, возникших в различных социально-политических условиях, в данном случае преобладающе было бы выделить два типа общедно-бытовой речи, имеющих статус наддиалектного образования: это, в первую очередь, узкорегionalное разговорное койнэ (его иногда называют ареальным или же полудиалектом) и более, внетерриториальное койнэ.

Как зафиксировано в исторических источниках, в X в. - в период образования государства - в Волжской Булгарии было два крупных города: Сувар и Булгар. Сувар был племенным центром суваров (сабаров) и считался одним из главных и значимых городов Волжской Булгарии, где в

первой половине X в. чеканились монеты с именами царей Нарс бен Ахмед Сувар, Талиб бен Ахмед, Мумин бен Ахмед (Смирнов 1951, 232). Однако после 976 г. суверенный Сувар потерял политическую самостоятельность и подчинился царю болгар. Теоретически можно предполагать, что в каждом крупном городе ⁵ могла функционировать какая-либо форма языка наддиалектного характера (не считая письменно-литературного). В Суваре существовали определенные условия для образования городского койнэ, ослабляющего родоплеменные связи, на что указывают такие косвенные факты, как распространение ислама (по сведению эль-Балхи, в X в. в Суваре имелась главная мечеть). В домонгольское время город стоял на линии торгового пути из Средней Азии в г. Булгар и был местным центром торговли и ремесленной деятельности. Однако из-за отсутствия фактического языкового материала (не считая зафиксированных у М. Кашгари) лишь с определенной долей вероятности можно вести речь об образовании в Суваре городского койнэ. Кроме того, не выяснена его роль в экономической и политической жизни государства.

Несколько иное положение относительно Булгара: после преодоления сопротивления ряда племен и победы в военных столкновениях с чужеземцами централизованная власть находилась в руках болгарского царя, носившего титул "эльтебер", и в предмонгольский период в Поволжье монетным двором располагала только столица государства г. Булгар (Мухаммадиев 1983, 10). Политический, культурный и экономический статус стольного города предопределил все более выраженную специализацию ремесленников, четче разграниченным становилась классовая прослойка общества. Усиление государственного единства стимулировало стремление и к языковому единству, складывалась официально-деловая форма языка. Косвенные данные позволяют высказать мнение о полиэтническом характере населения города: здесь проживали носители не только разных диалектов, но и разных языков. Следует учесть и то, что принятие ислама вызвало приток духовенства и их приверженцев из Средней Азии, к тому же Булгар был не только политическим, но и торговым центром. Все это привело к образованию койнэ — языка междиалектного общения, который, как показывают примеры М. Кашгари, имел общетюркские черты.

Главным фактором, вызывающим появление койнэ, выступает практическая потребность в нем; койнэ складывается при наличии довольно существенных диалектных различий.

Общетюркский характер койнэ, на наш взгляд, был обусловлен сле-

⁵ Считается доказанным существование в Волжской Булгарии 158 городов (Фахрутдинов 1975, 18). Однако имеющиеся на сегодняшний день о большинстве из них сведения различного характера и различной достоверности не могут служить базой для предположений о каких-либо языковых стратах.

лучшим:

1) наличием в составе болгарского союза племен и таких, которые говорили на э-языке, о чем свидетельствуют отдельные факты, зафиксированные Ибн-Фадланом, да и сам титул "эльтебер" болгарского царя, известный в тюркском мире с XI в., носили также племенные вожди в тюркском каганате⁶;

2) тесными этнокультурными⁷, торговыми и политическими связями Волжской Булгарии с племенами, говорящими на языке огузо-кыпчакского типа и живущими на сопредельных территориях;

3) проникновением в Волжскую Булгарию с начала XI в. западных кыпчаков (отдельные небольшие группы, видимо, были еще раньше в составе болгарского союза племен), которые занимались ремеслами, торговлей, земледелием и занимались в армии (Димитриев 1984, 35)⁸;

4) прибытием большого числа представителей духовенства и их последователей из Средней Азии после официального принятия болгарями исламской религии. Можно полагать, что духовные руководители занимали высокую степень в аристократической иерархии общества. Поэтому и их язык в силу своего положения оказывал ощутимое влияние на складывавшееся койне;

5) знакомством населения с литературой на тюркском литературном языке того периода и ее распространением. Нельзя не согласиться с Г. Т. Тагирджановым (Тагирджанов 1979, 46-48) в том, что традиции А. Ясеви и С. Бакиргани на болгарской земле были весьма популярны. Материалы литературных памятников применялись в медресе для обучения грамоте; в результате появился литературный образец на отшлифованном, нормированном языке.

Естественно, не все перечисленные условия, влияющие на характер наддиалектной формы языка, имеют одинаковый вес; не исключена также возможность появления и иных условий, имеющих какое-либо значение в конкретных исторических и историко-культурных ситуациях в выборе необходимого комплекса языковых средств.

⁶ См. также работу О. И. Смирновой (1981, 249-255), которая восстанавливает имя болгарского царя как Эль альмыш (< эль 'страна, народ, государство и т. д.' + ал- 'брат, взять, покорить и т. д.'), где аффикс -мыш указывает на присутствие огузского признака.

⁷ См., например, древнеболгарский социальный титул *älti* 'госпожа, барыня', который имеет кыпчакское происхождение (Ночташ 1894, 53).

⁸ Во время похода русских князей на Великий город (то есть Билляр) в 1183 г. уже на болгарских землях к ним присоединялись "Емяковы половцы" во главе с болгарским князем. Это были йемеки, одно из тюркских племен, входившее ранее в кимако-кыпчакскую федерацию на севере Центральной Азии (см. Савинов 1984, 103-107; Измайлов 1984, 103).

Как правило, образцовым признается язык какой-нибудь местности или же какого-нибудь города (Пауль 1960, 475). Учеными убедительно доказано, что город в жизни страны имеет большое значение. Он выступает очагом ремесленного производства и торговли, культурным и экономическим центром, здесь создаются многообразные условия для развития особой формы обобщенной речи (подробнее см.: Десницкая 1970, 5-8). В этом отношении г. Булгар не составлял исключения (см.: Смирнов 1951), поэтому у нас есть все основания утверждать, что именно здесь сложилась обобщенная наддиалектная форма языка, так называемый полудиалект, что положило начало процессу диалектной конвергенции. Поскольку мы не располагаем материалами, проливающими свет на характер языковой ситуации в других городах государства волжских булгар, мы исходим из текстов эпитафий XIII-XIV вв. (хотя и осознаем возможность изменения языковой ситуации в связи с миграцией племен, входивших в состав Золотой Орды), которые позволяют предполагать относительную близость языковой основы столь разных в территориальном отношении памятников (см. карту на с.23).

Соотношение указанных выше двух типов койне менялось в процессе исторического развития общества в зависимости от коммуникативных задач. Широко развитая торговля, рост производственных отношений, расцвет многочисленных городов и другие экстралингвистические стимулы практического плана должны были вызвать устранение имеющихся различий между существующими типами обобщенной речи. Считается, что к XII в. в Волжской Булгарии сформировался обобщенный тип речи более высокого порядка - булгарское общенародное койне (Фасеев 1966, 809), которое имело общетюркский характер (Хакимзянов 1978, 22). Встает вопрос о литературном языке этого периода: противопоставлялись ли разные типы языка, каковыми выступают койне и литературный язык, или же письменная форма общенародного койне (хронологически являющаяся более поздним образованием, чем его устная форма) применялась и для осуществления официально-деловых связей.

В определенных исторических условиях, как это было, в частности, на Руси, формирование литературного языка связано с возникновением и расширением практических потребностей государства. Новая форма общественной организации нуждается в специфических языковых формах для осуществления деловых связей внутри страны и вне ее (Типы 1981, 98). Проблемой становления и развития тюркских средневековых литературных языков занимались многие ученые (например, А. Н. Самойлович, А.К.Боровков, В. В. Радлов, С. Е. Малов, Я. Эрман, К. Брокельман, Э. Н.Наджиб, Э. Р. Тенишев и др.) и, по мнению большинства из них, в Золотой Орде к тому времени оформился "путем кыпчакизации литературного языка эпохи караханидов в Кашгаре" (Самойлович 1927, 27) тюркский литературный язык. Выходит, он сложился на базе более древнего караханидско-уйгурского литературного языка и местных диалектов. Какого же качества был литературный язык Волжской Булгарии в домонгольское время? Ни-

каких литературных источников, давших ответ на этот вопрос, нам не известно. Считается бесспорным применение арабского языка в качестве языка религии и языка науки: на нем написаны "История Булгарии" болгарского кази Якуба ибн Нугмана (XII в.), труды кази Абу-л-Галла Хамид ибн Идриса ал-Булгари (XII в.), Хасана Булгари (XIII в.), шейха Бурхан ад-Дина ибн Хидр ал-Булгари (XIV в.), шейха Бурхан ад-Дина Ибрахима ибн Юсуфа ал-Булгари (XIV в.), шейха Мухаммада ал-Булгари (XIV в.) и т. д. (Тагирджанов 1970, 50-52; ۷۲-۷۸, ۱۸۹۷ مرخانی)

Бесспорно и то, что в это время в Волжской Булгарии существовал книжно-письменный язык традиционных литературных жанров, нашедших отражение в "Кисса-и Юсуф" Кул Али. Обычно произведения такого характера опираются на хорошо обработанную систему художественных и языковых средств, поэтому они менее подвержены непосредственному воздействию других форм языка и инновациям. Отдельные высказывания о языке этого литературного памятника имеются в работах Э. Н. Наджиба (1976, 74-88), Ф. С. Фасеева (1976, 172), Г. Т. Тагирджанова (Тагирджанов 1979, 98), Н. Ш. Хисамова (1979, 18-21; 1984, 295) и др. Говоря о языковой принадлежности, авторы называют: огузский литературный язык (Э. Н. Наджип) и староосманский (К. Брокельман), огузо-кыпчакский литературный язык (Э. Н. Наджип) и поволжский турки (Дж. Алмаз, Ф. С. Фасеев и др.). Смешанный огузо-кыпчакский характер этого произведения (точнее, его языка) вынуждал некоторых исследователей считать его написанным в Хорезме, однако все среднетюркские литературные языки имеют смешанный характер. По этой же причине иногда основу поволжского турки (поволжского варианта тюркского литературного языка) ищут в регионе проживания огузов и кыпчаков и где, естественно, функционировал литературный язык. По мнению Ф. С. Фасеева (1981, 30), например, поволжский турки является продолжением огузо-кыпчакского койна и соответственного письменного языка фольклорного типа, сложившегося в стенах Хорезма.

К сожалению, "Кисса-и Юсуф" пока не исследован в общелингвистическом плане, а имеющиеся работы об отдельных языковых особенностях или экзотических формах не позволяют представить во всей полноте систему его языка, эволюцию (или сохранение) грамматических категорий в их системных взаимоотношениях и функциональную характеристику. Однако нельзя упускать из виду, что "Кисса-и Юсуф" - поэтическое произведение, написанное высоким стилем, а такие произведения, как правило, бывают в большей степени оторванными от народно-разговорной речи и характеризуются своим искусственным книжно-литературным языком. Ведь поэтический язык складывается на основе отобранных поэтической традицией форм разных диалектов (языков), которые в языке произведений образуют сложное поэтическое единство. Несомненно, данная поэма создана на основе литературно-языковых традиций периода караханидов и, согласно исследованию Н. Ш. Хисамова (1979, 228-229), литературные истоки ее восходят к огузскому и булгаро-татарскому поэтическому творчеству.

Исследователи, признавшие болгарский язык р-языком, в доказательство его трансформации в язык обштуркского типа с з-признаком приводят эпитафии Волжской Булгарии XIII-XIV вв., тем самым они считают их памятниками обиходно-разговорной речи. Однако памятники с двумя типами языка существуют в одно и то же время и обнаруживаются на всей территории Волжской Булгарии, поэтому здесь не может быть и речи о трансформации языка. Необходимо учесть и функциональный аспект, который зачастую не принимается во внимание: эпитафии, как правило, пишутся на "священном" языке (в данном случае, на арабском - языке Корана), на письменно-литературном или языке предков. Последний мог сохраниться в виде клишированных выражений.

Золотоордынский период письменно-литературного языка необходимо изучать с учетом и социально-исторических факторов, которые вызывают изменения в языковой ситуации. После четырехлетнего сопротивления Волжская Булгария была покорена, а важнейшие города - Булгар, Биляр, Сувар, Кернек, Зукотия - были разрушены. Однако Поволжье было выбрано центром громадного государства - улуса Джучи; особое внимание Бату обратил на возрождение городской жизни и торговли, в чем он видел источник доходов (Греков, Якубовский 1950, 61-65). Вторая половина XIII в. стала периодом экономического восстановления Булгарии (Смирнов 1951, 53-54), в Булгаре стали чеканиться монеты хана Бату, что свидетельствует о быстром восстановлении столицы (Мухамадиев 1983, 43). Все это вызвало приток нового населения (мастеров, торговых людей, проповедников мусульманства), в основном, из Средней Азии.

Известно, что в XIII-XIV вв. в низовьях Сырдарьи, на территории Хорезма и Золотой Орды, сложились своеобразные смешанные письменные языки. Это были кыпчакско-огузский литературный язык й-группы и огузо-кыпчакский литературный язык з-группы тюркских языков (Наджип 1965, 88-89), иногда их называют золотоордынско-восточным (з-язык) и золотоордынско-западным или мамелюкско-египетским (й-язык) языками (Баскаков 1970, 15) или же, вслед за восточными источниками, хорезмско-тюркским литературным языком (Тенишев 1979, 84-85).

Исходя из того, что в Среднем Поволжье встречаются относящиеся к нескольким векам историко-литературные памятники с з- и й-языковыми литературными традициями, можно предположить их активное проникновение без приоритета какой-либо традиции. Оказавшись в кыпчакской среде, под влиянием разговорного языка и языка деловых бумаг и документов, распространенного в улусе Джучи, средневековый тюркский литературный язык обогащался кыпчакскими элементами. И все же язык определенной группы эпитафий волжских булгар свидетельствует о сохранении некоторых черт, характерных для более раннего состояния, которое проявляется в диссимильативном написании глухих и звонких при присоединении аффикса - ср. *törtä* 'в четыре', *beşä* 'в пять' (однако имеются и *segizä* 'в семь'), при сочетании сонорных с глухими - ср. *galimlärqa* 'ученим'

ши'минца 'правоверному', tärbiyä qılcaп 'воспитавший'. Такие же особенности были свойственны языку караханидско-уйгурских памятников. Очевидно, формирование стиля эпиграфических надписей шло под существенным влиянием народно-разговорного языка, хотя особый характер и функциональная направленность надмогильных памятников способствовали сохранению старых традиций и "образцов выражений". В этом отношении любопытны надписи на болгарских монетах того периода, которые фиксируют традиционные написания с аффиксом -lıy. Так, на дирхеме 683 г. (то есть 1284 г.) написано $\text{قوتلىق بولسۇن! 683}$ Qotlıy bolısun! 683 'На счастье! 683'. Аналогичный аффикс употреблен и в зиятафиях, ср.: qutlıy 'счастливый' и Qutlıy - имя собственное; в то же время в "Кисекбаш китабы" (XIV в.) применены qutlu 'счастливый', kögkılı 'красивый', но есть и ılıy 'большой' (Ахметгалеева 1979, 107).

Глава 2
ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
XIII-XIV ВВ.

ХАРАКТЕР ЭПИТАФИИ И ШКОЛЫ РЕЗЬБЫ ПО КАМНЮ

Эпиграфические памятники Волжской Булгарии охватывают период XIII-XIV вв. Хотя в научной литературе и имеется упоминание об эпитафии 1173 г. (Журнал 1770, 21), к этому сообщению надо отнестись критически, тем более что отсутствуют какие-либо текстовые материалы, подтверждающие указанную дату.

Когда-то у древних булгар, как и у древних турков, над погребениями, видимо, ставились символы человеческого изображения для погребально-поминальных обрядов (ср. тат. сынташ и башк. һынташ 'каменная баба', ташбилге и ташбилде 'каменный знак', тат. тораташ 'каменное изваяние; небольшая скала', чув. палля// палля 'знак, примета, показатель, обозначение', паллак (уст.) 'памятник', шия 'надмогильный столб'), в которых вначале отсутствовал текстовый материал. Когда появилась традиция устанавливать каменные памятники с надписями — сказать трудно. Из всех известных науке эпитафий волжских булгар самой древней является надпись 1244 г., исследованная Г. Ахмаровым, но не сохранившаяся до наших дней (۱۲۰۰، ۱۹۰۸ احرف — см. также с. 89 данной работы), а из сохранившихся — надпись 1271 г., которая хранится в Болгарском государственном историко-архитектурном заповеднике. Массовое распространение мусульманской лапидарной эпиграфики по времени совпадает с золотоордынским периодом в истории Волжской Булгарии, и вполне можно допустить, что эти два явления каким-то образом между собой взаимосвязаны.

В свое время А. Г. Мухамадиев (1980, 128-130) пытался провести параллель между воспарением на престол хана Туда-Менгу (1280-1287) и появлением первых эпиграфических памятников на своеобразном языке с ротацизмом. По его мнению, еще при хане Берке (1257-1266) в Волжскую Булгарию могли проникнуть отдельные черты ортодоксального ислама, которые при Туда-Менгу (в годы феодальной смуты) стали использоваться для завуалированной борьбы булгар против власти монгольских ханов. Оказывается, ортодоксальный ислам мог существовать среди шейхов и благочестивцев, окружавших хана, свидетельством чего и служат надмогильные камни, оставленные приверженцами этого направления религии. Конечно, любые гипотезы, чтобы считаться хотя бы рабочими гипотезами, требуют веских доказательств, иначе они будут считаться лишь плодом фантазии. Синонимически употребленные автором термины "ислам" и "ортодоксальный ислам" совершенно

но не раскрыты, хотя по своей сущности они могут быть различными.

Как известно, в Волжской Булгарии ислам стал официальной религией с X в. И если бы в XIII в. стал проникать ислам другого толка, то такое явление обязательно нашло бы отражение в исторической литературе, но этого нет. По сути дела ортодоксальный ислам является не новой религией, а направлением ислама, догматически придерживающимся его канонов. Так что, если даже его последователи (то есть мухаккимы) и стали политической силой в Волжской Булгарии (это допущение само требует серьезных доказательств), оно никак не могло отразиться на выборе языка эпитафий, по крайней мере, на оформлении плит кораническими формулами. Языком надмогильных памятников мог выступать язык Корана, язык предков или же литературный язык той эпохи - все зависело от социолингвистической ситуации. Таким образом, выбор языка надмогильных памятников, которые считаются вечной памятью усопшему, не является следствием борьбы за ханский трон в Золотой Орде .

Устанавливание эпитафических памятников на могилах должно быть связано с развитием каменного строительства в Волжской Булгарии, точнее с архитектурной декорировкой. Нахождение армянских могильных плит 1218, 1308, 1321 гг. и т. д. у "Греческой палаты" на Болгарском городище, указывает на пребывание армянских мастеров (носителей лучших традиций резьбы по камню) и в Булгарии¹. Поэтому не совсем верным будет утверждение, что "мусульманская религия и сопутствующая ей эпитафическая традиция болгаро-татарского типа была привнесена в Болгарский улус волной золотоордынских мусульманских переселенцев, но не раньше" (Егоров 1984, 95).

В третьей четверти XIII в. эпитафические памятники стали появляться как в Закамье² - в центральных районах государства, так и в Заказанье³. С начала XIV в. памятники начинают ставиться по всей территории Волжской Булгарии. Все это, на наш взгляд, говорит о том, что в данный период начинается массовое изготовление надмогильных памятников с разнообразной орнаментацией, шрифтом и т. д., которое никак нельзя объяснить зарождением искусства резьбы по камню и каллиграфии только лишь

¹ Эпитафические памятники на армянском языке имеются и в других местах, - подробнее см.: Джанполадян 1984, 73-79. Ранее в литературе была принята более ранняя датировка некоторых армянских надписей из Болгарского городища, например 1108, 1121 гг., однако Р. М. Джанполадян считает, что при определении дат были допущены ошибки.

² Найдены в Болгарском городище и в с. Ямбухтияно Куйбышевского р-на ТАССР.

³ В с. Русский Урмат Высокогорского р-на ТАССР (см. Калинин, Халиков 1954, 99-100; Юсупов 1960, табл. I) и в Казани (مرجانی ۱۸۹۷; Ашмарин 1905, 92-112).

в указанное время. Как показывает сравнительный анализ свыше четырехсот эпиграфических памятников, в то время в Волжской Булгарии существовало по крайней мере три центра по изготовлению надгробий и ведущим являлась Булгарская школа резьбы по камню (Мухаметшин, Хакимзянов 1980, 33-34). Наряду с общими элементами для всех центров, каковыми считаются форма памятника, мера длины (локоть), стрельчатая арка, структура текста и состав лексики, в них имеются различные стилистические и типологические приемы оформления памятников. Чем дальше от политических и экономических центров, тем сильнее чувствуется разнообразие деталей и элементов оформления.

Один из центров резьбы по камню функционировал в пределах бывшего Буковитинского княжества в Закамье, о чем свидетельствуют эпиграфические памятники, находящиеся близ с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР. Рядом с селом расположено "кладбище мюридов (то есть последователей духовного руководителя)" со множеством камней без надписей, выложенных по периметру могил. А на втором, "ханском кладбище", сохранились свыше десяти как хорошо обработанных, изящных, так и более простых стел с невысокой аркой и с орнаментальным комплексом солярного характера (см. Хакимзянов 1978, II2-II7, I30-I31, I34-I35, I66-I67 и др.). Недалеко от села обнаружено булгарское городище, называемое местным населением "кала уртасы" (то есть центром города), что указывает на некогда существовавший здесь древний город. К этой школе резьбы по камню следует отнести памятники из сел Старая Татарская Киреметь, Новое Демкино, Старые Савруши Аксубаевского р-на ТАССР (см. в "Приложении" рис. I6).

В связи с походом русских князей на булгарские земли в XIV в. в летописях упоминается г. Кирменчук. С этим городом связаны два старинных кладбища близ с. Средние Кирмени Мамадышского р-на ТАССР. На одном из них, "ханском", сохранились 14 эпитафий, на втором памятников нет. На "ханском кладбище" с. Нижние Яки - 26 памятников с надписями булгарского периода. Многие памятники этого региона с полукруглым верхом, не блещут каллиграфией, орнаментальными деталями, и единственным их украшением служит розетка солярного характера. Из всех известных памятников только на этих подбуквенные и надбуквенные точки делались сверлением круглым предметом (см. Юсупов 1960, табл. 24-28, 32, 34-36, 47; Хакимзянов 1978, рис. 4, I4, I9, 22, 24).

Видимо, первоначально центром по изготовлению надмогильных памятников была столица государства г. Булгар, где сложилась своеобразная школа резьбы по камню (подробнее см. Мухаметшин, Хакимзянов 1980, 33-34). Со временем выработался определенный стереотип, который в обязательном порядке применялся мастерами-резчиками в пределах Волжской Булгарии.

В языковом отношении все эпиграфические памятники можно разделить на три группы: на арабском языке, на тюркском р-языке и на тюркском

э-языке. Исходя из диалектных признаков, тюркоязычные памятники были условно разделены на т-, дж- и й-диалектные, причем первые две группы составляли р-язычную группу эпитафий. Использование термина "диалект" было оправдано для дифференциации только этой группы текстов. Что касается й-диалекта, то была выдвинута гипотеза об отражении им письменной формы общезначимого койна, а не разновидности языка, ограниченной территориальными или какими-либо другими рамками, то есть в данном случае термин "диалект" употреблялся в своем расширенном значении (Хакимянов 1978, 21-22).

Для нас весьма важно то обстоятельство, что все названные группы памятников относятся к одному и тому же хронологическому отрезку и они не соотносятся с указанными центрами по изготовлению надмогильных плит в языковом отношении. Показательно лишь более компактное расположение памятников на дж-диалекте в бывшем Жукотинском княжестве. В связи с этим уместно остановиться на одном спорном вопросе.

Нередко исследователи в целях подтверждения каких-либо своих воззрений генетического порядка приводят количественный подсчет памятников с тем или иным языковым признаком. Так, Н. А. Андреев (1956, 244), разделяя памятники на имеющие чувашские и татарские элементы, писал: "Эпиграфические же памятники с татаризмами (вернее с кыпчак-татаризмами) появляются несколько позже, в первой четверти XIV века, и относятся к этому веку небольшое число".

Высказывание Г. В. Юсупова (1960, 59) о наличии более 200 эпитафий с р-признаком, что составляло 90% всех известных памятников Волжской Булгарии, было подхвачено некоторыми исследователями без должного осмысления и на этой основе делались этногенетические выводы. "Важнейшей аргументацией утверждения об определяющей роли болгарского компонента в этногенезе чувашей являются данные языка - прежде всего эпитафии на позднеболгарских надмогильных плитах XIII-XIV вв., - утверждал В. Д. Дмитриев (1984, 47). - Их сохранилось свыше 200. Из них 90 % содержат чувашские слова (с ротацизмом) и всего 10% - татарские слова (с зетацизмом)" (см. также: Дмитриев 1957, III-II2; Федотов 1979, I4-I5). Не затрагивая этногенетическую проблему (она не входит в нашу задачу), можно сказать следующее: цифровая аргументация могла бы иметь научную ценность только при соблюдении основного условия, а именно при соблюдении положения о том, что всякий конкретный метод научного познания имеет определенные рамки и границы применения. И при их выборе необходимо исходить из конкретных положений и условий. Статистический подсчет требует, в первую очередь, знания общего числа памятников, и только тогда можно выводить проценты. А между тем более чем из 400 (а не 200!) зафиксированных эпитафий этого периода часть памятников выполнена на арабском языке, на отдельных обломках сохранились лишь одно-два слова или просто буквы. Не выяснено, на каком языке были написаны эпитафии, о наличии которых известно лишь по сообщениям информантов, ибо надписи их со временем стерлись.

Нельзя упускать из виду и тот факт, что обработанные плиты были удобны для всяких строительных работ, хозяйственных нужд. В. Смолин (1919, 73), например, писал: "По словам крестьянина Дубова, в его участке прежде много находили писаных камней (особенно при его отце) Кроме того Дубов указал на свой погреб, сделанный из тесаных камней, найденных на его участке". Весь фундамент церкви Успения и колокольни в Булгарах сделан из надмогильных плит, несколько эпитафий находилось в фундаменте церкви с. Арбузов Баран Алексеевского р-на ТАССР, из них выкладывались дворы (Шпилевский 1880, 18), они применялись для устройства "запруды мельницы г. Чистова" (Пономарев 1893, 328), а иногда терялись, разбивались и т. д. (см. Ивнсков 1879, 113; Юсупов 1961, 45, 49; Булатов 1963, 56 и др.). Во время экспедиционных поездок лишь за последние годы приходилось слышать, что в с. Барское Енорускино Аксубаевского р-на ТАССР, например, уничтожено несколько десятков памятников (сейчас там осталось только 2), в с. Старые Савруши того же р-на две плиты с надписью заложили под насыпь дороги, в поселке Аксубаево плиты использовались под фундамент административного здания и т. д.

К сожалению, соблазн использовать эти своеобразные письменные источники для подкрепления зарождающихся идей слишком велик, в результате появляются необоснованные утверждения. "Только во второй половине XIII в. эпитафические памятники оформлялись на двух языках — или на чисто болгарском, или на чисто кыпчакском и, отчасти, на смешанном кыпчакско-болгарском, — писал Н. И. Егоров (1984, 99). — В самом конце XIII и в первой половине XIV вв. тюркоязычная часть текста эпитафий оформляется уже т о л ь к о (разрядка наша. — Ф. Х.) на болгарском языке". Такое предположение бездоказательно как в первой части, так и во второй. Чтобы удостовериться в ошибочности этого утверждения, достаточно взглянуть на "Приложение" настоящей работы — и в первой четверти XIV в. и в дальнейшем памятники на тюркском э-языке (по терминологии Н. И. Егорова, — кыпчакском) продолжают функционировать.

В изучении эпиграфических памятников Волжской Булгарии в лингвистическом плане определилось два комплекса проблем: 1) выяснение приемов графического выражения тюркской речи и чтение на этой основе р-язычных эпитафий; 2) анализ соотношения языковых образований разных типов письменных памятников.

О языке р-язычных памятников существует несколько исследований разного объема и характера (см. Аммария 1902, 71-105; Pritsak 1959; Benzing 1959, 691-695; Юсупов 1960, 66-98; Кона-Тав 1976, 153-186; Хакимзянов 1978 и др.), что позволило отказаться от обсуждения здесь проблем, связанных с ним. Отметим лишь основные гипотезы относительно этого языка, выдвинутые учеными. В сущности он признается болгарским (или гунно-болгарским), но затем это понятие осознается этногенетически: одними как древнечувашский, другими как разговорный татарский. В последние годы была выдвинута еще одна гипотеза, в основе

которой лежит признание р-язычных эпитафий памятниками хазарского языка. По мнению А. Г. Мухамадиева (1980, 124; Мухамедиев 1981, 170-175), можно допустить, что "элементы клерикальной, ритуальной лексики из эпитафий второго стиля являются сохранившимися крупинками считавшегося не дошедшим до нас хазарского языка". Его же он называет "хазарско-булгарским" языком (с. 128).

На что же опирается автор, выдвигая такую гипотезу? Ведь о языке хазар конкретно ничего не известно, не считая, конечно, некоторых титулов, топонимов и антропонимов (см. Németh 1940, 217-226; Benzing 1959; Dabrowski 1975; Зеккиев 1977, 66-73; Golden 1980; Щербак 1982, 105-106 и др.). Аргументами автора в пользу хазарской версии языка эпитафий являются: а) временные границы памятников этой группы (80-е годы XIII в. - 50-е годы XIV в.) совпадают со временем распространения ортодоксальной исламской религии в Среднем Поволжье; б) некоторые слова в эпитафиях графически сходны со словами на монетах.

Для подтверждения своей идеи автор ссылается также на северокавказские рунические надписи. Но они не могут служить подтверждением хазарской окраски языка волжскобулгарской эпиграфики. Ведь известные науке надписи сами считаются памятниками то ираноязычных алан и касогов (Г. Ф. Турчанинов), то тюркоязычных алан (М. А. Хабичев), то протобулгар (В. А. Кузнецов, Е. П. Алексеева, Х. Х. Биджиев и др.). Исследователь языка рунических памятников данного региона С. Я. Байчоров (1977, 30) пришел к выводу о протобулгарском характере языка со следами д- и дж-диалектов, имеющих ротацизм⁴.

Что касается общих явлений в языке монет и эпитафий, то это - лишь кажущаяся общность. Автор, солидаризуясь с Г. Дерффером, интервокальное сочетание -ь- (в слове كوان 'день') признает за ди́тонг -üä- или -üo-. Это же положение А. Г. Мухамадиев (1980, 133) распространяет и на начало слова - в результате, написание وان الطين 'шестнадцатый' он читает как uon woltiv⁵. Однако ничем не обоснованные фонетические скачки (ср. др.-тюрк. kün 'день, солнце' > булг. *küān ~ *küon > ср.-тюрк. и совр. тюрк. kün // kön // qun ...) выдаются за закономерность, перенос приема чтения диграф в середине слова на авлаут также ничем не оправдывается (если следовать этой методике, то следовало бы читать وان uap или wap, поскольку u=a, ü, o; l=a). Такая интерпретация, известная в науке как "наивная буквенная филология" (Амирова 1977, 116), игнорирует общие и частные фонетические закономерности.

⁴ Ср. с фактом наличия в волжскобулгарском языке т- и дж-диалектов

⁵ Здесь, видимо, типографская ошибка: второе слово следует читать altiv.

⁶ А как быть тогда с формами ون // ون?

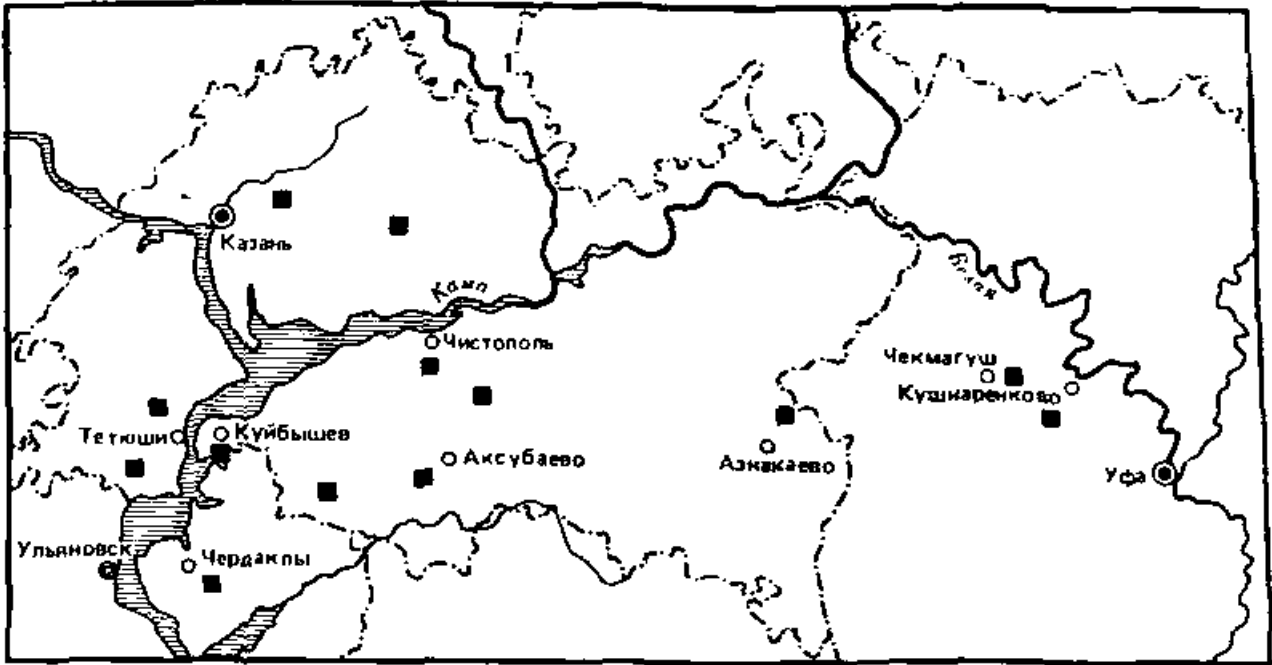
Такой прием применяется и при чтении написания **بولغار** 'Болгар' на монете, чеканенной от имени халифа Насыра. Нам, например, не известно ни одного источника, где бы название столицы государства было написано в виде Буолгар. Об этой форме на монетах в свое время писал Н. Ф. Катанов (1895, 36), читавший -l- как o (см. также: Хакимзянов 1978, 54). Такая графическая передача встречается лишь на монетах более раннего периода, когда еще сохранялись уйгурские традиции письма. Как яркий пример графической условности при приспособлении иноязычного алфавита к тюркской речи см. несторианские написания АОН (он 'десять'), АУД (уд 'корова'), КУИИ (куи 'день') и т. д. (Джумагулов 1971, 145).

ИЗУЧЕНИЕ 3-ЯЗЫЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ

В начальный период изучения эпиграфических памятников Волжской Булгарии, когда надгробья рассматривались лишь в качестве историко-археологических памятников "Булгаро-хазарского царства", все внимание исследователей было направлено на фиксацию камней с надписями. В этом отношении характерны сообщения, отчеты и заметки членов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. "На месте новой деревни Нижне-Никиткиной был древний болгарский аул. Есть следы старого кладбища с двумя писаными камнями ... в огороде Кузьмы Алексеева", - писал, например, П. А. Пономарев (1893, 328). Он же сообщал о наличии камней с арабской надписью в деревнях Дигитли, Букени, Дмитриевка на собраниях Общества (Пономарев 1886, 14-15). "На гумне у одного из крестьян есть несколько надгробных камней с надписями", "в сорока саженях от дороги... есть несколько могильных камней, один из них с надписью", - подмечал И. А. Износков (1880, 104-105). В то же время надпись более позднего периода он характеризует в языковом отношении и называет ее татарской (там же, с. 106). А в заметке П. Вознесенского (1894, 76) язык одной из эпитафий XIV в. назван "древнетатарским с небольшой примесью чувашского" (неизвестно только, чье это определение - его самого или же И. Ф. Готвальда, переводчика текстов).

Со временем, наряду с такими краткими информационными сообщениями стали публиковаться и сами тексты надписей, правда, без всякого объяснения. По мере накопления фактического материала и с усилением интереса к волжским булгарам у исследователей появилось стремление к языковому осмыслению текстов, в результате которого возникли варианты дешифровок, что, в свою очередь, породило необходимость объяснения отдельных лексем.

Х. Фейзханов (1863) положил начало исследованию болгарских стел как памятников языка. В течение нескольких десятилетий все внимание исследователей уделялось надмогильным памятникам со своеобразным р-языком: интерпретировались их тексты, отдельные слова сопоставлялись со словами современного чувашского языка. Поэтому долгое время было (да и ныне быть яет) мнение о том, что памятники с р-языком яв-

ляются болгарскими (или древнечувашскими), а другие, заметно отличающиеся по языку - поздние, татарские. Между тем, в существовании этих двух групп памятников хронологического различия не наблюдается: обе группы функционировали в XIII-XIV вв. Различие только в том, что р-языковые памятники после XIV в. не обнаруживаются, а написанные "обычным" тюркским языком ставятся и позже.

Специальных исследований группы памятников с з-языком нет⁷. Видимо, надписи на них считались бесспорными и не вызывали никакого сомнения. Еще в начале XX столетия Н. И. Ашмарин определил язык некоторых текстов, списанных в 1722 году для Петра I, чагатайским: "Эта эпитафия на джагатайском наречии", "тюркские формы надписи принадлежат джагатайскому наречию" (Ашмарин 1902, 84, 94).

Ту же самую мысль повторил он и при рассмотрении текстов Г. Ахмарова, заметив, что "в этой эпитафии (если она списана верно) чувашские формы перемешаны с джагатайским" (там же, 97). Точно такого же мнения придерживался и Г. Газиз (Г. Губаидуллин), утверждавший, что одни болгарские камни написаны на арабском языке, другие - на языке наподобие чагатайского, а в третьих чагатайские формы смешаны с хазо-тюркскими (Г. 1922, L-L). Однако в подобных утверждениях наблюдается явный исторический анахронизм. Чагатайский язык как термин возник в XIV в. в западной части бывшего улуса Чагатая, второго сына Чингиз-

⁷ Об изучении эпиграфических памятников Волжской Булгарии вообще и их языке см.: Юсупов 1960, 7-18; Róna-Tav - Podor 1973, 10-37; Хакимзянов 1978, 5-14.

хана, и как обработанный литературный язык сложился в XV в. Лишь после этого времени он мог оказывать какое-либо влияние (но не экспортироваться) на существующие литературные языки отдельных регионов. В XIII-XIV вв. (а, возможно, и раньше) на территории Волжской Булгарии, являющейся одним из культурных центров Золотой Орды, должен был функционировать локальный вариант тюркского литературного языка, который иногда называют болгарским литературным языком (см. Тенишев 1979, 88). К сожалению, до сегодняшнего дня некоторые языковеды некритически употребляют термин "чагатайский язык" - см., например, работу М. Р. Федотова (1984, 84), где он, ссылаясь на Н. И. Ашмарина, оправдывает применение этого термина. Конечно, такое утверждение можно было бы считать возникшим из-за неудачного применения термина, однако признание слов *oʻlli* 'его сын', *taṃuʻaʻi* 'хранитель печати', *bolʻan* 'случившийся', *erdi* 'было' староузбекскими (чагатайскими) и игнорирование уточненного текста эпитафии позволяют говорить об обдуманности такой позиции.

В своих трудах, касающихся болгарских эпитахий XIII-XIV вв., О. Прицак называет язык рассматриваемой нами группы письменно-тюркским литературным языком или тюркским мусульманским литературным языком огузо-кыпчакской чеканки; он четко разделяет эпитафии на написанные "гуно-болгарским" языком и огузо-кыпчакским литературным языком (Pritsak 1955, 9; 1959, 308).

Б. А. Серебrenников также отмечал, что "языки первой и второй серии эпитахий являются совершенно разными языками, один из которых принадлежит камским булгарам, а другой представляет древне-татарский язык" (1956, 73). Под термином "древне-татарский язык" он, очевидно, имел в виду старотатарский литературный язык, так называемый поволжский тюрки.

С. Е. Малов (1947, 40) язык этих памятников считал литературным тюркским среднеазиатским языком. Исследователями была отмечена непоследовательность С. Е. Малова в вопросе соотнесения какого-либо памятника с тем или иным тюркским языком (см., например: Фазылов 1975, 65), выявляющаяся прежде всего в терминологическом разнообразии: одни и те же памятники в различных публикациях он называл то среднеазиатским тюркским языком, то чагатайским, то тюркским языком Центральной Азии, то тюркским языком Средней Азии, то среднеазиатским турецким языком, то тюркским й-языком (с запада) и т. д. Поэтому трудно определить сущность термина "среднеазиатский литературный тюркский язык" в отношении эпитахий Волжской Булгарии. Только учитывая то обстоятельство, что такие историко-литературные памятники, как "Мухаббат-наме" Хорезми, "Кутадгу билиг", ярлык Токтамыша и Тимур-Кутлуга, считались им старочагатайскими, можно предположить чагатайское понимание и языка части эпиграфики волжских булгар.

Несколько иную точку зрения имеет Г. Т. Тагирджанов. По его мнению, архаичный болгарский язык с элементами р, л, м (вместо з, ш, н)

в эффиксе порядкового числительного в результате скрещивания с языками соседних тюркских племен (хазар, огузов, печенегов, кыпчаков и др.) трансформировался в болгарский язык обдетюркского типа; этому способствовало также распространение арабского языка в школах и чтение арабских религиозных текстов. Данный процесс происходил до XI в. "В результате получила широкое распространение традиция I стиля писать тексты надгробий почерками сульс, насх или вязью на литературном языке с элементами болгарского языка... Язык эпитафий I стиля возник на огузо-кыпчакской диалектной основе и в XI веке стал литературным языком для болгар" (Тагирджанов 1970, 57-58)⁸. Тут, конечно, можно было бы и согласиться с такой трактовкой вопроса, приняв положения о скрещивании языков и диалектной основе за неудачное употребление терминов. Но вот в других работах говорится об отдельных лексемах памятников данной группы, весьма близких к татарскому литературному языку, как о свидетельстве изменения болгарского языка (Тагирджанов 1975, 153; 1979, 31). Раз при взаимодействии языков произошла контаминация (но не скрещивание), и будем считать, что в данном случае на фонетическом уровне контаминированным оказался болгарский язык⁹, который затем, с XI в., стал выступать в качестве литературного языка, то он никак не мог быть на огузо-кыпчакской диалектной основе.

Говоря о волжско-болгарских эпиграфических памятниках, нельзя забыть ту огромную работу, которую проделала Комиссия по болгаро-татарской эпиграфике, созданная Научно-исследовательским институтом татарского языка, литературы и истории (ныне - ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР), по выявлению памятников старины и их фиксации. В письменном отчете Комиссии зафиксированы суждения ее председателя Н. Ф. Калининна о языке так называемых памятников I стиля. По его мнению, их язык следует считать "литературным языком того времени, каковым для Нижнего и Среднего Поволжья XIII-XIV вв. может считаться тюрко-кыпчакский язык с сильными элементами арабизма" (Калинин 1942, 34-35). То же самое повторил он и в своем докладе на сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР (Калинин 1948, 104).

На той же сессии выступили Л. З. Залий и А. Б. Булатов, у которых чувствовался одинаковый подход к языку памятников. Л. З. Залий (1948, 84-85, 88) о языковой принадлежности двух групп памятников отдельно не высказывался, однако из его тезиса об этапах формирования татарского

⁸ Подробнее о стилях эпиграфических памятников см.: Калинин 1948, 96-104; Юсупов 1960, 42.

⁹ Коль произошли переходы $p > z$, $l > ш$, $m > н$, то тут не может быть и речи о скрещивании. Главным условием для возможности языкового смешения является генетическая близость языков (подробнее см.: Серо-ренников 1980, 65).

языка можно сделать вывод о принадлежности всех памятников болгарскому языку на уровне его диалектов, на основе которых в конечном счете сформировался татарский язык. Это были соответственно суварский (с х-признаком: тохир 'девять') и булгарский (с к-признаком: тукуз) диалекты (Делэй 1954, 75). Того же мнения придерживался и А. Б. Булатов: "Казанский татарский язык является прямым продолжением болгарского языка..., суваро-булгарские диалекты были близки к современному языку казанских татар" (1948, 142). Как видно из приведенных высказываний, оба ученых считали все эпитафии памятниками татарского народно-разговорного языка. Такой же точки зрения придерживается У. Ш. Байчура (1979, 262-267).

Если Л. З. Заляй и А. Б. Булатов называли эти предполагаемые диалекты суварским и булгарским, то М. З. Закиев, не называя их, пишет: "Булгарские эпитафии говорят о существовании в ту пору в Болгарском государстве двух тюркских диалектов, весьма сильно отличающихся друг от друга. Один из диалектов относится к обычной огузо-кыпчакской группе и стоит очень близко к современному татарскому языку... Второй диалект на эпитафиях стоит между современными татарским и чувашским языками" (1977, 98). Таким образом, интересующая нас группа эпитафий оказывается написанной обычным тюркским языком (точнее, в нем отражен разговорный язык общетюркского типа) с огузо-кыпчакскими чертами.

Велики заслуги Г. В. Юсупова в развитии болгароведения, именно благодаря его деятельности мы имеем дешифровки множества памятников XIII-XIV вв. Он дал относительно подробное исследование с локализацией памятников, классификацией и некоторыми сведениями о языке надписей (подробнее о нем см.: Фахрутдинов 1975, 17; Хакимзянов 1978, 10). Развивая дальше идею Н. Ф. Калинина о двух стилях эпиграфических памятников Волжской Булгарии, он вначале называл язык надписей I и II диалектами (Юсупов 1956, 52), а затем - новобулгарским и древнебулгарским. О хронологическом несоответствии последних нам уже пришлось выступать в печати, здесь же мы остановимся на суждениях Г. В. Юсупова о языке так называемых памятников I стиля, написанных на новобулгарском языке. Естественно, он резко отличается от древнебулгарского языка, главным образом, фонетическими чертами. Этот факт натолкнул автора, точно так же, как и некоторых других исследователей, на идею о смене одного языка другим, близкородственным ему. "Обзор языка памятников I и II стилей указывает на существование некогда у болгар двух последовательно сменявших друг друга языков - древнебулгарского и новобулгарского, - принадлежавших одному, единому в социально-этническом отношении народу: волжским болгарам. Последнее убедительно доказывается наличием на одних и тех же кладбищах камней I и II стилей" (Юсупов 1960, 68). Оказывается, на новобулгарском языке написаны литературные памятники болгарского времени, например "Нахдж ал-Фарадис", "Кисса-и Лусуф" (там же, с. 68).

Даже соглашаясь с последним положением (не принимая во внимание терминологическое несоответствие), можно обнаружить явно противоречивые явления. Ряз новобулгарский язык имел статус литературного (эти памятники написаны на кипчакско-грузском литературном языке¹⁰, в чем никто не сомневается), то и древнебулгарский был литературным языком. А как же быть тогда с заявлением о языке племени и народности, о диалектных различиях и т. д.? Как объяснить одновременное употребление этих "сменивших друг друга" языков, чем вызвано написание эпитафии отца на одном, а сына - на другом языке? Чтобы ответить на эти и другие вопросы необходимо систематизированно изучить и язык памятников с э- признаком.

10

Иногда для поволжского ареала его называют поволжским тюрки или старотатарским литературным языком, но суть не в этом.

Глава 3

ГРАФОФОНЕТИКА 3-ЯЗЫЧНЫХ НАДПИСЕЙ

СВЕДЕНИЯ О ГРАФИКЕ

Консонантная арабская письменность надмогильных памятников в Волжской Булгарии имела ряд неудобств для передачи тюркской речи (подробнее см.: Хакимзянов 1978, 25–27). Даже учитывая то, что взаимосвязь устно-звукового и письменного языков характеризуется относительно большими комбинаторными возможностями для адекватных корреспонденций, заимствование графической системы всегда вызывает определенные трудности. Главная из них – необходимость отбора знаков или вкладывания иной фонологической нагрузки в отдельные графемы, так как фонологическая система каждого конкретного языка требует своего выражения в функциональных единицах.

Тексты 3-язычной группы памятников XIII–XIV вв. в отличие от надгробий, где зафиксированы ротацизм и ламбдаизм, написаны обычным тюркским ("тюркютским") языком. А до этого времени, как известно, был создан ряд вариантов тюркского литературного языка с разнообразными стилистическими вариациями (Тенишев 1976, 230–232). Наиболее известные и широко распространенные в Среднем Поволжье литературные памятники этого периода – "Хикматы" А. Ясеви, "Мухаббат-наме" Хорезми, "Гулистан" С.Сараи, "Кисса-и Мусуф" Кул Али, "Кисекбаш китабы" – были написаны на кыпчакском (или на кыпчакско-огузском) литературном языке. Это обстоятельство явилось усиливающим фактором распространения койне кыпчакизированного типа, так как "обучение грамоте происходит на материале литературных памятников, так что пишущему становится удобнее прижиться к господствующей орфографии, чем специально изучать какое-то особое правописание для своего диалекта или самому выдумать его" (Пауль 1960, 486).

К этому времени у писцов уже были выработаны определенные правила письма, которые отшлифовывались и узаконивались в течение столетий, ибо литературный язык отличается, прежде всего, традицией написания слов, выступающей впоследствии своеобразным орфографическим нормативом. Здесь в качестве примера можно указать на передачу в текстах согласных *g* и *k* одним знаком: كىلگاندآ *kiłgāndā* [181]¹, 'когда приходил',

¹Цифра в квадратных скобках означает порядковый номер памятника по нашей картотеке. Указатель мест находок или хранения приведен в "Приложениях".

где они обозначены через *каф*. Аналогичное явление наблюдается и в более ранних тюркских памятниках, например в "Кутадгу билиг" Исуфа Хас Хаджиба Баласагунского (XI в.), "Атебат уль-Хакаиик" Ахмад Алиба Югнаки (XII-XIII вв., а по предположению С. Е. Малова (1951, 316), возможно, X в.), "Кисса-и Йусуф" Кул Али (XIII в.). Отсюда можно сделать вывод, что резчики при составлении текстов эпитафий придерживались существующих орфографических традиций.

В з-язычных надписях имеются точки под буквами *ра̄*, *са̄д* и троеочье под *сӣн* — точно так же, как и в памятниках т- и дж-диалектов (Хакимзянов 1978, 27-28). Конечно, встречаются и отдельные надгробья, в которых точки поставлены под буквами *'айн*, *та̄*, что было характерно для другой группы памятников Волжской Булгарии. Выходит, что этим графическим приемом пользовалось большинство мастеров-резчиков, независимо от их принадлежности к различным школам и, возможно, этносам.

ОБЩИЙ ОБЗОР СОГЛАСНЫХ

В — губно-губной смычный звонкий согласный. В текстах встречается без позиционных ограничений, ср., например: *بيش* *beš* [164] 'пять', *بلغاری* *bulğari* [90] 'булгарский', *ابراهيم* *İbrahim* [153, 182] — имена собственные.

Он зафиксирован и в текстах на т- и дж-диалектах.

Ауслатную графему *-ь*, видимо, следует признать лишь графическим отражением его глухого корреспондента, так как в арабской письменности, которой пользовались резчики, *ь* не имеет своего знакового выражения.

Р — губно-губной смычный глухой согласный. Скучность имеющегося фактического материала, а также графическое неразличение глухого *р* и звонкого *ь* не позволяют наблюдать употребление этого звука в начальной и средней позициях. Исходя из тезиса о глухом ауслате, общепринятого для тюркских языков Урало-Поволжья, в следующих словах можно предполагать употребление *-р*: *أجور*² *Ajur* [90] — имя собственное, *رجب* *gäžär* [80, 127] — название седьмого месяца по лунному календарю.

Обозначение звука *р* в письме через знак *ба̄* держалось довольно долго, вплоть до начала XIX столетия, несмотря на то, что уже в рукописях XIII-XIV вв. началась дифференциация этих граф (Ахметгалеева 1978, 63-64).

В татарском и башкирском языках губно-губные смычные *ь* и *р* имеют несколько аллофонов, употребляемых в определенных позициях. В восточном диалекте татарского языка, который, кстати, относится к типу с преобладанием глухого звука, анлаутный *ь* имеет полувзвонкий характер, а в

²Подробнее см. Хакимзянов 1978, 31.

положении между гласными или сонорными и гласным он спирантизируется (Тумашева 1978, 56), в ряде слов цокающего говора западного диалекта $b \rightarrow p$ в результате регрессирующего воздействия глухого t (Махмутова 1978, 68-70). Это же свойственно и некоторым говорам среднего диалекта (Хайрутдинова 1979, 57), что скорее всего объясняется мишарским влиянием. Башкирский же язык характеризуется анлаутным b , в айском говоре восточного диалекта в словах арабского происхождения сохраняется и ауслаутный $-b$ (Максимова 1976, 33), в татарском звонкий b в абсолютном исходе слова (не считая стилистического применения) не употребляется.

Исследовав поведение губно-губных смычных в кыпчакских языках Урало-Поволжья, Р. Ф. Шакирова (1954, 60) пришла к мнению о некогда существовавшей единой фонеме, давшей затем два варианта - b и p , что было поддержано Т. М. Гариповым (1979, 82), который предполагал наличие исторической билабиальной смычной прафонемы $b-p$ как своего рода "бифонемы". А. Мамедов (1985, 43-70), специально исследовавший поведение тюркских звуков в анлауте, пишет, что подобно памятникам кыпчакского литературного языка средневековья в чагатайском и караханидском литературных тюркских языках средних веков также преобладает b -анлаут.

M - губно-губной смычно-носовой согласный. В пратюркском языке он в начале слова не употреблялся, в древнетюркском же он появился вместо этимологического b -. В исследуемых нами текстах слов с анлаутным m немного и все они являются заимствованиями: $موسى$ *Musa* [92] - имя собств. ср. с араб. $موسى$ 'имя собств. Моисей' (< др.-евр. $Moïse$); $مرغلی$ *Mirgali* [153] - имя собств. < араб. $أَمِير$ 'начальник, правитель, князь, принц, эмир' ($میر$ // $میر$ - приставка к имени, $عَلِيّ$ 'возвышенный, высокий', имя собств. Али'); $مۆهәггәм$ *Möhäggäm* [182] - название первого месяца по лунному календарю < араб. $مَحْرَم$ - то же. Несколько неясно происхождение личного имени $مغلی$ [212]. По всей видимости, здесь мы встречаемся со сложным именем *Mingali* в диалектном варианте, которое состоит из min (< $minne$ < $minle$ < $minle$ 'с родинкой') + Ali (< Ali < $Gali$).

В свое время Л. Залая (1954, 69) высказал мнение о принадлежности слов с начальным m - болгарскому (при наличии m - // b -), а с b - - суварскому и кыпчакскому языкам³. В исследуемых нами памятниках примеров с b - // m - или с ассимилятивным изменением m - < b - не оказалось. Не зафиксированы они и в текстах на t - и dl -диалектах.

W - губно-губной целевой согласный. В памятниках древнетюркской письменности слов с данным согласным не зафиксировано, но уже в древнеуйгурских текстах, как единогласно утверждают исследователи, он су-

³ По этому вопросу см. также работу Т. М. Гарипова (1979, 83).

ществовал (Gabaïn 1959, 26; Рясянен 1955, 110, 145; Шербак 1970, 98). Появление *w* (*v*) в тюркских языках связано, главным образом, с утратой смичности губно-губного *b* и неустойчивым характером заднеязычного щелевого *ɣ*.

В "Диване" М. Кашгари (XI в.) наблюдается два обозначения данного звука - как арабский *ŷāŷ* и *ŷāŷ* с тремя точками наверху, что свидетельствует о диалектных различиях. (Боровкова 1966, 26-27). В языке средне-тюркских памятников эти обозначения не всегда выдерживались.

Как в болгароязычных надписях на *t*- и *dx*-диалектах, так и в языке памятников данной группы согласный *w* обозначен через арабский *ŷāŷ* без добавочных знаков. Эти слова в основном заимствованы из арабского языка: *wafat* [62, 90, 127, 164] 'смерть, кончина' < *وَفَاتٌ* - то же; *šāwwal* [62] - название десятого месяца по лунному календарю < *شَوَّالٌ* - то же; *rābigū-l-āwwal* [92] - название третьего месяца по лунному календарю < *رَبِيعُ الْأَوَّلِ* - то же. См. также слово *zewwā-dürsün* [164] 'пусть обрадует', образованное от тюрк. *zew-* 'любить', ср. др.-тюрк. *seb-* (ДС, 493), в "Кутадгу билиг", "Кисса-и Йусуф" *zew-*, в "Гулистане" *äv-*⁴, в среднеазиатском тефсире XII-XIII вв. *zāv-* 'любить'.

В свое время Г. В. Юсупов (1960, 58) высказал мнение о мшарском характере данного слова, хотя его графическое оформление и не отличается от такового в средне-тюркских памятниках. В западном диалекте татарского языка имеются формы *сү-*, *сүw-*, *сөw-*, *сөw-*, *сав-*; ср. также алт. *сүүр-*, карaim. *сүв-*, *сүй-*, *сөв-*, тат. лит. *сөй-*, башк. *һөй-*, чув. *сав-* 'любить' и т. д.

F - губно-зубной щелевой согласный. Исторически тюркскому консонантизму он не был присущ, а в наших текстах встречается лишь в заимствованиях: *Fatijma* [90] - имя собств. < араб. *فَاتِمَةُ* - то же; *Fatijha* [42] 'начало, введение, первая сура Корана' < араб. *فَاتِحَةٌ* - то же; *wafat* [62, 90 и т. д.] 'смерть, кончина' < араб. *وَفَاتٌ* - то же. Неясно значение антропонима *Fajaza* [175]. Возможно, он образован от формы *Fajaza*, где *-z-* > *-ž-*, ср. с именами Фаяз, Фаяза.

D - переднеязычный смичный звонкий согласный. В древне-тюркских памятниках в начальной позиции он не зафиксирован. Варианты слов с *d-* (вм. древнегот-) принято считать принадлежащими огузским языкам (или заимствованиями из огузских). В "Кисса-и Йусуф", например, имеется ряд лексем с начальным *d-* (см.: Надхип 1976, 81-83), в "Кодексе Куманикус" также присутствуют примеры с *d-* (Gabaïn 1959, 53).

В исследуемых текстах слово с инициальным *d-* является заимствован-

⁴ Подробнее об этом слове см. в работах Д. Клосопа (Slavon 1972, 787, 790) и Э. Н. Надхипа (1975, вып. 2, 151).

нием, поэтому о каких-либо фонетических явлениях говорить не приходится, ср. *دنيا* *dönja* [144, 182] 'свет, мир' < араб. *دُنْيَا* 'свет, мир; мирская жизнь'. Г. В. Юсупов (1964, 16) приводит еще одно слово с начальным *ä-* (*دوالو* в памятнике № 211) и писал: "Дальв - название созвездия Водолея, из так называемого "арабского зодиака", соответствующего январь-февралю европейского календаря". При осмотре памятника в полевых условиях нам не удалось разобрать это слово - читаются лишь два начальных знака - *dāl* (или *zāl*) и алиф. Вполне возможно, что тут было написано название месяца зульхиджа (или же зулькагида), ср. графическое оформление: *ذوالحججه* (*ذوالحججه*)

Следуя письменной традиции, в ауслатной позиции пишется графема *dāl*, хотя в этой позиции звонкий звук должен был и оглушаться, ср. *أحمد* *Ähmäd* [62] - имя собств. (< араб.) ~ тат., башк. *Әхмәт*; *مسجد* *mäs-žed* [153] 'мечеть' (< араб.) ~ тат., башк. *мәчет*; *شهيد* *šähid* [181] 'погибший за веру' (< араб.).

Примеры употребления *ä* в середине слова: *شهيد* *Šähidulla* [92], *عبد الجبار* *Gabdälžabbar* [181] - имена собств., *سۆندۈرسۈن* *zewendürsün* [164] 'пусть обрадует', *جمادى الاولى* *žömädi-l-äwwäli* [153, 181] - название пятого месяца по лунному календарю, *بولدى* *boldi* [62, 90, 164] 'был'.

ṭ - переднеязычный смычный глухой согласный. В древне- и средне-тюркских памятниках этот звук употреблялся в различных позициях. В исследуемых нами памятниках он также не имеет позиционных ограничений: *تول* *tu1* [91] 'вдова' < др.-тюрк. *tu1* (ДТС, 585), *تورت* *tört* [127, 214] и *تۆرۈت* *törüt* [181] 'четыре' < др.-тюрк. *tört* (ДТС, 581), *اورتاسى* *ortasi* [91] 'его середина' < др.-тюрк. *orta* (ДТС, 371) 'середина', *ortu* 'середина, средний, середняк' (ДТС, 371), *otra* 'середина, посередине; послелог "между"' (ДТС, 374) и т. д.

š - переднеязычный шипящий щелевой глухой согласный. В исследуемых надписях он встречается во всех позициях, ср.: *شهيد* *Šähidulla* [92] - имя собств., *شعبان* *šägbän* [164] - название восьмого месяца по лунному календарю, *ياشinda* *jašinda* [90, 164, 181, 182] 'в (столько-то) лет', *بئش* *beš* [164] 'пять' и т. д.

s - переднеязычный свистящий щелевой глухой согласный. Большей частью встречается в начале и середине слова, ср.: *ساقمان* *saqman* [175] - имя собств., *سكمان* *seksän* [181] 'восемьдесят', *اسراغان* *asrağan* [91] 'кормивший, воспитавший', *اورتاسى* *ortasi* [91] 'его середина'. В текстах зафиксирован пример и с ауслатным -в: *يونس* *Junis* [90] - имя собств.

z - переднеязычный свистящий щелевой звонкий согласный. Инициальный *z* не был характерен для древнетюркского языка и, если не считать арабских заимствований *زيارت* *zijaṛāt* 'место погребения' и *زهيد* *zahid* 'набожный', в исследуемой группе памятников Волжской Булгарии он не зафиксирован. М. Кашгари отмечал употребление кыпчаками, йемеками, су-

варами и оулгарами ауслаутного -z ; и для данной группы памятников он является характерным признаком, ср.: اوئز otiz [164] 'тридцать', يوز jüz [80, 90, 164, 175 и т. д.] 'сто', يوز اوكسوز öksüz [91] 'сирота' и др. Звук z встречается и в середине слова: اوزكى özäge [91] 'его сердцеви-на, центр', فيز qiz [62] 'его дочь' и т. д.

Особенностью этого согласного является его оглушение в результате ассимиляции в слове sekān (< sekiz on) 'восемьдесят'. Данное явление было зафиксировано в XI в. М. Кашгари и нашло отражение во многих тюркских языках (Исхаков 1956, 181).

Л - переднеязычный смычно-целевой сонант. Исследователи весьма сомнительно высказываются о возможности его применения в аялауте древнетюркского языка. Отдельные примеры, все же обнаруженные в некоторых памятниках той поры (например, в Онгинском), объясняются как заимствования (Tekin 1968, 84).

В исследуемой нами группе болгарских надписей начальный л- не зафиксирован, в середине и конце слова употребляется без всяких позиционных изменений: البولغاري l-bolğari [90] 'болгарский', بولدى boldi [90, 164] 'было', تول tul [91] 'вдова', انبال Ānbal [80] - имя собств.

Н - переднеязычный смычный носовой согласный. В древнетюркском языке этот согласный, в основном, зафиксирован в неинициальных позициях. Имеется несколько слов с аялаутным n-(Tekin 1968, 82), которые считаются либо заимствованиями, либо результатами последующих изменений (Рясяня 1955, 176; Щербак 1961, 49-50). Аялаутный n- в наших памятниках не представлен, а в середине и конце слов данный звук употребляется без позиционных изменений, например: اينه بك ina bek [210], حسن ħāsān [80] - имена собств., اون on [90, 153, 164 и др.] 'десять', التونجى altunċi [92] 'золотых дел мастер'.

Р - переднеязычный дрожащий сонант. В древнетюркском языке в начале собственно тюркских слов он не был употребителен. В исследуемых нами памятниках в аялаутной позиции r встречается только в заимствованиях, ср., например: رجب gāğar [80, 127] - название седьмого месяца по лунному календарю (< араб.), ربيع الاولى tābiği-l-āwāli [92] - название третьего месяца по лунному календарю (< араб.).

Примеры употребления r в других позициях: قرارى qarari [144] 'его решение' (< араб.), باى قرا Bai qara [210] - имя собств., تورت tört [127, 214] 'четыре', الال alar [153] 'они', بولارتاي Bülartaj [127] - имя собств., اون бер on ber [90] 'одиннадцать' и т. д.

В текстах на т- и дж-диалектах болгарских памятников в ряде слов наблюдалось употребление ауслаутного r вместо общетюркского z . В данной группе памятников такое замещение не зафиксировано.

ǰ - переднеязычная звонкая аффриката. Звуки ǰ и ċ графически не различаются. Они оба передаются графом джīm без каких-либо добавочных знаков, что вызывает определенные трудности при чтении слов. Хотя ǰ и является относительно древним звуком, в орхово-енисейских памятниках

он специально не обозначался (Tekin 1968, 75; Кононов 1980, 63) и лишь в письменности брахми имел свое графическое выражение (Gabaïn 1951, 7). В Среднем Поволжье его принято считать характерным показателем болгарского языка, хотя М. Кашгари и сообщил о том, что он существует в языках как огузов, так и кыпчаков (см. также специальную работу А. Берти - 1983).

В языке исследуемых памятников слов, написанных с начальным \check{z} , немало, это - название пятого месяца по лунному календарю جمارى الاولی $\check{z}\ddot{o}$ -madı-l-äwwälı [153, 181] и имя собственное جباق \check{z} abaq [175]. Первое слово заимствовано из арабского языка, в котором оно имеет аялаутный \check{z} , а второе слово, по нашему мнению, также должно читаться с начальным звонким звуком, а не с глухим, хотя весьма заманчиво сопоставить его с турк. \check{s} abaq 'мелкая рыба'.

Как известно, звук \check{z} является рефлексом древнего * \check{z} ⁵, и поэтому правомерно было бы считать \check{z} abaq < jabaq, тем более в древнеуйгурских документах из Турфана зафиксировано имя собственное Jara \check{z} // Jarı \check{z} (ДТС, 235-236). В фонетическом отношении такое изменение представляется вполне возможным: интервокальный -p- > -b-, ср., например, qarac > qabac 'веко' (МК I, 382), тат., башк., ног., казах., калп. кабак - то же, образованное от корня qar- 'покрывать, закрывать'; а - \check{y} > -q, что особенно характерно для юго-восточных тюркских языков (Рясянен 1955, 109).

В 922 г. Ибн-Фадлан сообщил, что одну и ту же небольшую речку называли то جاشیر \check{z} aušir, то جاشیز \check{z} aušiz (см.: Ковалевский 1956, 131, 139). Таким образом, аялаутный \check{z} - выступал отличительным признаком разговорной речи какой-то группы населения Волжской Булгарии, что нашло подтверждение и в надмогильных надписях XIII-XIV вв. (Хакимзянов 1978, 19). В приэльбрусских рунических памятниках протоболгарского языка С. Я. Байчоровым (1977, 70) был вычленен и дж-диалект.

Примеры употребления \check{z} в середине слова: جرب \check{z} ar [80, 127] - название седьмого месяца по лунному календарю, فاجا \check{z} a [175] - имя собств., مسجد \check{z} ed [153] 'мечеть' и т. д. В надписях в аялаутной позиции он не зафиксирован.

\check{s} - переднеязычная глухая аффриката. В текстах слов с аялаутным \check{s} не обнаружено, однако, видимо, это не означает, что он отсутствовал в данной позиции вообще. Звук \check{s} , будучи единственной аффрикатой в тюркском праязыке, сохранился в старых тюркских языках, зафиксированных в письменных памятниках (Серебренников, Гаджиева 1979, 65). Был он и в языке болгароязычных текстов других групп (Хакимзянов 1978, 38-40). В средневековых письменных памятниках начальный \check{s} - является

⁵ Имеется и другая точка зрения по этому вопросу (см.: Щербак 1970, 159-160).

реальным фонетическим явлением, см., например: среднеазиатский тефсир (Боровков 1963, 355-361), "Мухаббат-наме" (Наджиб 1961, 183-185), "Кисекбаш китабы" (Ахметгалеева 1979, 167), "Тулистан" (Наджиб 1975, вып. 2, 130-137), "Хосров и Ширин" (Наджиб 1979, 86) и др.

В исследуемых нами надписях древний \check{c} употреблен, в основном, в составе афф. $-\check{c}i // -\check{c}i$, например: 1) когда он образует имя деятеля, ср. التونجى $altun\check{c}i$ [91] 'золотых дел мастер', تماچى $tam\check{c}a\check{c}i$ [153] 'сборщик податей'; 2) при образовании порядкового числительного, ср. الستجى $altin\check{c}i$ [153, 182] 'шестой', تورتنجى $t\ddot{u}rten\check{c}e$ [153] 'четвертый'. Кроме того, имеется пример, указывающий на употребление вторичного \check{c} , возникшего как $ti > \check{c}i$: العجى $el\check{c}i$ [90] 'госпожа, владелица', который в древнекыпчакском языке зафиксирован в форме $\check{a}lti$ (подробнее см.: Хакимзянов 1978, 91-92). Имеющийся фактический материал пока не позволяет сделать вывод о системном переходе $ti > \check{c}i$. Вполне могло быть, что данное слово вошло в язык койнэ, отражением которого являются надписи данной группы памятников, из дх-диалекта, где такое изменение наблюдается более или менее системно (Хакимзянов 1978, 38-40).

g - заднеязычный смывный звонкий согласный. Для древнетюркского языка использование этого согласного в анлауте не характерно. В исследуемых текстах слова с g- являются заимствованиями, ср.: علم لارقا $ga-l\ddot{a}ml\ddot{a}rqa$ [153] 'ученым' < араб. علم $galim$ 'ученый', عمارت $g\ddot{a}r\ddot{a}t$ [153] 'строительство' < араб. عمارة 'населенность; строительство'.

Примеры употребления g в середине слова: جغتار $jegetl\ddot{a}r$ [91] 'джигиты, юноши' < др.-тюрк. $jigit$ 'юноша, молодой человек' (ДТС, 260), ججرتمة $jegerme$ [90, 164] 'двадцать' < др.-тюрк. $jigitm\ddot{a} // jigitmi // jigitm\ddot{a} // jigitmi$ - то же (ДТС, 253, 260); возможно, سگيز $segiz$ [182] 'восемь' < др.-тюрк. $sekiz$ - то же (ДТС, 494), ср. ст.-кыпч. سگز $segiz$ (Курышжанов 1970, 186; Clauson 1972, 823)⁶. Существует мнение о вторичности интервокального g в тюркских языках (Серебрянников, Гадзиева 1979, 37). Таковым же является g и в словах اوزى $\ddot{o}z\ddot{a}ge$ [91] 'его сердцевина, центр', где $-g-$ < $-k-$ (ср. $\ddot{o}z\ddot{a}k$ 'сердцевина, середина, центр'), بگوسى $belg\ddot{u}se$ [212]⁷ 'его надмогильный памятник', в котором также $-g-$ < $-k-$ (ср. $b\ddot{a}l\ddot{u}k$)⁷.

Имеются формы, в которых g находится в абсолютном исходе слова: ائىك [211, 212] // الى ك [214] // ائىك [181] // ائك [213] // ائىك [62] $elig$ 'пятьдесят' < др.-тюрк. $elig$ - то же (ДТС, 170).

γ - глубокозаднеязычный смывный звонкий согласный. По артикуляционным свойствам он считается неустойчивым звуком. В ряде тюркских языков

⁶ В большинстве тюркских языков в середине слова употребляется именно g.

⁷ Такая форма зафиксирована в болгарских памятниках на т- и дх-диалектах (Хакимзянов 1978, 82-83).

он не сохранился. В группе р-язычных волжскобулгарских надмогильных памятников интервокальный -γ- не встречался (Хакимзянов 1978, 44), а в исследуемой группе присутствует: اوغلى oγlī [62, 80, 91 и т. д.] 'его сын', اغرلاان aγirlaγan [91]⁸ 'уважаемый, почитаемый'. Есть и другие примеры, показывающие употребление этого звука в середине слова в соседстве с согласными, например: البلغارى āl-Bolγari [90] 'булгарский', تاشقاچى taşqaçī [153] 'сборщик податей'.

Как известно, интервокальный -γ- в силу своей слабости нередко превращался в -w-, -j-, которые могли затем исчезнуть. Эта фонетическая закономерность характерна для ряда тюркских языков, ср. др.-тюрк. aγir 'тяжелый' (ДТС, 18) ~ тат., башк., казах., ног., ккалп. авыр, кирг. ор, кбалж. авур, алт. ур - то же. Сохранение глубокозаднеязычного звука в памятниках могло быть данью литературным традициям, ср. также имя собственное قوتلوع بک Qutluγ bek [211] < др.-тюрк. Qutluγ beg - то же (ДТС, 473)⁹.

Применение начального γ-, который для тюркского праязыка не был характерным, можно показать на примере персидского заимствования: غره γorγā [90, 211, 214] 'новолуние' < перс. غره γorγe 'новолуние; первый день лунного месяца'.

к - заднеязычный глухой смывный согласный. Этот звук в тюркских языках считается довольно устойчивым. В исследуемых нами памятниках он встречается без позиционных исключений, ср.: -كېل kel-[181] 'приходить', كوركى kōrke [91, 139] 'его краса' (см. др.-тюрк. kōrk 'образ, изображение, красота, облик и т. д.' - ДТС, 317), كسان sekān [181] 'восемьдесят', كوش üküš [153, 244] 'много' (см. др.-тюрк. üküš//öküš 'много' - ДТС, 383, 624), كينوك İnük [181] - имя собств. и др.

q - глубокозаднеязычный глухой смывный согласный. Данный звук употребляется в словах с гласными заднего ряда и из-за своей артикуляционной сложности нередко подвергается ослаблению. В кыпчакских языках же он является устойчивым звуком. Среди примеров М. Кашгари (XI в.), которые иллюстрируют образцы речи г. Бултар (а некоторые исследователи считают их волжскобулгарскими), имеются слова с ярко выраженным велярным q. Если в словах из т- и дж-диалектов болгароязычных памятников наблюдалось ослабление этого велярного звука, то в данной группе памятников он сохраняется, ср.: -قىل qīl-[182, 244] 'делать', قىرغ qīrγ [80, 175] 'сорок', قىز qīzī [62] 'его дочь', توقوز toquz [213] 'девять', جياق

⁸ Во многих древне- и средневековых памятниках в данных словах зафиксирован глубокозаднеязычный звук.

⁹ Ср. с данными Ибн-Фадлана (922 г.): имя собственное Wīγīγ, гидронимы Watiγ, Waşaγ (Ковалевский 1956, 130-131, 139).

ḡabaq [175], اسحاق İḡḡaq [182] – имена собств., لایوق [144] 'нет' и др. Как известно, велярный q у татар Среднего Поволжья является преобладающим звуком (Белай 1954, 74).

Обычно в составе аффиксов в тюркских языках велярный q употребляется после глухого согласного основы, однако в наших памятниках он встречается и в диссимилятивном сочетании, ср. تربية قیلقان tārbijā qılqan [153, 244] 'воспитавший', عارت قیلقان gijmagāt qılqan [153, 244] 'строивший', مومن نا mu'minqa [139] 'правоверному'. Такое явление встречается и в некоторых других письменных памятниках, например в "Тулистане" С. Сарай (Наджип 1975, вып. 2, 95–96), что объясняется, главным образом, сохранением традиций караханидско-уйгурских письменных памятников.

Н, ɣ – заднеязычные щелевые согласные. Эти звуки для тюркских языков считаются относительно новыми. В среднетюркских памятниках, они, в основном, встречаются в составе заимствованных слов. Не составляют исключения и исследуемые нами надмогильные надписи Волжской Булгарии, ср.: جواجه ḡoḡa [153] 'хозяин, ходжа, господин' < перс. حواجه 'господин, хозяин, начальство', حسن هآءان [80] – имя собств. < араб. حَسَن – то же, رحمت gāḡmāt [164, 181] 'милость, милосердие' < араб. رَحْمَةٌ – то же, اخريندا aḡrinda | 127, 213 | 'в конце' < араб. اِخْرٍ 'последний, конец, конечный'.

Обычно ауслатный –ɣ является результатом ослабления велярного –q, но, как показывают примеры, в языке надписей данной группы памятников, в отличие от текстов на т- и да-диалектах, –q сохраняется. Поэтому слов с ауслатным –ɣ не обнаружено.

ɟ – среднеязычный сонорный щелевой согласный. Язык памятников относится к так называемым "йекаким" языкам, отличительным признаком которых считается наличие анлаутного ɟ-, например: جغت jetet [91] 'джигит, юноша', جوز jüz [80, 90, 214] 'сто', جاش jaš [90, 181, 182 и др.] 'год (о возрасте)', جتي jeti [80, 90, 127, 153 и др.] 'семь', لایوق loq [144] 'нет' и т. д.

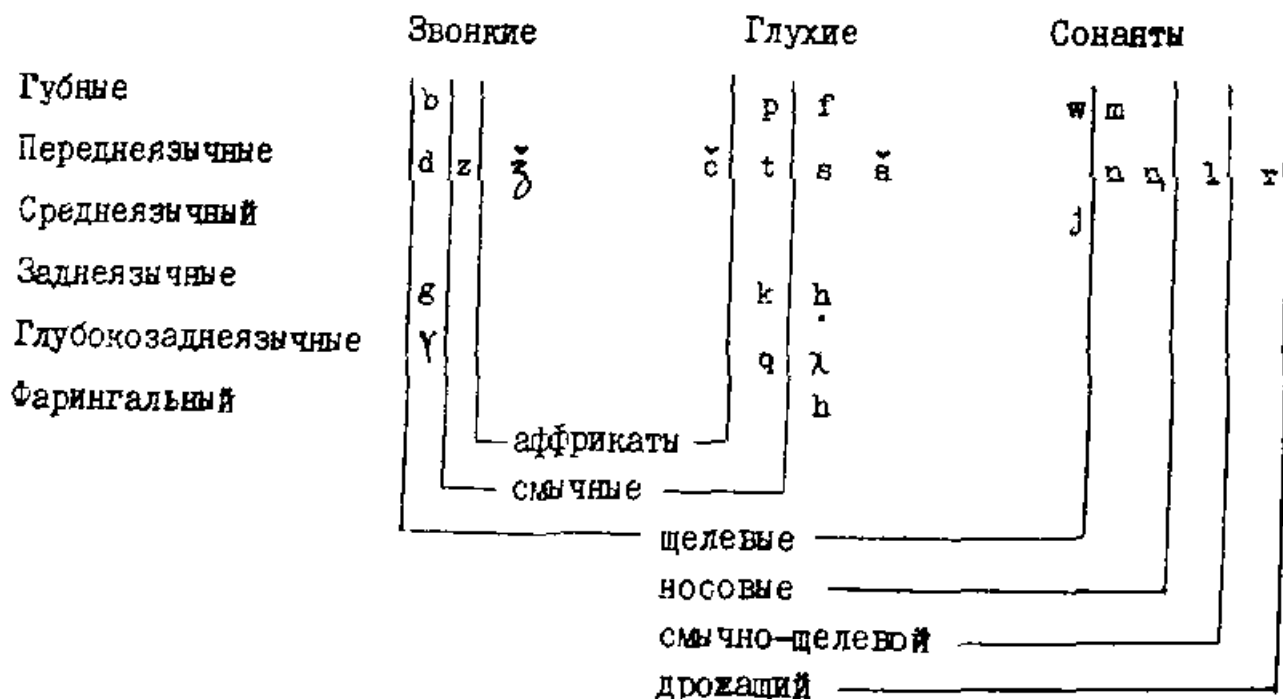
Примеры употребления этого звука в других позициях: باجی Bajīā [175], تويجا tujḡa [213], اچوب aḡur [90] – имена собств., ويران wāz-gan [144] 'опустошенный, разрушенный'. В конце слов ɟ, как правило, сохраняется, однако в памятниках слов с ауслатным –ɟ почти нет. На одном памятнике зафиксировано заимствованное слово سرای saraj [139] 'дворец' < перс. سرای – то же. Видимо, сложное имя باي قارا Baj qara (~ Bajqara) необходимо рассматривать как состоящее из компонентов Baj и qara. Первое слово было зафиксировано еще в памятнике Кюль-Тегину (XIII в.) в значении "богатый" и в древнетюркскую эпоху входило в состав антропонимов Baj Арв, Baj Буа, Baj Тешүр, Bört Baj и т. д. (см. ДТС, 79, 118, 602), а второе слово также употреблялось в составе собственных имен и названий местностей: Qara Baqāi, Qara Buqa, Qara Tekün, Baš Qara и т. д. (см. ДТС, 424).

д - заднеязычный носовой согласный. Начиная с древних памятников, выполненных уйгурской графикой; этот звук обозначался диграфом п + г, что сохранялось и в арабографичных текстах. Он мог выступать в любой позиции, кроме начала слова, что вообще не характерно для тюркской речи, ср.: كۆنلار kōñellār [91] 'души, сердца', ايجىنىڭ [62, 80, 153] 'его месяца', ربيع الاول تىڭ rabīgū-l-āwwālnēç [91] 'раби-I (месяца)'.
 Передача звука ң, посредством pg была характерна для многих средневековых письменных памятников.

Н - фарингальный щелевой согласный. В древнетюркском языке он отсутствовал; весьма противоречиво сообщает о его существовании в тюркских языках и М. Кашгари (Шербак 1961, 45). Считается доказанным, что в тюркских языках данный звук появился под влиянием арабо-персидских заимствований (Насилов 1974, 18-19; Ряснян 1955, 131). И в сиρο-тюркских текстах графонема Һ употребляется лишь в сирийских словах (Джумагулов 1971, 45).

В исследуемых нами надписях фарингальный Һ зафиксирован в словах арабо-персидского происхождения, например: ھәм hām [153] 'и' < перс. هم 'также, тоже, и, равно, еще', ھىجرەت hiçrät [90, 164] 'хиджра, начало мусульманского летосчисления' < араб. هجرة 'переселение, эмиграция', ھمىشە hāmīšā [144] 'постоянно, всегда' < перс. هميشه - то же. Наличие антропонима شەھىدۇل Şahidulla [92], очевидно, свидетельствует о выпадении ауслатного Һ, что характерно, прежде всего, для современного татарского разговорного языка. Между тем, когда слово ھىш употребляется самостоятельно, Һ сохраняется.

Таким образом, в языке исследуемой группы надмогильных памятников Волжской Булгарии можно констатировать употребление согласных б, р, ш, w, f, d, t, ɛ, s, z, l, n, r, ʒ, ɕ, g, ɣ, k, q, ɸ, ɣ, j, ɳ, ɥ, Һ, которые схематически располагаются следующим образом:

В языке данной группы памятников Волжской Булгарии встретилось два слова, которые не связаны с диалектной принадлежностью текстов, — это عُمان *Gosman* [153]¹⁰ — имя собств., كوزر *Käügär* [127] 'Кеусар (название райского источника)'. Употребленный в них глухой спирант ʒ из современных тюркских языков имеется лишь в башкирском и туркменском (Дмитриев 1955, 249–253). В туркменском языке его подосновой считается среднеперсидский субстрат (Дмитриев 1955, 251; Мухамедова 1978, 5–6), а в башкироведении принято мнение о том, что ʒ сохранился в старых заимствованиях из арабского языка или что он является реликтовым звуком (Гарипов 1979, 124–130).

Написание в памятниках вышеуказанных слов с интердентальным спирантом, на наш взгляд, указывает лишь на сохранение канонической формы арабского написания ¹¹, ведь в памятниках других слов с этим согласным не встречается. Да и в башкирском языке указанное личное имя имеет форму Усман (ср. тат. Госман). Поэтому у нас нет основания считать ʒ самостоятельной графофонемой. То же самое можно сказать и о межзубном фрикативном ʒ, который употребляется лишь в коранических формулах, приводимых в эпитафиях, хотя и в смешанных арабско-тюркских текстах.

ОБЩИЙ ОБЗОР ГЛАСНЫХ

Как и во всех тюркских текстах, написанных на арабской графике, в исследуемых нами надписях имеется ограниченное количество знаков, используемых для передачи гласных звуков. Это три полных гласных — алиф, йā, ūāʔ и огласовки — дамма, фатха, кясра.

Здесь речь пойдет преимущественно о гласных первого слога, так как именно в этой позиции они являются более устойчивыми.

А — широкий нелабиализованный гласный заднего ряда. В текстах он обычно передается при помощи алифа, алифа с фатхой и алифа с маддой¹²: التي *altī* [153, 182, 234] 'шесть', آبي [181] // آبي *abi* [62, 80, 127, 153] 'его месяца', اسراغان *asraġan* [91] 'содержавший, кормивший' и др.

Если в слове присутствовали заднеязычные согласные, то широкий а заднего ряда мог обозначаться и надстрочной фатхой, например: باي قارا *baġ qara* [210] — имя собств., تعاچي *tamġaci* [153] 'сборщик податей', جباق *ġabaq* [175] — имя собств. Такой прием не является новым, он применялся болгарскими резчиками и при написании текстов на других диалектах (Хакимзянов 1978, 48), а также запечатлен в ряде тюркоязычных памятников, например в "Гулистане" С. Сарая (см.: Наджип 1975, вып. I,

¹⁰ См. также: Хакимзянов 1978, 189.

¹¹ В исламской религии Усман считается третьим халифом. Название райского источника Кеусар также связано с религиозными представлениями.

¹² Последнее обозначение в данных текстах встречается весьма редко.

69-90¹³). При заднерядных согласных звук a иногда специально не обозначается.

Следуя традиции арабского языка, ауслутный -а указывается двойко, с помощью а) алифа мамлүда: فاجا Faǰaǰa [175] - имя собств., б) алифа максүра: موسى Muwa [42, 92] - имя собств.

Ä - широкий нелабиализованный гласный переднего ряда. В надписях этот гласный обозначается через алиф, алиф с фатхой (в этом проявляется сходство с обозначением заднерядного a): أَحْمَدُ Ähmäd [62] - имя собств., محرام möhäräm [182] - название первого месяца по лунному календарю, بولارتاي Bülärtaj [127] - имя собств. и т. д. Все же наиболее употребительным обозначением ä является надстрочная фатха, которая иногда не ставится и ее приходится подразумевать (т. е. восстанавливать), ср.: حصن Hävän [90] - имя собств., هم häm [153] 'и', جاتم jätim [91] 'сирота' и др.

В ауслутной позиции и в составе аффиксов переднерядный ä, как правило, передается при помощи алифа: عالم لار, ى berlä [164] 'с', عالم لار, ى lälär [91] 'ученье', قرق اوج دا qırg ücä [175] 'в сорок три' и т. д.

В этих памятниках можно наблюдать употребление персидского "ь-немого" не только в конце слова, что было характерно и для некоторых среднеюркских литературных памятников, например для "Хосров и Ширин" Кутба (Наджип 1979, 171, 183), среднеазиатского тефсира (Боровков 1963, 59, 116), тюрко-арабского словаря (Ночтма 1894, 99), "Тулистан" С. Сарая (Наджип 1975, вып. I, 206), но и в середине, ср.: سور مى vür mü [42] 'его сура', غر مسندا ğr mäsändä [90] 'в новолуние'.

Е - полуузкий нелабиализованный гласный переднего ряда. Если наличие нейотированного полуузкого e в древнетюркских памятниках все еще является спорным, то наличие его в среднеюркских памятниках вне всякого сомнения. Вся трудность состоит в графическом неразличении его со звуками ä, i. Для определения качества знаков, передающих эти звуки, нередко приходится обращаться к другим письменным источникам, сравнительным словарям и фактам современных тюркских языков. Исследуемые нами надмогильные памятники найдены на территории бывшей Волжской Булгарии и поэтому наряду с показаниями средневековых письменных источников необходимо учитывать и состояние современных тюркских языков Среднего Поволжья и Приуралья.

¹³ Здесь трудно согласиться с Э. Н. Наджипом, увязывающим употребление фатхи с качеством безударного гласного в двух- и трехсложных словах. Имеющиеся в "Тулистане" примеры опровергают такое толкование, ср.: بارماق barmaq 'палец' (автор читает bärmaq), باش baş 'голова' (автор читает bäs - Наджип 1975, вып. 2, 87-88).

В эпиграфических надписях т- и дж-диалектов данный звук передавался диграфом йā + алиф, а также фатхой (Хахимзянов 1978, 50-52), в рассматриваемых же памятниках для его обозначения особых знаков или комбинаций граф нет. Графическое обозначение анлаутного е- совпадает с і-, что иногда позволяет говорить лишь о возможностях употребления. В таких случаях на помощь приходят дублетные написания одних и тех же слов. Например, в текстах числительное "пятьдесят" имеет следующие варианты написания: ایلک [164, 181], ایلک [62], آلی ک [214], ایلک [211], ایلک [213], آیلک [212].

Как известно, в инициалиях чаще всего графически варьируют і- ~ е-, ср. в источниках: ایلк (МК, 177), ایلک "Хосров и Ширин" Кутба (Наджиб 1979, 446), آلی "Тухфа" (Муталибов 1968, 176) и т. д. Если в раннетюркских памятниках начальную графему можно читать еще как ā-, то в среднетюркских - как е-¹⁴. По всей видимости, анлаутную графему в исследуемых нами текстах необходимо читать как е-. Это можно было бы аргументировать следующим образом. Во-первых, варьирование начальных графем ā ~ е было характерно для ряда среднетюркских памятников, но тем не менее большинство исследователей предпочитали е-, то есть предполагали наличие древнего е- или же допускали ā- > е-. Тогда такое явление могло найти отражение в письменной форме наддиалектного койна волжских булгар.

Во-вторых, фактический материал показывает, что в языке надписей еще не было перехода древнего ā в і и этот процесс находился в стадии ā > е. Рассмотрим состояние гласного ā (~ е) первого слога в неинициальной позиции, например: سکز [164, 182] и سکز [62] 'восемь'; ср. в другой группе памятников Волжской Булгарии سکر sāker 'восемь' (Хахимзянов 1978, 65). В современных татарском и башкирском языках в первом слоге имеется -і- (ср.: сигез и һигез), а в чувашском -а- (ср.: сакӑр, сакӑр). В графике гласный первого слога никак не обозначен (или можно предполагать фатху) - значит, слово следует читать как väkiz или vekiz. Скорее всего более ближе к истине второй вариант, ибо в пользу такого чтения говорят графические дублеты і // ā в других словах.

В-третьих, татарский и башкирский языки являются языками, в которых более системно происходило сужение древнего ā > і (однако в башкирском примеров с в сохранилось больше, нежели в татарском). К тому же татарский і является полуузким и акустически несколько напоминает русский э, то есть он дифтонгоидный. По всей видимости, одна из причин этого, которая носит региональный характер - междиалектные отношения. Закономерно возникает вопрос: а не отражена ли здесь особенность ка-

¹⁴ Однако не исключено, что и в раннетюркских памятниках в анлауте имелся е-, ср. по этому поводу мнение Д. Клосона (Clavson 1972, 141).

кого-либо диалекта, ведь все примеры с графическим аялаутным ā- зафиксированы на могильных плитах, находящихся на кладбище с. Татарский Калмапр Чердаклинского р-на Ульяновской области? Видимо, нет. В этих же эпитафиях употреблены лексемы с гласным e, графически оформленные знаком йā, например بیر ber [211] 'один' (ср. с написанием بر ber [181] - то же), или же диграфом алиф + йā: اردی erdi [211, 213] 'было', ср. также اردی erdi [127, 164] // أردی erdi [80] - то же. Значит, можно говорить лишь о вариантных написаниях определенных фонетических реальностей, то есть графических синонимах.

ī - узкий нелабиализованный гласный заднего ряда. Графические обозначения гласных ī и i совпадают и только наличие в слове велярных согласных позволяет трактовать гласную графофону как заднерядную, ср., например: قيل qil- [91, 153, 181] 'делать', اغراغان aḡrāḡan [91] 'уважавший, почитавший', قیزی qizi [62] 'его дочь', قرق qirq [175] 'сорок'.

i - узкий нелабиализованный гласный переднего ряда. В надписях он встречается во всех позициях, ср., например: اینه inā [210] - имя собств., یتیم jätim [91] 'сирота, осиротевший', مرغلی mir ḡali [153] - имя собств., بنی jeti [80, 90, 175, 212 и др.] 'семья', هجرت hiḡrāt [90] 'хиджра, летосчисление'.

Несколько примеров показывает, что начальнй i- мог передаваться и при помощи одного алифа, ср.: اسحاق isḡaq [182], ابراهيم iḡrahim [153] - имена собств.

o - полужирный лабиальный гласный заднего ряда. Графическое обозначение этого гласного в большинстве случаев ничем не отличается от обозначения гласных ö, u, ü. В "Тулистане" С. Сарай обозначение заднерядных o-, u- и переднерядных ö-, ü- не дифференцированы, но судя по лексемам, приведенным в Глоссарии, исследователь этого памятника Э. Н. Надквп (1975, вып. 2, 34-62) старается придерживаться традиционного чтения, в некоторых случаях отдавая предпочтение казахскому и узбекскому произношениям. Тот же принцип положен им и в основу чтения текста средневекового литературного памятника "Хосров и Ширин" Кутба.

На одном памятнике из с. Новое Демкино Аксубаевского р-на ТАССР (см. рис. 16) Г. В. Юсуповым (1963, 59) в свое время было передано написание имени числительного "десять" без буквы yāy (ср. ان - в составе اوح 'тринадцать'), что было принято на веру и выдвигалось как неоспоримый аргумент в пользу начального o-. Осмотр же памятника на месте в 1983 г. показал ошибочность такого чтения слова - там вырезано اوح , однако это не меняет положения. На наш взгляд, в языке памятников еще не было сужения широких губных гласных. Если данный процесс и начался, то сдвиг, видимо, был незначительным, который не требовал графического выражения. Такой вывод можно сделать, исходя, во-первых, из сохранения древнего o- в начальной позиции в среднетюркских литературных памятниках (см.: Slavov 1972, 74, 83-84, 166) и,

во-вторых, из сохранения о- в татарском литературном языке вплоть до XIX столетия (а в татарском языке, как известно, был закономерен переход о- > и-.

Исследователями армяно-кыпчакских текстов XVI-XVII вв. переход древнего о- > и- также не выявлен¹⁵, хотя и не отрицается возможность начала перезвучия (Абдуллин 1974, 175). О характерном для куманского языка употреблении древнего о в свое время писал и В. В. Радлов (1884, 12). Сохранение древнего о в своей фонетической системе (или его длабиализацию, но не сужение) показывает западный (Махмутова 1978, 45) и восточный¹⁶ (Тумашева 1978, 188, 278) диалекты татарского языка.

Исходя из всего этого, мы придерживаемся мнения о необходимости чтения ряда слов с начальным о-, например: *اوغلى* *oγlɪ* [80, 175, 211, 212, 213 и др.] // *اوغلى* *oγlɪ* [91, 210] 'его сын'¹⁷, ср. др.-тюрк. *oγul* 'сын' (ДТС, 364), булг. *oul* (Хакимзянов 1978, 79), тат. диал. *ол* // *н^ол* // *ыл* (Махмутова 1978, 45), *оуыл* (ТТДС, 325), *оул* и т. д.; *اونوز* *otuz* [164] // *اونوز* *otuz* [182] 'тридцать', ср. др.-тюрк. *otuz* 'тридцать' (ДТС, 374), булг. *otur* (Хакимзянов 1978, 65); *اورتاسى* *ortasi* [91] 'его середина; центр', ср. др.-тюрк. *orta*, *ortu* (ДТС, 371), *otra* (ДТС, 374) 'середина', Примеры из современных тюркских языков и среднетюркских источников см. у М. Рясняна (Räsänen 1969, 365).

Гласный *о* первого слога может быть передан при помощи *ŷäŷ*, надстрочной даммы, или же он не обозначается совсем, например: *البغارى* *äl-Bolγari* [90] 'булгарский'¹⁸, *توقوز* *toquz* [112, 213] 'девять', ср. *toquz*, *toqus* (ДТС, 577, 578), булг. *toγur* (Хакимзянов 1978, 65), протобулг. **tovir* (Pritsak 1955, 71), в ранне- и среднетюркских памятниках - *toquz* // *toγuz* (Slavov 1972, 472); *رورگه* *γorğā* [90, 211, 214] 'новолунне' < перс. *γorğe* - то же.

Ö - полуширокий лабиальный гласный переднего ряда. Те положения, которые касаются заднерядного *о*, полностью относятся и к *ö*.

Примеры употребления *ö* в начале слова: *اوکوزلار* *öksüzlär* [91] 'сироты', ср. др.-тюрк. *ög* 'мать' (ДТС, 378), *ögsüz* 'без матери; сирота' (ДТС, 381), в ряде среднетюркских памятников и современных языков - *öksüz* 'сирота' (подробнее см.: Севортян 1974, 521); *اورى* *özäge* [91] 'его сердцевина, центр', ср. др.-тюрк. *öz* 'сердцевина, нутро'

¹⁵ Как известно, армянская графика располагала графическими возможностями для дифференцированной передачи *о* и *и*.

¹⁶ Барабинский и томский говоры.

¹⁷ На памятнике из с. Большие Тарханы Тетюшского р-на ТАССР [153] дважды зафиксирована форма *وغلى*, что реальнее принять за ошибку резчика, чем за какое-либо специальное написание этой лексемы, так как там же числительное "десять" написано с начальным алифом.

¹⁸ Об этом тахаллусе подробнее см.: Хакимзянов 1978, 54, 89.

(ДТС, 395), в некоторых среднетюркских памятниках - *özek* 'середина' (см.: Славсон 1972, 285) и *özäk* 'стержень, сердцевина' (Наджип 1979, 317).

Употребление полуширокого *ö* в первом слоге можно предполагать в словах *تۆрт* *tört* [127, 214] // *تۆرت* *tört* [181] 'четыре', ср. др.-тюрк. *tört* (ДТС, 581), ср.-тюрк. *tört* // *dört* (Славсон 1972, 534), булг. *töt* ~ *tüt* (Хакимзянов 1978, 56), протобулг. **töüt* или **tüt* (Pritsak 1955, 71), в восточных памятниках Киргизии XII-XIV вв. - *tört* (Джумагулов 1971, 152), ср. также тат. лит., башк. *дүрт*, тат. диал. *дүрт*, чув. *тăвăртă*, *тăвăтэ* - то же, *كۆڧل* *ködal* [91] 'сердце', душа', ср. др.-тюрк. *köçül* 'сердце, желание, чувство, мысль' (ДТС, 315-316), ср.-тюрк. *köçül* (Славсон 1972, 731-732), в "Гулистане" - *köçül* 'сердце' (Наджип 1975, вып. 2, 197-198), *كۆڧكى* *kögke* [91] 'его красота', ср. др.-тюрк. *kögk* 'образ, изображение, красота, облик' и др. (ДТС, 317), ср.-тюрк. *kögk* // *gögk* - то же (Славсон 1972, 741).

U - узкий лабиальный гласный заднего ряда. В надписях слов с начальным u почти нет¹⁹, однако это не говорит о невозможности его применения в данной позиции, так как зафиксированы слова с узким переднерядным *ü*-. Кроме того, в записках Ахмеда Ибн-Фадлана, побывавшего в Волжской Булгарии в X в., зафиксированы гидронимы с анлаутным u-: *اورن* 'Урень', *اورم* 'Урм' (Ковалевский, 1956, 131).

Обычно гласный u первого слога обозначается с помощью: а) знака *üāyū*: *تول* *tu* [91] 'вдова', ср. др.-тюрк. *tu* 'вдова' (ДТС, 585), ср.-тюрк. *tu* - то же (Славсон 1972, 490); *يونس* *Yūns* [42, 92] - имя собств. < араб.; б) знака *üāyū* и надстрочной даммы: *يونس البغارى* *Jūns al-Buġarī* [90] 'Юнус Булгарский'. Аналогичный прием обозначения узких губных гласных встречается и в некоторых других среднетюркских письменных памятниках (см.: Наджип 1975, вып. I, 93).

Не совсем ясно качество гласного первого слога глагола *تور* [80, 92, 213, 214]²⁰, образованного из корня *tur-* 'стоять'. В арабографических среднетюркских памятниках временные формы данного глагола, например прошедшего времени, написаны через *üāyū*²¹; правда, форма времени на -*ur* может писаться без среднего *üāyū*, см., например, в "Гулистане" С. Сараи (Наджип 1975, вып. 2, 111). Однако все они чтятятся через -u- (см.: Славсон 1972, 529-530).

¹⁹ См. ниже "Глоссарий".

²⁰ Г. В. Ксупов (1968, 53-54) в одном тексте предполагает написание *تور*.

²¹ Написание через узкий гласный наблюдается и в сиро-тюркских памятниках XII-XIV вв. Джумагулов 1971, 143 - см. текст тридцатого памятника.

Узкий *ü* встречается не только в первом слове, но и во втором, что, по всей видимости, следует объяснить древнеуйгурской письменной традицией, например: التونجى *altunçï* [91] 'золотых дел мастер', ср. др.-тюрк. *altun* 'золото, золотой' (ДТС, 40), др.-уйг., ср.-тюрк. *altun* (см.: Севортян 1974, 142), сир.-тюрк. *altun* (Джумагулов 1971, 32, 147), однако ср. в "Тухфа": *altin* (Изяснинский 1978, 68), тат., башк., кирг., каз., кбалж., тур., туркм., ног. алтин - то же; خاتون *χatun* [164] 'женщина, госпожа', ср. др.-тюрк. *χatun*//*qatun* 'госпожа, вельможная дама, женщина знатного происхождения, жена правителя, знатного человека' (ДТС, 436, 637), др.-уйг., ср.-тюрк. *χatun*//*qatun* (Славсон 1972, 602-603), сир.-тюрк. *qatun* (Джумагулов 1971, 32).

Ü - узкий лабиальный гласный переднего ряда. Сохранение древнего *ü* подтверждается написанием числительного "тринадцать" в виде اويچ *öniç* [62], а в начальной позиции *ü*- передан через диграф "алеф + *yāy*": اويچ *üç* [80, 175] 'три'. В тексте надгробья из с. Большие Тарханы Тетюшского р-на ТАССР имеется ряд слов, начинающихся с губных гласных, например: ولى (2 раза) 'его сын', وكوش 'много'. Существующее разнообразие (так как есть и اون 'десять') в передаче начального звука скорее всего нужно считать ошибкой резчика. Что касается последнего слова, то в древнетюркском языке оно имеет два варианта написания: öküñ (ДТС, 383) и üküñ (ДТС, 624), однако С. В. Малов (1951, 440) приводит лишь вариант с *ü*- . Д. Клося (Славсон 1972, 118) предполагает, что в древне- и среднетюркских текстах это слово также употреблялось с начальным *ü*- . Исходя из всего сказанного, написание وكوش в исследуемых нами памятниках мы склонны читать как *üküñ*, тем более что в последнее время зафиксировано написание этого слова с начальным *yāy* с даммой (см. рис. 4). Примеры на узкий гласный переднего ряда в других позициях: كۈن *kün* [80, 62, 153, 182] 'день', بولاراي *bülärtaj* [127], اينۈك *inük* [181] - имена собств., - كۈر-? [144] 'видеть'.

Древнетюркский *ü* первого слога в татарском языке закономерно переходит в *e* (за исключением некоторых случаев, когда узкий гласный сохраняет свое качество), в отдельных мишарских говорах происходит дальнейшая их делябиализация (Махмутова 1978, 46-47).

Таким образом, в языке данной группы памятников можно предположить наличие гласных *a, ä, e, i, ü, o, ö, u, ü*, которые располагаются следующим образом:

	Передний ряд	Задний ряд
Широкие	ä	a
Полуширокие	ö	o
Узкие	i ü	u ü
Полуузкие	e	
	губные	
	негубные	

Г а р м о н и я г л а с н ы х. Из двух выделяемых в тюркологии разновидностей гармонии гласных в языке данных памятников основной является небная гармония, которую относят к праязыковым явлениям и считают возникшей задолго до распада тюркской языковой общности (Щербак 1970, 121). Примеры на небную гармонию: *جيتيم* jätim [91] 'сирота', *البيك* elig [164, 181] 'пятьдесят', *يگيرمه* jegerme [90] 'двадцать', *يگتيلار* jęgetlär [91, 139] 'двигать, вносить' и т. д. Закону небной гармонии подчиняются исключительно все исконно тюркские слова. Не подчиняются этому закону арабско-персидские заимствования, ср. *اخراة* aħirät [139] 'загробная жизнь', *اعراف* ägraf [139] 'благодетель', *دنيا* dönja [118] 'мир; свет' и т. д.

Губная гармония — это тип межслоговой связи, предполагающий последовательность одинаковых по качеству гласных. Уже в восточнотуркестанских текстах X—XIII вв. наблюдалось нарушение губной гармонии (Щербак 1961, 38), что нашло отражение и в письменных памятниках последующих эпох. В данной группе надмогильных памятников Волжской Булгарии X—XIV вв. губная гармония соблюдается в следующих случаях:

- 1) в связке именного сказуемого *تور* tur [80, 92, 213 и др.] 'встать';
- 2) в именах числительных *toquz* [213] 'девять', *otuz* [139, 182] 'тридцать', *törüt?* [181] 'четыре', однако см. *otiz* [164] 'тридцать';
- 3) в антропониме *qutluç* [211] < *qutluç* 'счастливый';
- 4) в привативном образовании *ökvüz* [91] 'сирота';
- 5) в форме повелительного наклонения *qandursun* [127] 'пусть напьют'.

Нарушение губной гармонии отмечается в глагольных формах *oħirät* 'прочтет', *oħisa* [139] 'если прочтет', *wafat boldı* [62, 90, 164] 'скончался', в именах существительных *kökke* 91, 139 'его красота', *köçellär* [91, 139] 'сердца', в форме принадлежности *belgüve* [212] 'его надмогильный знак'.

Сохранение в некоторых словах губной гармонии, возможно, объясняется устойчивым положением литературных традиций.

Глава 4 МОРФОЛОГИЯ

Лексический материал эпиграфических памятников данной группы позволяет установить наличие следующих частей речи: 1) имени существительного, 2) имен прилагательных, 3) имен числительных, 4) местоимения, 5) глагола, 6) послелога и 7) союза.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

К а т е г о р и я ч и с л а. В тюркских языках единственное число не имеет своего формального показателя и считается "нулевой формой", ср.: *tānri* [164] 'всевышний, бог, божество', *qızı* [62] 'его дочь', *ajı* [62, 80, 127, 153 и т. д.] 'его месяц', *oğlu* [62, 80, 91, 139, 153, 175 и т. д.] 'его сын' и др. Для тюркских языков, в особенности для их древнего состояния, характерна экономия выразительных средств, поэтому зачастую число может выражать множественность-собрательность. Однако скудость (точнее, однотипность) фактического материала не позволяет рассмотреть формы ед. числа в семантическом аспекте.

Морфологическим показателем множественного числа является аффикс *-lar* // *-lär*, который представлен в текстах без всяких разновидностей. Для форм с этим аффиксом характерно значение членимой множественности^I см., например: *galımlärqa tärbiyä qılqan* [153] 'содержавший ученых', *mäsjeclär gıjmarät qılqan* [153] 'воздвигавший мечети'. Аффикс *-lar* // *-lär*, употребляясь в составе определяющего члена изафетной конструкции, может передавать экспрессивность, см.: *jegetlär kögke* [91] 'краса молодых', *köçellär özäge* [91] 'сердце сердец (досл.: стержень сердец)'.^I

В языке этих надписей арабские формы мн. числа не воспринимаются как множественность и присоединяют к себе тюркский аффикс мн. числа, ср.: *golämalar* [139] 'ученые' < *goläma* 'ученые' (арабская форма) + тюркский аффикс *-lar*.

В текстах можно указать и на некоторые аффиксы, употреблявшиеся когда-то в качестве показателей собирательности-множественности (коллективности), но уже в древнетюркскую эпоху утратившие свою продуктивность. Это общеалтайский формант *-e* в составе аффикса принадлежности 3-го лица (*belgüse* [212] 'его надмогильный знак') и *-tun* (см.:

^I Подробнее см. в работах Н. К. Дмитриева (1956, 65-71), А. Щербака (1977, 90-91), А. Н. Кононова (1980, 145-147; 1969, 3-20).

Бертагаев 1976, 49-50): $\dot{\chi}atun^2$ [164] 'госпожа'.

В надписях множественность выражена и синтаксическим путем, то есть при помощи неопределенного числительного $\dot{u}k\ddot{u}e$ 'много': $\dot{u}k\ddot{u}e \dot{\chi}a-jer wa\dot{x}ibe$ [153] 'вершитель множества благодеяний (досл.: хозяин много благодеяний, добра)'.

К а т е г о р и я п р и н а д л е ж н о с т и. Эпитифийный характер надписей предопределял и употребление формы, выражающей отношение принадлежности. Таковой является форма 3-го лица ед. числа, которая имеет две разновидности: о $-i// -i// -e$ (после основ на согласный) и с $-ai// -ai$ (после основ на гласный), например: $\dot{y}or\ddot{g}\ddot{a}-ae$ [90, 211, 214] 'его новолуние', $or\ddot{t}\ddot{a}-ai$ [91] 'его середина', $k\ddot{o}rk-e$ [91] 'его краса', $be\dot{g}\ddot{u}-ae$ [212] 'его надмогильный знак', $q\ddot{i}z-i$ [62] 'его дочь' и т. д.

Других форм принадлежности в текстах памятников пока не обнаружено.

К а т е г о р и я п а д е ж а. В этой группе эпиграфических памятников Волжской Булгарии представлено шесть падежей: основной (без формального показателя), притяжательный ($-ni\dot{c} // -ne\dot{c}$), винительный ($-ni // -ne$), направительный ($-ya // -g\ddot{a}$, $-qa // -k\ddot{a}$), местный ($-da // -d\ddot{a}$), исходный ($-da$).

Основной падеж в надмогильных надписях, как и во всех тюркских языках, не имеет специального показателя и, как обычно, ему присущи разнообразные функции. Он может выступать как: а) подлежащее: $T\ddot{a}n\dot{r}\ddot{i} g\ddot{a}h\ddot{m}\ddot{a}te ber\ddot{l}\ddot{a} wewend\ddot{u}rg\ddot{e}n$ [164] 'пусть обрадует всевышний своей милостью!'; б) прямое дополнение: $w\ddot{a}e\dot{z}ed\ddot{l}\ddot{a}r g\ddot{i}jmar\ddot{a}t q\ddot{i}lqan$ [153] 'воздвигавший мечети'; в) часть сложного глагольного сказуемого: $\dots \dot{\chi}atun ot\ddot{i}z be\ddot{a} j\ddot{a}-\ddot{a}lnda wafat bold\ddot{i}$ [164] '...госпожа в тридцать пять лет окончалась'; г) определение в изафетной конструкции: $k\ddot{o}q\ddot{e}ll\ddot{a}r \ddot{o}z\ddot{a}ge$ [91] 'сердце сердец (досл.: стержень сердец)'.

Притяжательный падеж оформляется при помощи афф. $-ni\dot{c} // -ne\dot{c}$ и в текстах употребляется при названиях месяцев (и то в посессивных формах): $\dot{z}omad\ddot{i}-l-\ddot{a}ww\ddot{a}l\ddot{i} aj\dot{n}i\dot{c} \dots k\ddot{u}ne$ [153, 181] '...дня месяца джумида I', $\ddot{a}ww\ddot{a}l aj\dot{n}i\dot{c} \dots k\ddot{u}ne$ [62] '...дня месяца шавваль', $w\ddot{o}r\ddot{a}gg\ddot{a}m aj\dot{n}i\dot{c} -k\ddot{u}ne$ [182] '...дня месяца мухаррам' и т. д.

Как видно из примеров, и это отмечается всеми исследователями, и в тюркских языках притяжательный падеж выражает связь имен, то есть образует изафетную конструкцию. В древнетюркских памятниках, как известно, афф. $-ni\dot{c} // -ni\dot{c}$ присоединялся лишь после гласных основ, а после со-

² А. М. Щербак (1977, 87) приводит монгольскую письменную форму мя. числа $qatut$ (ед. число - $qatun$), где $-(u)t$ является формантом мн. числа. Т. М. Бертагаев же (1976, 49-50) титул $\dot{\chi}\ddot{a}t\ddot{a}n$ считает образованным от $\dot{\chi}\ddot{a}n > \dot{\chi}\ddot{a}-t\ddot{a}n$, в котором морфема $-t\ddot{a}n$ показывает собирательное множество. Если принять эту версию, то формант оказывается состоящим из двух показателей множественности: $-t + -(a)n$.

гласных основ употреблялись $-in// -in$, $-iy// -ig$ (см.: Кононов 1980, 161). В восточнотуркестанских текстах X-XIII вв. единственным формантом этого падежа остается $-niq// -niq$, хотя А. М. Шербак (1961, 86) замечает, что об этом падеже можно говорить лишь имея в виду только местоимение. Как указывает М. Мансуроглу (Manсуроглу 1959, 98), единственными показателями притяжательного падежа в караханидском литературном языке являются аффы $-niq// -niq$, $-niq// -niq$; то же самое можно говорить о хорезмско-тюркском и чагатайском языках (см.: Бокманн 1959, 121; 1959а, 148). В исследуемых нами надписях XIII-XIV вв. наличие аффы $-niq$ можно предполагать и после основы на согласный звук. Здесь имеется в виду словосочетание $meskenlägmeq$ [153] 'несчастных'³, так как структура текста допускает возможность применения форманта притяжательного падежа. В эпитафиях в качестве одной из достойных уважения и восхваления черт покойного обычно отмечается его помощь беднякам⁴. И на интересующем нас надгробьи словосочетание $meskenlägmeq$, скорее всего, является примененным определением изафета III.

Винительный падеж в древнетюркском языке имел ряд показателей, которые восходили к аффы $-niy// -niy$ (Кононов 1980, 150), но уже начиная с X в. винительный падеж стал оформляться аффы $-ni// -ni$ (см.: Шербак 1961, 78), хотя М. Мансуроглу (Manсуроглу 1959, 99) отмечает и употребление аффы $-iy// -ig$ в караханидских памятниках. В хорезмско-тюркском и чагатайском литературных языках же применение аффы $-iy// -ig$ исследователями не отмечено (Бокманн 1959, 121; 1959а, 148).

В исследуемых нами текстах XIII-XIV вв. винительный падеж образуется также при помощи аффы $-ni// -ni$, и в предложении слово, оформленное данным падежным показателем, выступает как прямое дополнение (эта функция была характерна и для основного падежа), например: $galimlägme arırlayan$ [91] 'почитавший ученых', $jätim, tul öksüzlägme asraçan$ [91] 'кормивший сирот и вдов (досл.: осиротелых и вдових сирот)'

Направительный падеж независимо от окончания основ оформляется аффы $-qa// -ka$, $-ya// -ga$, в составе которых уже присутствуют два аффика направительного падежа: $q // k // y // k$ и $h // a$ ⁵. Слов, в которых имелись бы и показатели принадлежности, фиксировано, аф. $galim-$

³ Г. В. Юупов (1960, табл. 12) данный шрифт оставил неизменным, то есть отметил это место многоточием, в то время как Х. Кононов (1863, 397) предложил два варианта восстановления текста $meskenlägmeq$.

⁴ См., например, тексты надгробий из Кухистана (Мухтаров 1978, 44, 46, 67, 68 и др.).

⁵ Для сравнения укажем, что в текстах тюркским формантом этого падежа является $-a$ (см.:

lärqa [153] 'ученым'⁶, baqlı döñjaça [182] 'в мир вечный'⁷. Если в вышеуказанных примерах аффиксами направительного падежа передано значение направления, то в слове nižrätqa [90, 164] 'по хидяре (досл.: в хидяру)' аффикс этого падежа несколько расширил свою функцию. Здесь -qa придает слову местно-временное значение, то есть выполняет функцию местного падежа. Общеизвестно, что в тюркских языках направительный падеж имеет также и значение локальности (подробнее см.: Хакимзянов 1978, 60).

На нескольких надгробьях при обозначении даты принята несколько иная конструкция предложения, отличающаяся от общепринятой. Если в большинстве памятников слово tariḫ 'дата, летосчисление' стоит в основном падеже (ср. tariḫ jeti jüz jegerme törtä [127] 'по летосчислению в семьсот двадцать четыре'), то на этих надгробьях оно поставлено в направительном падеже: tariḫqa 717 [91] 'по летосчислению 717 (досл.: в дату 717)' или wafatı boldı: tariḫqa jeti jüz jegerme toqızda erdi [112] 'его смерть произошла: по летосчислению (досл.: в дату) семьсот двадцать девять было'. Такая же картина наблюдалась и в памятниках на т- и дж-диалектах (Хакимзянов 1978, 59-61).

Между тем в ярлыках, татарских надгробных памятниках, произведениях устного народного творчества татарского народа, среднетюркских литературных памятниках - всюду слово tariḫ ставится в основном падеже. Употребление направительного падежа в некоторых текстах можно было бы объяснить двояко: 1) как заметил еще О. Прицак (Pritsak 1959a, 291), правда, в отношении другой группы памятников, - направительный падеж применяется для передачи значения арабского предлога فی fi 'в', то есть данная тюркская форма является неоригинальной и налицо перевод арабского предлога. Однако предполагаемая конструкция fi tariḫi для памятников этого региона не характерна; 2) как известно, др.-тюрк. -qa//--ka являлись показателями направительно-местного падежа; ср.: üc

⁶ Г. В. Юсупов (1960, табл. 12) приводит форму galimlägä 'ученым' (то есть предполагает аффикс винительного падежа), однако на эстампе ясно видно закругление начального знака аффикса, а не зубчик буквы нүн. Х. Фейзаханов (1863, 396) придерживался чтения galimlärgä. Данная, спорно читаемая буква (g или q) вырезана без диакритического знака и осмотр памятника на месте в полевых условиях показал, что этот знак больше тяготеет к q, чем к g. Не является ли употребление афф. -qa в нарушение сингармонизма согласных, данью литературным традициям? Ведь в древнетюркском языке звонкий вариант употреблялся весьма редко (Кононов 1980, 153), в караханидских памятниках - то же самое (Mansuroğlu 1959, 100). Ср. также написание слова mu'minca [139] 'правоверному'.

⁷ Г. В. Юсупов (1960, табл. 45) это слово оставил непрочитанным.

jetmiş jañınça adiriltim 'когда мне было шестьдесят три года, я расстался с этим миром'.

В отличие от надписей на т- и дж-диалектах в этой группе памятников волжских булгар при обозначении даты лексема jil 'год', как правило, отсутствует, хотя в арабоязычных текстах его арабский эквивалент и имеется. Даже по этой причине предположение о переводном характере тюркских надписей кажется сомнительным.

Местный падеж в надписях оформлен при помощи аффикса -da// -dā, при этом в текстах он зафиксирован лишь в словах притяжательного склонения: İvraq otuz altı jañında erdi kim [182] 'Исхаку было тридцать шесть лет', İvavvāl ajlınıñ ađrında erdi [213] 'было в конце месяца шавваль', Ƴograsendā [90, 211, 214] 'в новолуние' и др.

Трудно сказать, употреблялся ли в текстах глухой вариант аффикса местного падежа. В древнетюркском языке, например, были в употреблении оба варианта этого аффикса (-ta// -tā применялся после основ, оканчивающихся на -л, -н, -р). А. М. Щербак единственным формантом этого падежа для текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана указывает -da// -dā (Щербак 1961, 80-81), однако есть примеры и с глухим началом. Для литературных памятников караханидской поры М. Мансуроглу (Manıurođlu 1959, 100) указывает возможность оформления данного падежа и аффикса -ta// -tā, но речь ведет, в основном, об аффиксах со звонким началом.

Исходный падеж образован при помощи аффикса -dın и зафиксирован он лишь в одном случае: fanı dönjadın [182] 'из мира временного'. Применение окончания древнеуйгурского (точнее, карлукско-уйгурского) типа необходимо объяснить влиянием и сохранением существующей в те времена письменной-литературной традиции. Ведь в караханидских памятниках форманты исходного падежа имели лишь узкие или губные гласные (Manıurođlu 1959, 100)⁸, в восточнотуркестанском языке наряду с указанными типами был и аффикс с широким гласным -a- (-dan - см.: Щербак 1961, 81-82), для языка памятников Семиречья XIII-XIV вв. указываются форманты -dın и -dın (Manıurođlu 1959, III), то же самое отмечается в хорезмско-тюркских и чагатайских памятниках (Eckmann 1959, 122; 1959a, 148 - с добавлением варианта с глухим началом). В то же время в наиболее ранних тюркских памятниках - в древнетюркских - присутствовали аффиксы и с широкими, и с узкими гласными (см.: Кононов 1980, 158-159). А. М. Щербак (1961, 82) указывает, что огласовка a была свойственна манихейским текстам (то есть уйгуро-огузскому диалекту), а в более поздний период нашла отражение в "Диване" М. Кашгари.

Косвенные данные позволяют предположительно высказаться о возможности употребления и форманта с широким гласным в исследуемых нами па-

⁸ Здесь нужно отметить и употребление форм с формантом -da в значении исходного падежа.

мятников XIII-XIV вв.

Во-первых, в Среднем Поволжье были очень популярны такие литературные памятники, как "Кисса-и Йусуф" Кул Али (XIII в.) и "Кисекбаш китасы" (XIII-XIV вв.), написанные на локальном поволжском литературном языке, который, естественно, в течение долгого времени сохранял и карахандско-уйгурские элементы⁹. В языке этих произведений, хронологически совпадающих с исследуемыми текстами эпитафий Волжской Булгарии, параллельно употреблены форманты и с широкими, и с узкими гласными (Ахметгалева 1979, 82; كتابى ۱۱۱۷). Такое же явление встречается и в старотатарских письменных источниках, например в "Сборнике летописей" Кадыр-Галибека (1602 г. - см.: Хисамиева 1980, 10), деловых документах XVII в. (Маннапова 1980, 105), документах деловой письменности XVIII в. (Старотатарская 1981, 57 №/ и 63 - строка 15 и т.д.) и др.

Во-вторых, в другой группе памятников Волжской Булгарии - с признаковыми текстами - единственным показателем исходного падежа является -*tan*, ср.: *fani dōnĵaran* 'из мира временного' (Хакимзянов 1978, 61). И если в аффиксах *d ~ ğ* является результатом ассимилятивных процессов, то наличие аффиксов с узкими и широкими гласными отражает очень древние диалектные расхождения (см.: Шербак 1977, 45).

Наличие единственного примера с показателем исходного падежа явно недостаточно для каких-либо категорических утверждений или суждений.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Из известных в тюркских языках продуктивных способов словообразования в данных памятниках встречаются аффиксация и субстантивация. Основным словообразовательным способом в текстах является аффиксация, то есть морфологический способ. В рассматриваемых памятниках словообразовательных аффиксов зафиксировано не так уж много.

-*ċi*: *altunċi* [92] 'золотых дел мастер' < *altun* 'золото, золотой' + афф. -*ċi*; *tamĵaċi* [153] 'сборщик податей' < *tamĵa* 'знак, клеймо, печать' + афф. -*ċi*. Аффикс образует название лица по характеру занятия.
-*āk* // -*ek*¹⁰: *özāk* [91, 139] 'сердцевина, стержень; ядро чего-либо' < *öz* 'сердцевина, нутро' (подробнее см.: Севортян 1974, 506-508) + афф. -*āk*; *kōgek* [91, 139] 'красота' < *kōg-* 'видеть, смотреть' (см.: Равапан 1969, 292) + афф. -*ek*. В первом примере афф. -*āk*, присоединяясь

⁹ Подробнее о вариантах литературного письменнотюркского языка см.: Тевисев 1976, 230-232; 1979, 80-90.

¹⁰ Возможно, здесь употреблен афф. -*k*, так как в тексте имя дано с посессивным аффиксом (ср.: *kōgke* 'его краса'), тем более в относительно ранних тюркских памятниках имеются примеры параллельного употребления -*k* и -*ük* (> -*ek*) - см.: ДТС, 317-318.

к именной основе, образовал близкое по семантике новое имя в уподобительно-уменьшительном значении; во втором - от глагольной основы образовано новое слово со значением результата действия.

-γa: этот аффикс входит в состав слова *taɣaʃl* 'сборщик податей' (*taɣa* < *taɣ-* 'гореть' + афф. -γa), где он образует существительное со значением результата действия.

-gü: *beɪgü* [212] 'надмогильный знак, памятник' < *beɪ-* 'обозначать' (см.: Севортян 1974, 110) + афф. -gü. Здесь при помощи афф. -gü также образовано новое слово со значением результата действия. В другой группе памятников Волжской Булгарии это же самое слово было образовано с помощью афф. -ük (Хакимзянов 1978, 82-83). Как указывает А. Н. Кононов (1980, 88-90), афф. -āk, -ek, -ük, -γa, -gü являются фонетическими вариантами единого некогда форманта *k ~ *g ~ *γ.

-(e)l: *köceɪ* [91, 139] 'сердце, душа' < *kō + ц II (Кононов 1980, 95) + афф. -(e)l.

Можно привести еще два примера, которые в контексте приобрели другое значение и из разряда прилагательных перешли в разряд существительных, то есть субстантивировались. Это явление относится к синтактико-морфологическому способу словообразования, ср.: *öküɹ* 'сирота' < 'осиротевший, сирый' и *altɹaɹ* 'золото, золотой, цвета благородного металла' (само слово исторически восходит к *al* 'алый, красный' + *toɹ*, *toɹ* 'медь, драгоценный металл').

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Из форм прилагательных, существовавших в древнетюркскую эпоху, в языке исследуемых надмогильных надписей зафиксированы лишь единицы.

На памятнике из Болгарского городища¹² приведено следующее выражение: *jätim, tuɪ öküɹzläɹne awaɹaɹaɹ* 'одиноких, вдовых сирот кормивший'. В существовавших доныне переводах это место (см.: Березин 1852, 120; Юсупов 1960, табл. 15) звучало как "сирот, вдов, бедных (по Березину - "и сирых") кормилец", то есть эти лексемы выступали в качестве однородных членов предложения. Однако слово *öküɹ* 'сирота', генетически являющееся привативным прилагательным¹³, субстантивировалось,

¹¹ Слово *kō, видимо, имеет семантическую связь с общеалтайским *kōke- 'сосать грудь' (подробнее см.: Колесникова 1972, 78-84, 297).

¹² См. рис. 5.

¹³ Ср.: *öküɹ* [91] 'сирота' < *ök* (~ *ög* 'мать', где -g перешел в -k в результате регрессивной ассимиляции) + афф. -üɹ. Существует мнение, что этот привативный формант является показателем лишительного (или отсутственного) падежа (подробнее см.: Закиев 1964, 207-219; Щербак 1977, 99), однако ряд ученых считает его образующим привативное прилагательное (Серебренников, Гаджиева 1979, 125-126; Кононов 1980, 107-108).

тем более что оно оформлено аффиксами мя, числа и падежа. С функциональной стороны, здесь относительными прилагательными можно считать образования *jätim* и *tuł*, выступающие в данном контексте в функции определения.

Одним из наиболее древних показателей относительного прилагательного считается афф. *-luγ*¹⁴. В одном тексте из с. Старое Калмашево Чекмагушевского р-на БАССР (см. рис. 12) зафиксировано слово *qutluγ* [235] 'счастливы', состоящее из именной основы *qut* 'счастье, благо, удача' + афф. *-luγ*.

В надписях встречаются прилагательные, заимствованные из арабского языка и выступающие в турецких конструкциях (целиком арабские предложения здесь не рассматриваются), например: *baqij dönja* [182] 'вечный мир', *fani dönja* [182] 'временный, бранный мир', ср. также: *möbäräk* [235] 'благословенный'.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

С и с т е м а с ч е т а. В специальной литературе наиболее древней системой счета принято называть ту, которая нашла отражение в рунических памятниках, где при обозначении десятков и единиц сначала ставились единицы¹⁵. Такая система применялась в памятниках некоторых регионов вплоть до XIII-XIV вв.¹⁶

В системе счета эпиграфических памятников Волжской Булгарии же числительные расположены по убывающему порядку — от высшего разряда к низшему, например: *jegerme eki* 'двадцать два' [90], *jeti jüz jegerme segiz* 'семьсот двадцать восемь' [164] и др. В текстах т- и дж-диалектов наблюдалась точно такая же система счета: ср. *žeti žür alü tođur* 'семьсот пятьдесят девять'.

К о л и ч е с т в е н н ы е ч и с л и т е л ь н ы е. Специфичность надписей предопределила употребление довольно большого количества числительных, в основном количественных и порядковых. В надмогильных текстах могут употребляться и другие группы числительных: в древнетурецких рунических памятниках, например, зафиксировано *üçgün* 'трое, все трое, втроем' (Кононов 1980, II4)¹⁷, в несторианских па-

¹⁴ В данном случае огласовка форманта не играет роли. О различных мнениях относительно этого форманта см. в работах: Щербак 1977, 109-112; Кононов 1980, 105-107.

¹⁵ Подробнее см.: Бартольд 1968, 363-364; Кононов 1980, II2.

¹⁶ Например, в Восточном Туркестане (Щербак 1961, 123), отдельные примеры имеются в памятниках Семиречья (Джумагулов 1971, 75).

¹⁷ Т. Текин (Teikin 1968, 148) приводит и формы *üçgü* 'трое, втроем', *ikgü* 'двое, вдвоем'.

мятников Семиречья - üčägü 'трое' (Дзумагулов 1971, 75).

В исследуемых нами эпитафиях применены следующие количественные числительные.

- 1: **бир** ber [181] // **бир** ber [90] - в составе on ber 'одинадцать', **бир** ber [211] - в составе elig ber 'пятьдесят один'.
- 2: **эки** eki [182] // **эки** eki [90] - в составе jegerme eki 'двадцать два'.
- 3: **үч** üč [175] - в составе qırq üč 'сорок три' // **үч** üč [62] - в составе onüč 'тринадцать'.
- 4: **төрт** tört [127] - в составе jegerme tört 'двадцать четыре' // **төрт** törüt [181] в составе seksän törüt 'восемьдесят четыре'.
- 5: **беш** beš [164] - в составе otız beš 'тридцать пять' // **беш** beš [80] в составе qırq beš 'сорок пять'.
- 6: **алты** altı [182] - в составе otuz altı 'тридцать шесть' // **алты** altı [242] - в составе altı jüz 'шестьсот'.
- 7: **жеті** jeti [62, 80, 90, 127, 153, 164 и т. д.] - в составе jeti jüz 'семьсот'.
- 8: **сегіз** segiz [164] - в составе jegerme segiz 'двадцать восемь' // [182] в составе segiz jüz 'восемьсот' и др. // **сегіз** segiz [62] - в составе elig segiz 'пятьдесят восемь'.
- 9: **тоқуз** toquz [213] - в составе elig toquz 'пятьдесят девять'.
- 10: **он** on [90, 164] // **он** on [62].
- 11: **он бир** on ber [90].
- 13: **он үч** onüč [62].
- 15: **он беш** on beš [164].
- 20: **якirmi** [90] // **якirmi** [127, 164] jegerme.
- 30: **отуз** [182, 241] otuz // **отуз** [164] otız.
- 40: **қирқ** [80, 175, 235] qırq.
- 50: **элк** [213] // **элк** [211] // **элк** [214] // **элк** [212] // **элк** [62] // **элк** [181] elig.
- 80: **сакан** [181] seksän.
- 100: **юз** [80, 90, 164, 175, 181 и др.] // **юз** [62] jüz.

Как видно из примеров, все названия имен числительных являются общетюркскими¹⁸.

В надписях один раз употреблено слово üküñ 'много', которое по своему лексико-грамматическому значению можно считать неопределенным количественным числительным, ср.: üküñ дәјер вақibe [153] 'множества благодеяний вершитель (досл.: хозяин множества благ)'. Правда, в отношении этого слова существует и иная точка зрения, на основе которой оно признается наречием¹⁹.

¹⁸ Ср., например, с восточнотуркестанскими числительными (Шербак, 1961, 119).

¹⁹ См., например, у А. Н. Кононова (1980, 141), в то же время

Порядковые числительные. Из формантов, образующих порядковые числительные, в исследуемых памятниках употреблены $-(e)n\check{s}e//-(l)n\check{s}i$ ²⁰ и $-n\check{s}$ (?). В тюркских языках более широко распространены разновидности $-n\check{s}i//n\check{s}i$, а $-n\check{s}$, считающаяся усеченной формой, зафиксирована в древних и некоторых среднетюркских письменных памятниках²¹, ср., например, в орхоно-енисейских рунических памятниках $\check{u}\check{s}\check{u}n\check{s}$ 'третий', $t\check{o}rt\check{u}n\check{s}$ // $t\check{o}rtin\check{s}$ 'четвертый' (ДТС, 581, 622), в восточнотуркестанском языке X–XIII вв. $ikin\check{s}$ 'второй', $t\check{o}rtin\check{s}$ 'четвертый', $\check{u}\check{s}\check{u}n\check{s}$ 'третий' (Шербак 1961, 120), в несторианских памятниках Киргизии $ikin\check{s}$ 'второй', $jitin\check{s}$ 'седьмой' (Джумагулов 1971, 73).

Трудно определить, какая из этих форм была характерной для языка исследуемых нами памятников, ибо порядковые числительные в них встречаются весьма редко, а форма $-n\check{s}$ зафиксирована пока всего один раз, см.: $on\ altin\check{s}$ 'шестнадцатый', хотя здесь же имеется и вариант $-n\check{s}e$: $on\ t\check{o}rten\check{s}eda$ 'в четырнадцатом'²², см. также формы $\check{u}\check{s}en\check{s}e$ [80] 'третий', $on\ altin\check{s}i$ [182] 'шестнадцатый' (рис. 11, 19). Можно было бы утверждать о наличии связи между формами на $-n\check{s}$ (граф. \check{c}) исследуемых надписей и памятников более ранней поры. Но такому утверждению в какой-то мере противоречит применение усеченной и полной форм порядкового числительного в одном тексте.

Обратимся к p-язычным памятникам Волжской Булгарии. Мнение об оформлении порядковых числительных в группе p-язычных болгарских эпитафий при помощи аффикса $-n\check{s}$ в свое время вызвало серьезное возражение, а чтение одного аффикса как $-n\check{s}i$ требовало доказательств²³. В порядке некоторого уточнения этого вопроса следует указать, что в том памятнике, как показало изучение текста в полевых условиях в 1981 г., выре-

Т. Текин (Tekin 1968, 149) и Я. Экман (Eckmann 1968, III) причисляют его к разряду неопределенно-количественных числительных (indefinite numeral).

²⁰ В тексте одного памятника (см. рис. 12), возможно, был употреблен вариант аффикса порядкового числительного с губной огласовкой. Но испорченность памятника не позволяет восстановить форму целиком, читается лишь часть числительного: ... $\check{u}\check{s}\check{u}$...

²¹ А также употреблялись в старотурецком и староузбекском языках (Шербак 1977, 146).

²² См. рис. 4. Здесь налицо субстантивация порядкового числительного, когда при отсутствии определяемого существительного числительное субстантивируется и принимает аффиксы, как и имена существительные. В данном случае оно оформлено аффиксом местного падежа $-d\check{a}$.

²³ Подробнее см. в работе: Хакимзянов 1978, 66–67.

зано جاءمئى ǰǝmǝi 'двадцатый', где -ǝi является показателем принадлежности²⁴. Таким образом, в другой группе эпиграфических памятников Волжской Булгарии афф. -nǝ , -nǝi для оформления порядковых числительных не применялись.

Пока трудно окончательно решить вопрос о применении формы -nǝ при образовании порядковых числительных в исследуемой группе 3-язычных памятников. Здесь контраргументом, заслуживающим серьезного внимания, может выступить графический фактор — резчик мог быть воспитан в такой орфографической традиции, в которой над- и подстрочные добавочные знаки не находили своего материального отражения. В такой системе письма одна графема использовалась для различных фонологических единиц, что, видимо, не мешало их распознаваемости. Кроме того, резчик довольно-таки рассеян: у него случаются пропуски отдельных букв, что невозможно объяснить диалектными включениями.

МЕСТОИМЕНИЕ

В рассматриваемых эпиграфических текстах зафиксированы местоимения почти всех групп (хотя и не полной парадигмы). Это — личные местоимения ul ²⁵ [42] 'он', alar [139, 153] 'они', указательные местоимения bu [153, 212] 'это', ol [139] 'тот', относительное местоимение kem [139] 'который'.

Личные местоимения, зафиксированные в надписях, позволяют предположить общетюркский характер не только форм 3-го лица, но и других. В памятниках личное местоимение 3-го лица mǝ , числа alar 'они' стоит в винительном падеже, ср.: $\text{alar} + \text{nǝ}$ 'их', что также свидетельствует об общетюркском характере парадигмы.

Указательные местоимения bu 'это' и ol 'тот' по своим особенностям являются обобщенно-указательными и обнаруживаются почти во всех живых тюркских языках и историко-литературных памятниках.

В эпиграфических памятниках местоимение bu обычно употребляется в определительной позиции, однако в рассматриваемых эпитафиях оно выступает в несколько иной роли. Здесь мы встречаемся с инвертированным порядком слов, при котором bu приобрело стилистическую коннотацию, ср.: Aǝan belǝǝve bu [212] 'Ачана надмогильный знак это'. Как правило, такое явление наиболее характерно для эмоциональной или же разговорной речи. В данном случае реальнее будет предположить возможность отражения

²⁴ См. табл. 16 у Г. В. Юсупова (1960), который опирался на эстампаж, приведенный в работе Х. Фейзханова (Фейз-ханов 1863, табл. П), то же самое и у Г. Ахмарова (1908, احرف).

²⁵ Здесь возможно чтение и с начальным o- . Текст надписи, видимо, выполнен двумя резчиками и неграмотно написанный трехстрочн. текст был впоследствии добавлен к другой эпитафии (см. рис. 20).

последней, что подтверждается и наличием имени собственного Асап (~ Āṣāp), заимствованного из арабского языка (ср. حَمِيْن 'красивый, прекрасный' и т. д., а также имя собств. Хасан) и часто встречаемого в эпитафиях Волжской Булгарии без фонетических трансформаций в виде Nāṣāp. Исследователями отмечен перебой ċ // в в некоторых говорах татарского языка (Бурганова 1962, 28).

Во втором примере бу выступает в качестве подлежащего простого предложения с обычным порядком слов: бу ...žomadi-l-äwväli ajiñiç on altinç (1) küle erdi [153] 'это ...был шестнадцатый день месяца джумада I'.

Если бу считается указательным местоимением ближнего плана, то ul ²⁶ 'тот' – местоимением дальнего плана. В контексте это местоимение выступает со своим определяемым словом, например: rähmät ul mi'minça [139] 'спасибо тому правоверному'.

Относительное местоимение, как правило, возникает из вопросительного местоимения, хотя исследователями оно не всегда и выделяется. В нашем примере, в котором мы усматриваем наличие относительного местоимения, кем 'который' формально можно перевести и словом "кто", однако в нем уже нет вопросительного значения, ср.: rähmät ul mi'minça, кем ber Fatijha, üç İhlas sügäsen oqisa [139] 'спасибо тому правоверному, который (кто) один раз прочтет Фатиху и трижды суру Ихлас!' Хотя по происхождению кем и является вопросительным местоимением, в предложении оно нередко выступает как вопросительно-местоименное относительное слово придаточного предложения и не воспринимается в своем изначальном значении, ср.: кем körvä, oqır Fatijha sügäsen [42] 'кто увидит, тот прочтет суру Фатиха (то есть первую суру Корана)'.

ГЛАГОЛ

Личные формы глагола

И з ъ я в и т е л ь н о е н а к л о н е н и е в надписях представлено тремя временными планами: настоящим, прошедшим и будущим. Здесь в основном речь будет идти о формах 3-го лица ед. числа, так как, за некоторыми исключениями, других форм не обнаружено.

I. Настоящее-будущее время I, основой которого выступает причастие на - г + личные аффиксы. По своей семантике его можно назвать конкретным временем, так как им обозначается действие, одновременное с моментом речи, ср.: kögärmen dönjanı wājrañ barı [144] 'вижу мир развалиной по существу (досл.: всё разваленный)'. Настоящее I время присутствовало и в памятниках древнетюркской письменности; наиболее активным, а иногда и единственным оно выступало в среднетюркских литературных памятниках.

²⁶ В тексте написано через üäü с даммой (см. рис. 9).

ках, например в "Гулистане" С. Сарая (Надхип 1975, вып. I, 179).

В текстах надписей наиболее активной является настоящее-будущее время, образованное при помощи присвязочного члена *tugur* (< *tug-*'стоять' + афф. *-ur*), ср.: *Tuǰǰa zijaǰāti tugur* [213] 'это есть место погребения Туǰчи'. Из данного контекста видно, что действие в момент речи еще не завершилось, а продолжается.

Как указывает А. М. Сербак (1961, 193), имеющаяся в языке восточнотуркестанских текстов предикативная частица *tur*(*ur*) начиная с XII-XIII вв. постепенно утрачивает последний слог. В "Мухаббат-наме" Хорезми, например, полная форма *турур* и краткая *-тур// -дур* употребляются параллельно, хотя и преобладают краткие формы (Надхип 1961, III). Такое же положение наблюдается и в старотатарских памятниках деловой письменности XVIII в., ср.: *minem qulimdir* 'это есть моя рука' и *kūzemez tullı jaǰ torir, künçemez tullı qan torir* 'наши глаза полны слез, душа полна кровью' (Маннапова 1982, 55).

2. Прошедшее категорическое время образовано при помощи афф. *-di// -di*: *jegerme eki jaǰında wafat boldı* [90] 'в двадцать два года скончалась'; *hiǰrätqa jeti jüz jegerme segizdä erdi* [164] 'по хидаре в семьсот двадцать восьмом было'.

В надписях зафиксировано и другое прошедшее время – прошедшее результативное, основой которого выступает причастие прошедшего времени на *-yan// -gän*: *tamyaǰı İbrahim as-Suwari wafat bolıyan* [153] 'сборщик податей Ибрагим Суварский скончался'. В данном примере форма на *-yan* имеет значение прошедшего неочевидного (результативного) времени – говорящий сам не был свидетелем действия, а судит об этом лишь исходя из конечного результата. Такая форма прошедшего времени в основном характерна для тюркских языков кыпчакской и карлукско-уйгурской групп, а также для всех языков Сибири и Алтая, кроме якутского (Серебрянников, Гаджиева 1979, 183; Щероак 1981, 92).

В текстах есть один пример, показывающий применение и другой формы прошедшего результативного времени – формы на *-mıǰ*. В языке рунических памятников единственной формой, выступающей в указанной функции, была форма на *-mıǰ* (Кононов 1960, 188–189). В караханидских и старокыпчакских литературных памятниках формы на *-mıǰ* и *-yan* употреблялись параллельно. В исследуемой нами надписи XIII в. форма на *-mıǰ* функционирует с недостаточным глаголом *-er* 'быть': *hämiǰä baǰıj ermiǰ* [144] 'постоянность вечна'.

3. Будущее I время, основой которого выступает причастие будущего времени на *-r* обозначает предположительное, неопределенное действие. По своему типу образования это время обнаруживает сходство с настоящим-будущим временем на *-r*²⁷, ср.: *Allahu ǰiler ul ǰiler* [42] 'Аллах

²⁷ Подробнее см.: Щероак 1981, 85–91.

пожелает и он придет.²⁸ Если форма *ñiler* (должно быть *tiler*) передает неопределенность, потому что еще не известно решение субъекта (в данном случае - Аллаха), то в семантике второй формы - *helir* (должно быть *kelir*) - присутствует элемент долженствования.

Желательное наклонение в текстах представлено формой 3-го лица ед. числа на *-sun// -sün*. В ряде современных грамматик такая форма рассматривается в парадигме повелительного наклонения, но, как отмечал еще Б. А. Серебrenников (1963, 68), с точки зрения историка языка, такое построение не выдерживает критики²⁹. Данная форма имеет больше значение желания, нежели повеления, и когда-то, очевидно, имела чисто желательное значение, о чем говорит образование ее при помощи общеалтайского форманта желательного наклонения: *-su* (*-zu*) + *n* (?).

Семантика данной формы в исследуемых нами надписях позволяет считать ее желательным наклонением, ср.: *Tägalä gāñmät qñlsun!* [181] 'Всевышний пусть помилует!', *Tāñri gāñmäte berlä sewendürsün!* [164] 'пусть обрадует Всевышний своей милостью!'. В этих примерах больше чувствуется мольба, просьба, чем повеление в какой-бы то ни было форме.

Условное наклонение имеет показатель *-sa*, наиболее характерный для многих тюркских языков. Обычно, в зависимости от контекста и содержания основного глагола, формы на *-sa // -sā* могут выражать разновременные условия. В зафиксированном нами примере условие относится к плану будущего, поэтому и основной глагол стоит в форме будущего времени: *kem körsā oñir Fatlñha sñgāsen* [42] 'кто увидит, тот прочтет суру Фатиха (то есть первую суру Корана)'.

Неличные формы глагола

Причастия в своих синтаксических функциях бывают близки к существительным или прилагательным. Причастия, зафиксированные в рассматриваемых эпиграфических памятниках Волжской Булгарии, образова-

²⁸ Фонетический облик некоторых тюркских слов этого памятника нельзя рассматривать как нечто закономерное, так как трехстрочный текст с этими словами дописан к тексту на другом диалекте и резчик, видимо, не владел литературным языком (см. рис. 20).

²⁹ Правда, А. Н. Коновов в древнетюркских текстах формы на *-su // -zū*, *-sun // -sün* также относит к повелительному наклонению, хотя и пишет, что они обозначают пожелание, просьбу. А Т. Текин называет ее волеизъявительно-императивным (*the voluntative-imperative*) наклонением (Текин 1968, 187). Условно именует ее формой повелительного наклонения и А. М. Щербак (1961, 144).

ны при помощи афф. -*yaq* // -*gān*, -*qaq* // -*kān* и относятся ко второму типу³⁰. Они обозначают признак по действию, завершившемуся в прошлом, поэтому их можно называть прошедшими неочевидными причастиями, ср.: *galırlarğa ağırlayan, jätim, tul öksüzlarğa azağan Musa...* [91] 'почитавший ученых, одиноких, вдовых сирот кормивший Муса...' или *galırlarğa qatırılğan qılqan hām alarñı sevgān, mäsjeđlar gıjmarāt qılqan ...* [153] '(давший) образование ученым и их любимый, воздвигавший мечети... Ходжа'.

В орхон-енисейских рунических памятниках такая форма причастия отсутствовала, а в восточнотуркестанском языке X-XIII вв. она уже зафиксирована. Правда, А. М. Щербак отмечает, что причастия "встречаются редко и в качестве атрибута" (1961, 138). Причастные формы на -*yaq* // -*gān* и -*qaq* // -*kān* считаются характерными показателями языков кыпчакско-огузской группы.

Деепричастие. Из различных форм деепричастий, известных по письменным памятникам и современным тюркским языкам, в текстах зафиксировано соединительное деепричастие на -*ıp*. Обычно эта форма выражает действие, предшествующее основному действию; например, ср.: *āgraf qılıp, ađırāt varajına ulananda* [139] 'совершив благодеяния, когда достиг дворца загробной (райской) жизни' или *māegür qılıp, Kāueār bārabı berlä qandursun* [127] 'обрадовав, да утолит напитком Кевсара'.

В памятниках можно увидеть отглагольную форму, образованную при помощи аффиксов причастия -*yaq* // -*gān* и оформленную аффиксом местного падежа: *kelgāndā* [181] 'когда приходил' < *kel-* 'приходить' + афф. -*gān* + афф. -*dā*³¹; *ulananda* [139] 'когда достиг' < *ula-* 'достигать; соединяться' + афф. -*n* + афф. -*yaq* + афф. -*da*. Семантика данной формы стоит ближе к деепричастию, так как она, являясь обстоятельством времени, характеризует основное действие.

Категория залога

Исходя из отношений между действием и действующим лицом, в тюркских языках исследователями установлено наличие пяти залоговых разрядов. Из них три — основной, возвратный и пассивный — зафиксированы в рас-

³⁰ Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева называют их отглагольными прилагательными, которые со временем превратились в причастия прошедшего времени (1979, 226-227, 230-231).

³¹ Памятник сильно испорчен и это место читается не полностью (см. рис. 19). Однако мы здесь предполагаем точно такую же конструкцию предложения, какая применена в других эпитафиях более позднего периода (см.: Юсупов 1960, тексты 7 и 8 в "Приложении").

Основы глагола не имеет специального показателя и совпадает с первичной основой.

Возвратный залог образован при помощи аффикса // -п: *sewen-* [164] 'радоваться' < *sew-* 'любить' + залог. аффикс. -еп, ср. др.-тюрк. *sefin-* 'радоваться' (Коновалов 1980, 176). В этом же тексте к форме возвратного залога присоединен аффикс. -диг, образующий понуудительный залог, который генетически состоит из двух первообразных формантов - -д + -г, ср.: *sewen-* + *-düg-* 'обрадууй'. См. также: *qan* + *-düg-* [127] 'напой, утоли жажду' < *qan-* 'напиваться, утолять жажду' + залог. аффикс. -диг.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

В исследуемых надписях зафиксированы все типы глагольных основ. Как в другой группе эпиграфических памятников Волжской Булгарии (см.: Хакимзянов 1978, 75), так и в данных текстах больше встречается корневых основ, ср.: *kel-* [42, 181] 'приходить', *кӧг-* [42] 'видеть', *bol-* [62, 90, 153 и т. д.] 'быть', *qıl-* [139] 'громко читать', *qan-* [127] 'напиваться, утолять жажду' и др.

Из производных глагольных основ можно указать на следующие: *авга-* 'воспитывать' [91, 139] < *аві* 'воскормленный, выросший' (Севертjan 1974, 194) + глаголообр. аффикс. -га (< г- + -а); *ауігга-* [91] 'уважать, почитать' < *а:у* 'сваливаться в сторону, свешиваться, перевешиваться (на одну сторону)' + аффикс. -іг³² (*ауіг* 'быть тяжелым', в то же время см. омоформу *ауіг* 'тяжелый; драгоценный; дорогой; почтенный; святой' и т. д.) + глаголообр. аффикс. -ла³³.

Сложные глаголы, как и во многих других тюркских памятниках и языках, образованы по следующей модели: "имя + вспомогательный глагол". Вторым компонентом в надписях выступают глаголы *bol-* 'делаться, становиться', *qıl-* 'делать', *er-* 'быть, существовать'.

Глагол *bol-* встречается в словосочетании с именем *wafat* (< араб. *وفاة* 'кончина, смерть'); *wafat bol-* 'умереть, скончаться', которому придает страдательно-возвратное значение.

Глагол *qıl-* в надписях сочетается с различными именами, например с *tärbijä* (< араб. *تربیه* 'развитие, воспитание, обрезание'), *gäp-mät* (< араб. *رحمة* 'милость, сострадание, милосердие'), *gijmarät* (< араб. *بنا* 'населенность; строительство'), но семантику не меняет: *tärbijä qıl-* 'воспитать' [153], *gäp-mät qıl-* [91, 181] 'скалиться, смилостивиться', *gijmarät qıl-* [153] 'воздвигать, сооружать'.

³² -іг является омоаффиксом, образующим и имя, и глагол.

³³ Об этом аффиксе подробнее см. Серебрянников 1972, 64-68.

ПОСЛЕЛОГ И СОЮЗ

Послелоги тесно связаны с падежной системой и выражают синтаксические отношения.

В надписях зафиксирован послелог *berlä 'с'* (< *berläp*), который имеет значение инструменталиса, то есть передает творительный падеж: *kāūyār āgarābī berlā qandūrgān!* [127] 'пусть утолит напиток Кеусара!', *tādūgī gāhmāte berlā newendūrgān!* [164] 'Всевышний пусть обрадует своей милостью!'.

Из союзов в надписях представлен соединительный союз *hām 'и'*, являющийся не собственно тюркским, а заимствованным из персидского языка, ср.: *galimlārqa tārbiyā qillqan hām alarūī newgān* [153] '(давний) образование ученых и их любивший'.

Глава 5 ЛЕКСИКА

Ввиду малочисленности и определенной схематичности текстов лексика вовлеченных в исследование эпиграфических памятников Волжской Булгарии не очень богата. По своему составу она имеет много общего с такими среднетюркскими письменными памятниками, как среднеазиатский "Тефсир", "Хосрау и Ширин" Кутба, "Мухаббат-наме" Хорезми, "Гулистан" С. Сарая, "Китаб ат-тухфа аз-закия фи-л-луга ат-туркия", "Кисекбаш китабы" и т. д. Основу лексического фонда составляют обдетюркские слова, которые, естественно, лежали в основе наддиалектного койне болгарского государства и литературного языка кыпчакско-огузского типа. При рассмотрении тюркских слов обращают на себя внимание слова, зафиксированные в древнетюркском языке и единичных среднетюркских памятниках, привлеченных нами для сравнения; ср., например: *qan-* 'напиваться, утолять жажду', *ayirla-* 'почитать, уважать', *tashasī* 'сборщик податей', *belgū* 'надмогильный знак, памятник'. С точки зрения современного состояния тюркских языков, к архаизмам можно было бы причислить и слова *üküñ* 'много', *tariḫ* 'дата, летосчисление', *çlan-* 'достигать, (при)-соединять', *er-* 'быть'.

Лексика данной группы памятников имеет много общих черт с современными кыпчакскими языками, главным образом, с тюркскими языками Поволжья и Приуралья – татарским и башкирским.

Наличный словарный фонд надписей трудно дифференцировать по принадлежности к той или иной группе языков (или языку). Однако вполне различимы лексемы с кыпчакскими особенностями на различных уровнях языка: в морфологии – это оформление причастной формы прошедшего времени при помощи афф. *-γan* // *-gān*, *-qan* (ср.: *azraqan* 'воспитавший, кормивший', *tärbijä qilqan* 'воспитавший'), возможность употребления в изъявительном наклонении формы прошедшего времени, образованной при помощи афф. *-γan* (ср.: *wafat bolγan* 'умер, скончался'), оформление направительного падежа при помощи афф. *-γa* // *-gä*, *-qa* (ср.: *baqij dönjaya* 'в мир вечный', *mi'minqa* 'правоверному') и т. д. Вместе с тем в памятниках зафиксирован и показатель исходного падежа *-din* (см.: *fani dönjadin* 'из мира временного'), характерный для древнеуйгурского языка. Это объясняется существованием сильного влияния уйгурской литературной традиции и книжного языка; ведь и в "Кодексе Куманикус" наряду с формантом с широкой огласовкой в виде исключения приводится

аффиксальная морфема с узким гласным, ср.: *tenri-din* 'от всевышнего' (Sabain 1959, 60).

В текстах употребляется и древнеуйгурский вариант названия числительного "пятьдесят", ср.: *e1ig*, тогда как для кыпчакских языков в данном слове характерно выпадение ауслаутного согласного. Не было конечного согласного и в памятниках другой группы Волжской Булгарии.

Представляет интерес факт употребления явно кыпчакского термина *e1ci* 'госпожа, барыня' (зафиксированного в "Турко-арабском словаре", изданном М. Хоутсма) в виде *alti* 'госпожа, барыня, владелица' (см.: Houtsma 1894, 53). Возможно, он вошел в язык этих памятников через болгарское посредство, ведь именно в другой группе памятников существует форма *älci*, и в дж-диалекте надписей наиболее системно проходит замещение *ti > č* (Хакимзянов 1978, 38-39, 91-92).

Язык данной группы памятников в своей основе является й-языком, в котором в аялауте всегда употреблялся *j-*, например. *jegetme* 'двадцать' (ср. в другой группе памятников - *žerme* // *žirme*), *jätim* 'сирота', *jeget* 'длинит, молодой человек', *jetı* 'семь' и т.д. Еще М. Кашгари указывал на применение *j* в начале и середине слова в языках ряда тюркских племен: у кыпчаков, например, начальный *j-* > *ž-*, сохранялся или опускался, а *-j-* > *-z-*; *-z-* и *-δ-* > *-j-* (см.: Тенишев 1973, 57; Курьшжанов 1972, 55-57). Слова с средним *j* в исследуемых памятниках относятся к разряду заимствований, а слов с каким-либо фонетическим изменением по линии *j* не зафиксировано.

В языке этих памятников, как и в текстах другой группы надписей Волжской Булгарии, определенное место занимают арабско-персидские заимствования, появившиеся в языке народа под влиянием светской и религиозной литературы, а также насаждавшиеся многими служителями ислама в течение ряда веков. Правда, здесь необходимо учесть и функциональный - культовый характер исследуемых памятников.

Ниже мы приводим глоссарий, составленный в сравнительном плане с языками средневековых письменных памятников, которые определены исследователями как кыпчакско-огузские, или огузо-кыпчакские. В реестр слов не включены арабские слова, находящиеся в составе коранических выражений или же употребляемые как штампы. Для сравнения привлечены факты современных тюркских языков, входящих в основном в кыпчакскую группу.

ГЛОССАРИЙ

aıırla- [91] 'почитать', уважать' < *aı-* 'сваливаться в сторону, свешиваться, перевешиваться (на одну сторону)' + имен. афф. *-ırl* + глаг. афф. *-la*; ср.: *aıırla-* 'ценить (по заслугам, качествам), вознаграждать, оказывать (проявлять) милость, возвышать, привлекать внимание к чему-л., создавать вес, авторитет, почитать, чтить, уважать' (ЛТС, 19-20), *äıırla-* // *äııur-la-* 'оказывать почет, уважать' (Изысканный, 260-261), *arırlamak* 'уважать, почитать' (XIII, 215),

agurla- 'уважать, чтить, почитать, чествовать' (Нoutsma, 49), агур-
да- 'ценить, оказывать почтение' и отсюда производное агурламыш
'почитаемый, возвеличенный' (Тефсир, 38).

См. также: Clauson 1972, 88-89; Севортян 1974, 85-86.

В современных языках: азерб. агур 'дорогой, степенный', тур.
agirlamak 'оказывать честь, почесть'; в то же время у Л. Будагова
(Буд., 61) в переносном значении приводятся башк. агур, тат. аурь
'важный, великий, почтенный, дорогой, ценный, драгоценный', однако
в современных словарях этих слов не зафиксировано.

+ -уап [91].

ај [62, 80, 127, 139, 153, 164, 181, 182, 213, 240] 'месяц (календар-
ный)'; ср. др.-тюрк. ај 'месяц, луна' (и как светило, и как мера
времени - ДТС, 24-25), ај 'луна, (Кисекбаш, 159; Гулистан, 63), ай
'луна' (XIII, 387), ај 'луна, месяц' (Тефсир, 43) и т. д. В из-
вестных нам словарях и тюркских языках то же самое, за исключением
форм: булг. ајіх (Хакимзянов 1978, 85), чув. уйăх// ойăх < *ајіх.

См. также: Räsänen 1969, 10; Clauson 1972, 265; Севортян 1974,
99.

+ -і [127, 240].

+ -інің [62, 80, 139, 153, 164, 181, 182, 213].

alar [139, 153] 'они' - мн. число личного местоимения 3-го лица; ср.:
olar (ДТС, 366), олар// анлар// улар (Тефсир, 53, 236, 325),
alar// anlar (Гулистан, 28, 31-32), alar//anlar// ular (XIII, 225),
anlar (Нoutsma, o.), алар// аллар// онлар (Изысканный, 265, 355),
а С. М. Муталлибов (Тухфа, 168) в "Указателях" приводит лишь форму
алар, но в части перевода имеются улар и аллар (с. 109, 156).

В современных языках: тат., караим., кирг. алар, ног., казах.,
ккалц., кум. олар, кбалк., ала, узб., башк. улар, башк. диал. алар-
зар, алар, тат. диал. улар, анлар, чув. вёсем 'они'.

+ -ні [139, 153].

аі [242] 'перед'; ср. др.-тюрк. аі 'низ, нижняя часть; пространство
(~ место) перед чем-л.; под, внизу' (ДТС, 32), алінда 'перед,
пред' (Тефсир, 49), алтында 'под' (XIII, 227), алын 'перед, передняя
часть', алт: алтын 'низ, нижняя часть; под' (Курьшжанов 1970, 83)
и др.

В современных языках: тат. ал 'передний, передняя часть', башк.
алда 'перед; впереди', узб. олд 'перед, передняя часть', кум. алда,
алдында 'перед (передо) ' и т. д.

См. также: Räsänen 1969, 14; Clauson 1972, 150; Севортян 1974,
124.

+ -dında [242].

allah [42] 'Аллах' < араб. الله 'бог', 'Аллах'. По законам исламской ре-
лигии, Аллах является создателем неба, земли, человека и правителем
всего мира.

altı [153, 182, 234, 242] 'шесть'; во всех ранне- и среднетюркских исторических памятниках и тюркских языках, в которых употреблено количественное числительное "шесть", оно имеет форму altı и ее различные фонетические модификации, ср., например: altı (ДТС, 39; Гулистан, 29; Тефсир, 49; XIII, 226; Noutama, 53; Джумагулов 1971, 145) и т. д.

В современных языках: тат., башк., кум., кбалк., караим., кирг., ног. алты, узб. олти 'шесть',

См. также: Самойлович 1927; Clauson 1972, 130; Севортян 1974, 141.

altınç [153]//altınçı [182] 'шестой' < altı 'шесть' + аффикс порядкового числительного -nç //-nçı; altınç (ДТС, 40; Тефсир, 49); altınçı (Изысканный, 226), алтынчы (МН, 165).

В современных языках: тат., кум., кбалк. алтынчы, узб. олтинчи, башк. алтынсы, ног., казах. алтыншы, караим. алтынды// алтынчы// алтыншы 'шестой'.

altınçı [92] 'золотых дел мастер' < altın 'золото; золотой' + аффикс имени деятеля -çı; ср.: altınçı 'золотых дел мастер, ювелир', а мастер-ювелир, имеющий дело с серебром, называется "көмешче", башк. алтынсы 'золотых дел мастер', караим. алтынчы// алтыншы - то же.

См. также: Clauson 1972, 131; Севортян 1974, 142.

amin [164, 181] 'аминь; да будет так (возглас, означающий окончание моления или молитвы)'. Это слово вошло в арабский язык через древнееврейский, в котором оно считалось обладающим сверхмагической силой. Встречается и в некоторых эпитафиях тюрк-христиан (Джумагулов 1971, 91-92, 112-115, 120-121 и др.).

avga- [91, 139] 'воспитать, кормить' < аві 'вскормленный', *'выросший' + глаголообразующий аффикс -га (Севортян 1974, 194); ср.: avgaмақ 'содержать, приютить, хранить' (Гулистан, 17), асрамақ 'хранить, охранять, кормить, воспитывать, выращивать' (XIII, 196-197), асра- 'хранить, сохранять, содержать, кормить' (МН, 164) и 'растить, делить' (Шербак 1959, 129, 151, 161), avгамақ// авгамақ 'воспитывать, вскормить, содержать, держать у себя, приберечь, защищать, удержать за собою, иметь сострадание к народу' (Буд., 44 - с пометой "тат., чаг.").

В современных языках: тат. асрау 'воспитывать, воспитать, вскормить, вскармливать, хранить, беречь, содержать, держать на службе', башк. асырау 'содержать, разводить', караим. асра- 'содержать', узб. асрамоқ 'содержать, воспитывать, выращивать, вскармливать, разводить, хранить'.

См. также: Räsänen 1969, 29; Севортян 1974, 193-194.

+ -ған [91, 139].

aḫirāt [139] 'загробная жизнь' < араб. ^{آخرة} الآخرة - то же; ср.: aḫirāt 'тот свет, загробная жизнь' (Кисекбаш, 158).

В современных языках: тат. ахират, кум. ахырат, кирг. ахырет, караим. ахрат 'загробная жизнь'.

axr [127, 213] 'конец' < араб. آخِر 'последний, конечный'; ср.: axir 'в конце концов; последний; наконец' (Тефсир, 63).

В современных языках: тат. ахыр 'конец, предел; результат, финал', башк. ахыр 'конец, исход; последствие; крайний, конечный', узб. охир 'окончание, конец, предел', караим. ахыр 'конец', ахэр 'находящийся позади, задний', кум. ахыр 'конец, предел', кирг. ахыр 'конец' и др.

+ -inda [127, 213].

Ӑ

ägraf [139] 'благодееяние' < араб. أَعْرَافٌ, мн. число от عَرَفٌ 'добро, благодееяние'.

В

baqij [144, 182] 'вечный' < араб. باقٍ 'сохранный, вечный, длящийся'; в сочетании со словом dönja 'мир, свет' передает значение вечного потустороннего мира, ср.: baqij 'постоянный, вечный' (ДТС, 82), бақы 'вечный' (МН, 174), бақыи 'вечный' (XIII, 140) и т. д.

В современных языках: тат. (уст.) бақыи 'вечный, оставшийся'.

bari [144] 'все'; ср.: bari 'все' (ДТС, 84), бары 'все' (МН, 173), барча 'весь, все' (Тефсир, 91), барча 'все' (Гулистан, 87), барча//барша 'все, всё' (Изысканный, 277).

bek [127, 210, 211] 'бек, князь'; компонент имени собственного; ср.: beg 'правитель, вождь, бек, князь, господин, муж, сузруг' (ДТС, 91), бег ~ бӓг 'правитель города, области' (Тефсир, 94), bek 'бек' (Гулистан, 96), bӓg ~ bӓk 'князь' (Нонтэша, 63)// бег ~ бек 'бек; правитель, повелитель' - эти значения определены из семантики личных имен Айбек, Бекбаш, Бектемур, Бекчери, Кутлубек (Курышжанов 1973, 151), бӓг (بيك) 'бек' (XIII, 41, 43, 46) ~ бег (بگ) 'бек' (XIII, 217), би 'бек' (Изысканный, 279)// би 'бек' (Тухфа, 182), бек 'бек' (МН, 177), би ~ биз 'господин, судья', но бика 'госпожа' (Документы, 387).

В современных языках: тат. бак 'правитель, господин, бек', караим. бӓг 'господин' и т. д.

См. также: Räsänen 1969, 67; Clauson 1972, 322-323; Севортян 1978, 97-100.

belgü [212, 235] 'надмогильный знак, памятник' < 'знак, примета'; ср.: belgü '(при)знак, примета' (ДТС, 93), бӓлгӓ 'примета, признак, свидетельство' (Тефсир, 97), belgü 'примета (узнавания), знак' (БЛ, 145), старослав. белѣгъ//бѣлѣгъ//билѣгъ 'знак' (Pritsak 1955, 2-3), белг. bälük 'надмогильный знак, памятник' (Хакимзя-

нов 1978, 82), венг. *belyeg* // *bilük* // *billeg* // ... 'знак, клеймо, марка' (Gombocz 1912, 43).

В современных языках: тат. *билге* 'знак, примета, метка, ориентир, признак и др.', башк. *билге* 'признак', *билде* 'знак, (по)метка, значок', узб. *белги* 'знак, значок, отметка, помета, примета, признак', караим. *бельги* 'знак', *бэьги* 'знак, признак, примета, предзнаменование, сведение', *биьги* 'примета; звание'.

См. также: Räsänen 1969, 69; Clauson 1972, 340; Севортян 1978, 108-III.

+ -ee [212, 235].

ber [139] 'один'; ср.: *bir* 'один, первый, одинаковый' (ДТС, 101), *бір* 'один, некий' (Тэфсир, 102), *bir* 'один, единица' (БЛ, 147), *бир* 'один, единица' (Изысканный, 281), *bir* 'один' (Houtama, 65; Гулистан, 96; Кисекбаш, 163).

См. также: Clauson 1972, 353; Севортян 1978, 146-148.

+ -dā [90].

+ -endā [181].

berlä [127, 139, 164] 'с; вместе'; ср.: *birlä* // *bilä* // *bilän* 'с; вместе с' (ДТС, 98-99, 102), *birlä* // *birlän* // *bilä* // *bilän* 'с' (Гулистан, 90, 96-97, 99-100), *бирлә* 'вместе, с' (Тэфсир, 103), *бирлә* 'с' (XIII, 318), *бирлә* // *билä* // *биргä* // *билäсинчä* 'вместе, с' (Изысканный, 280-281), *birlä* // *bilä* - выражение совместности (БЛ, 145), *bilä* 'с' (Houtama, 63) // *биле* [билä] 'с' (Тухфа, 96), *бла* ~ *била* 'вместе' (Документы, 387-388), *birlä* 'вместе' и послелог со значением совместности, *bilä* 'вместе с' (Кисекбаш, 163-165).

В современных языках: тат. *белә* // *белән* // *берлә* (уст.) // *берлән* (уст.) 'с; вместе с; со', башк. *менән* 'с', башк. диал. *менә* // *белә* // *берлән* // *белән* - то же, узб. *билан* // *била* (уст.) // *бирлан* (уст.) // *бирла* (уст.) 'с; со; вместе с', караим. *билян* 'с', *биле* // *билен* 'вместе; сообща'.

См. также: Севортян 1978, 140-141.

bol- [62, 90, 153, 164, 234, 235] 'быть'; ср.: *bol-* 'случаться, происходить, совершаться, иметь, есть, становиться, делаться' и т. д. (ДТС, III), *bolmaq* 'быть' (Гулистан, 98), *бол-* 'быть, становиться' (Тэфсир, 107), *bolqu* 'долженствующий быть' (БЛ, 143), *bol-* 'быть, стать' и вспомогательный глагол (Кисекбаш, 164), *бол-* 'становиться, делаться, приходиться, случаться' (Изысканный, 284), *bol-* 'быть, существовать' (Houtama, 63), *болмақ* 'быть, стать' (МН, 145), *болг. bol-* 'быть' (Хакимзянов 1978, 97), *бол-* 'быть, стать' (Документы, 388).

В современных языках: тат. *булу* 'бывать, быть, происходить, случаться, произойти, приключаться, совершаться, становиться, стать,

присутствовать, фигурировать, оказаться, решать', башк. булуу 'бы-
вать, быть, иметься, быть в наличии, становиться, стать, случаться,
совершаться', узб. булмок 'быть, являться, становиться, делаться,
превращаться, находиться, присутствовать, посещать, случаться, су-
ществовать, кончатся, достигаться', караим. бол- 'быть, стать, ста-
новиться, существовать, жить, пребывать' и т. д.

См. также: Räsänen 1969, 79; Clauson 1972, 331-332.

+ -dī [62, 90, 164].

+ -yan [153, 234].

+ -sun [235].

beñ [164] 'пять'; ср.: beñ (ДТС, 96-97; Гулистан, 97), беш (XIII, 242; Тефсир, 100), биш (Курмышанов 1970, 96) // beñ (Noutama, 95) и т. д.

В современных языках: тат., башк. биш, кбалк., кум., кирг., ка-
раим., узб. беш, казах., ног., ккалп. бес 'пять'.

См. также: Räsänen 1969, 71; Clauson 1972, 376; Севортян 1978, 126.

+ -endā [164].

bolγari [90] 'болгарский'; являясь фамилией-тахаллусом, употребляется
лишь тогда, когда речь идет об этносе, городе Булгаре или государ-
стве.

bu [153, 212, 234, 244] 'это'; ср.: bu 'этот; такой' (ДТС, 119), бу
'этот, сей' (Тефсир, 108), бу 'это' (Изысканный, 285), бу 'этот,
это' (Курмышанов 1970, 100), bu (Гулистан, 90; БЛ, 141; Кисек-
баш, 164), бу 'этот, это' (Документы, 388; XIII, 156), бу 'это' (МН,
175).

В современных языках: тат. бу 'это; данный', узб. бу 'это, он',
башк. был 'это', кирг., кум. бу, бул 'это', ккалп. бул 'это' и т. д.

См. также: Clauson 1972, 291-292; Севортян 1978, 225-226.

Д

dōnja [139, 144, 182] 'мир' < араб. دُنْيَا 'мир, свет'; ср.: dunja 'мир',
вселенная' (Кисекбаш, 169), дунья 'вселенная' (XIII, 141). В
тексте встречается в составе словосочетаний fanī dōnjađin 'из мира
временного' и baqij dōnjağa 'в мир вечный'. Может употребляться и
самостоятельно.

+ -dīn [139, 182].

+ -ya [182].

+ -nī [144].

Е

eki [90, 182, 242] 'два'; ср.: eki 'два, второй, два раза, дважды'
(ДТС, 107), эки 'два' (Тефсир, 123), икки 'два' (Изысканный,

295), икі 'два' (Курьшханов 1970, 116), екі 'два' (Документы, 391), ики 'два' (МН, 171), икинч 'второй' (Джумагулов 1971, 148), ikinč// ikinči 'второй' (Гулистан, 75), ики 'два' (XIII, 435), булг. ăki 'два' (Хакимзянов 1978, 65), протобулг. екі 'два' (Байчоров 1977, 30).

В современных языках: тат. ике 'два, двое', башк. ике 'два, пара, двойка', узб. икки 'два', караим. ики// эки 'два, двое', кум. эки 'два, двойка' и т. д.

См. также: Явānen 1969, 39; Славсон 1972, 100-101; Севортян 1974, 337-339.

+ -dā [182, 242].

elči [90] 'госпожа, барыня'; ср.: älti 'госпожа, барыня, владелица' (Нoutsma, 53), булг. älti ~ älči 'госпожа, барыня' (Хакимзянов 1978, 91-92).

elig [212] 'пятьдесят'; ср. elig 'пятьдесят' (ДТС, 170), älli (Изысканный, 272), С. М. Муталлибов (Тухфа, 176) дает алли; елли (Курьшханов, 1970, III)// älli (Нoutsma, 54), älir// ällir// äli// älli (Тефсир, 74-75), elli (Гулистан, 80; Кисекбаш, 162), элиг (Джумагулов 1971, 148) и др.

В современных языках: тат., башк. илле, узб. элик, караим. иньли// энли// эньли, кум. элли, ног. элли, кбалк. элли, кирг. элүү// элик// элик 'пятьдесят' и т. д.

См. также: Славсон 1972, 141; Севортян 1974, 266-267.

elig ber [211] 'пятьдесят один'; см.: elig, ber.

elig beñ [181] 'пятьдесят пять'; см.: elig, beñ.

elig eegiz [62] 'пятьдесят восемь', см.: elig, eegiz.

+ -dā [62].

elig toquz [213] 'пятьдесят девять'; см.: elig, toquz.

+ -da [213].

elig tört [214] 'пятьдесят четыре'; см.: elig, tört,

+ -dā [214].

er- [80, 127, 139, 144, 153, 164, 181, 182, 211, 213] 'быть'; ср.: er- 'быть, находиться' (ДТС, 175), erdi (МК I, 430), är ~ er 'быть' (Тефсир, 78), и- 'быть' (Изысканный, 294), но см. эрді (Тухфа, 177), и: иди 'быть, становиться' (Курьшханов 1970, 116), erdi // edi (Гулистан, 67-68), еди// ärди// ерди// ези (Документы, 123, см. № I, 85), ärди (Джумагулов 1971, 148), ir- // i- (Кисекбаш, 162), булг. äti ~ äči 'было' (Хакимзянов 1978, 73).

В современных языках: тат. иде, башк. ине, узб. эди, караим., кум., кбалк., ног. эди, казах. еди, ккалп. еди 'было'.

См. также: Славсон 1972, 193-194; Севортян 1974, 218-220.

+ -di [80, 127, 139, 153, 164, 181, 182, 211, 213].

+ -miş [144].

fatīḥa [42, 139, 144] 'фатиха (название суры Корана)' < араб. فاتحة 'открытие, начало, введение', الفتحه 'первая сура Корана'; ср.: фатиха 'фатиха (название первой суры Корана)' (МН, 197).

В современных языках: тат. фатиха 'первая сура Корана, благословение', башк. фатиха 'благословение', узб. фотиҳа 'первая сура Корана, краткая молитва, приуроченная к какому-либо случаю, благословение, надутствие' и др.

Г

gadād [242] 'число, цифра' < араб. ٢٤٢ 'число, цифра, номер'.

galīm [91, 153, 244] 'ученый' < араб. ٢٤٢ 'знавший, сведущий, ученый, ученый муж'; ср.: 'alīm 'ученый' (ЛТС, 34), 'ilm 'знание, учение' (МН, 196).

В современных языках: тат. галим 'ученый, образованный человек', башк. галим 'ученый', узб. олим 'ученый'.

+ -lāgqe [91].

+ -lāgqa [153, 244].

golāmalar [139] 'ученье' < араб. ٢٤٢ 'ученье' + аффикс множественного числа -lar; ср.: тат. галим-голама 'ученье, ученый мир, деятели науки', башк. галим-голама (проз.) 'ученье, ученый мир', узб. уламо 'ученье' (уст.), 'улама (рел.) 'верхушка мусульманского духовенства'.

gījmagāt [153, 244] 'строительство' < араб. ٢٤٢ 'населенность; строительство'; в тексте употребляется в составе сложного глагола gījmagāt qīl- 'строить, воздвигать'.

Ү

vogtā [90, 211, 214] 'новолуние' < перс. ٢٤٢ 'новолуние, первый день лунного месяца'.

- -vendā [90, 211, 214].

В

hām [153] 'и' < перс. هم 'и'; ср.: hām 'так же, и' (Тефсир, 353), hām 'и; также; тоже' (МН, 212), uām 'и' (МН, 144).

В современных тюркских языках: тат. hām 'и; да; также; и', башк. hām 'и', узб. uām 'и; хотя и; также; если даже; даже; тоже', кабард. hām 'и', кбалх. am, amda 'и', ног. am 'и', иккал. hām 'и; также и'.

hiḡrāt [90, 164] 'хидра, начало мусульманского летоисчисления' < араб. ٢٤٢ - то же < 'переселение, эмиграция'; ср.: hiḡrāt 'переселение' (Тефсир, 354). hiḡrāt 'хидра, начало мусульманского летоисчисления' (Хакимьянов 1976, 96).

kel- (? = kel-) [42] 'приходить', см.: kel-.
+ -ir [42].

Х

хатун [164] 'хатун, госпожа'; ср.: хатун // хатун 'госпожа, великодушная дама, женщина знатного происхождения, жена правителя, знатного человека' (ДТС, 436, 637), хатун 'жена, госпожа' (Изысканный, 401), хатун (Тулфа, 271), хатун 'жена, женщина, госпожа, пария' (Тефсир, 347), хатун 'госпожа, хозяйка, владелица' (Курьшианов 1970, 159) // хатун - то же (Ночтама, 86), хатун 'женщина' (Икумгулов 1971, 149), хатун 'жена' (Гулистан, 137), хатун // хотун // хатун 'жена, госпожа, женщина' (Документы, 411-412), хатун 'госпожа, женщина' (МН, 86), хатун 'жена, женщина' (Иссекеби, 168).

В современных языках: тат. хатун 'жена, супруга, женщина, дама', тат. джал. хатун - то же, башк. хатун 'жена, супруга', караим. хатун 'женщина', хатун 'жена, женщина', хатун 'замужняя женщина, жена', узб. хотун 'женщина, жена'.

См. также: Явданов 1969, 157; Славнов 1972, 602-603.

хәйр [153] 'добро, благоденствие' < араб., перс. خیر 'хороший, добрый, наилучший; добро, благо, благополучие'; ср.: хәйр 'добро, благо' (ДТС, 636), хәйр 'добро, благо; добрый' (Тефсир, 345), хәйр бад 'будь счастливым' (МН, 187), хәйр 'добрый' (МН, 412).

В современных языках: тат. хәер 'благо, добро, польза, благоденствие, пожертвование, подаяние', башк. хәйер 'милостыня, подаяние', хәйерле 'благополучный, счастливый, добрый', узб. хәйр 'добро, благо, доброе дело, благоденствие, пожертвование, подаяние', караим. хәйр 'польза, добро, благо' и др.

хәйрат [244] 'благотворительность, благие дела, благоденствие' < араб., перс. خیرات 'благо, богатство; искусство; благоденствие'. Активно употреблялся в старотатарском языке, ср.: ...Мәхмүт бай үзләренә хәйратларын иләр мәншүр... 'Мәхмүт-бай своими благими делами знаменитый...' (газ. "Йолдыз" № 576 от 1910 г.).

+ -li [244].

хоҗа [139, 153, 239] 'хозяин, господин' < перс. خواجه 'господин, хозяин, начальство; евнух'; ср.: хоҗа 'старый, старик' (ДТС, 636), хоҗа 'хозяин, господин; старец' (Тефсир, 348), хоҗа // хоҗа 'хозяин, господин' (Изысканный, 344, 401), хоҗадаш (Ночтама, 88) // хоҗадаш (Курьшианов 1970, 216) - форма обращения слуг к повелителям, хоҗа 'господин' (Ночтама, 88) // хоҗа 'повелитель, сеньор, великий свое происхождения от Мухаммеда, хозяин, владелец' (Курьшианов 1970, 163), булг. хоҗа 'хозяин, хозяин, господин' (Хакимзянов 1978, 92-93).

В современных языках: тат. хужа 'хозяин, содержатель, владелец', узб. хожа// хужа (уст.) 'хозяин, владелец, ходжа', название родовых групп в различных областях Узбекистана, в прошлом пользовавшихся известными привилегиями, башк. хужа 'хозяин, владелец, содержатель', караим. ходза // ходжа 'богач, богатый', хъоджа 'учитель'.

Ј

jaŷ [90, 139, 164, 181, 182, 242] 'год (о возрасте)'; ср.: jaŷ 'год (о возрасте), жизнь' (ДТС, 245), йаш 'год (о возрасте), жизнь' (Изысканный, 308; Курьшжанов 1970, 126), jaŷ 'возраст, жизнь' (Noutama, 103), jaŷamaq 'жить' (Гулистан, 223), йаш 'лета, возраст' (Джумагулов 1971, 149), јаш 'возраст, год' (Тефсир, 148; Документы, 395), йаш 'возраст' (МН, 213), йаш// йаш 'год (о возрасте)' (XIII, 226, 387), jaŷ 'возраст' (Кисекбаш, 180).

В современных языках: тат. яшь, тат. диал. жәш 'год, возраст', башк. йәш 'возраст', узб. ёш 'возраст, год', караим. йаш 'лета, года, возраст' и т. д.

См. также: Clauson 1972, 975-976.

+ -inda [90, 139, 164, 181, 182, 242].

jätim [91] 'сирота' < араб. يَتِيمٌ 'сирота'; ср.: jetim 'сирота, безродный' (ДТС, 259 - с примерами из "Кутадгу Билиг"), jetim 'сирота' (Тефсир, 153).

В современных языках: тат. ятим, тат. диал. жәтим 'сирота, осиротевший', башк. етем 'сирота, осиротелый', башк. диал. йетим, узб. етим, караим. йәтим, кум. етим - то же.

jegerme [90, 127, 164] 'двадцать'; ср.: jegirmä // jegirmi // jigirmi (ДТС, 253, 260), йәгирми (Изысканный, 309), однако см. јигирми (Тухфа, 202), jigirmi (Курьшжанов 1970, 128), jigirmi (Гулистан, 235), йигирми (Джумагулов 1971, 149; XIII, 45 - в послесловии переписчика Берке Факиха), булг. жигме // јегме (Хакимзянов 1978, 65).

В современных языках: тат. егерме // жегерме, башк. егерме, караим. игирми, ног. йирма, ккалл. жигирма, казах. жырма, узб. йигирма, кум. йигирма и т. д.

jeget [91, 139] 'молодой человек, джигит'; ср.: jeget 'юноша, молодой человек' (ДТС, 260), јигит 'юноша, молодой человек' (Тефсир, 153), йигит (Изысканный, 311)// јигит (Тухфа, 202) - то же, jigit // jijit 'юноша' (Noutama, 106, 110), jigit 'молодой, юный, юноша' (Гулистан, 235), jigit 'молодой человек' (Кисекбаш, 181).

В современных языках: тат., башк. егет 'парень, молодец, джигит, юноша', тат. диал. јегет, башк. диал. йекет, узб. йигит 'юноша, парень, джигит, молодой человек, молодец', караим. йигит 'юноша, молодой человек, молодец'.

См. также: Räsänen 1969, 203; Clauser 1972, 911.
+ -lär [91, 139].

[jɪ]₁ [234] 'год'; jil 'год (отрезок времени)' (ДТС, 266), ыл 'год' (Изысканный, 313; МН, 214), јил 'год' (Тейсир, 157), булг. џа L-то же.

В современных языках: тат. ел, тат. диал. ыл, кирг., казах., ккалп. ыл, карач. дыл и т. д.

См. также: Räsänen 1969, 200; Clauser 1972, 917.

+ -da [234].

jetɪ [62, 80, 90, 127, 139, 153, 164, 175, 181, 211-214] 'семь'; ср.: jeti // jetti // jiti 'семь' (ДТС, 259, 263), јәти (Тейсир, 152), йәти (Изысканный, 309), јәти (Noutama, 104), но йети (Курьшжанов 1970, 127), јити (МН, 216), јети (XIII, 45 - в послесловии переписчика Берке Факиха), jeti (Гулистан, 120; Кисекбаш, 181), булг. џети (Хакимзянов 1978, 65).

В современных языках: тат. әнде, тат. диал. јите // әнде, башк. ете, кум. етти, кбалк. дјети, карaim. йеди, ног. ети, ккалп. јети, казах. кети, узб. етти и т. д.

См. также: Clauser 1972, 886.

+ -dā [235].

joq [144] 'нет'; ср.: joq 'нет, отсутствующий' (ДТС, 272-273), joq 'нет' (Гулистан, 230) и др.

В современных языках: тат. юк, тат. диал. јоқ, доқ, жуқ, кбалк. джоқду, кум. ёкь и т. д.

См. также: Räsänen 1969, 205.

jüz [62, 80, 90, 127, 139, 153, 164, 175, 181, 182, 234, 235, 211-214, 242] 'сто'; ср.: jüz (ДТС, 288), јүз (Изысканный, 317), йүз (Курьшжанов 1970, 135), jüz (Noutama, 105; Гулистан, 229; Кисекбаш, 181), йүз (Джумагулов 1971, 149; МН, 215), јүз (XIII, 44 - в послесловии переписчика Берке Факиха), булг. џүг // јог (Хакимзянов 1978, 65).

В современных языках: тат. јөз, тат. диал. јөз, башк. йөз, кум. юз, кбалк. дјюз, карaim. йюз, ног., узб. юз, ккалп. күз, казах. күз и др.

См. также: Räsänen 1969, 213; Clauser 1972, 983.

К

kāivār [127] 'Кеусар (название райского источника)'; ср.: яшикин топрағы көвсәр булагы 'земля у твоего порога - райский источник' (МН, 38, 79).

kel- [181] 'приходить'; kel- 'приходить, возникать, являться, наступать' (ДТС, 295), кәл- 'приходить' (Тейсир, 170), кәл- 'приходить, приближаться, подходить' (Изысканный, 319), кәл- (Noutama,

98)// кел- 'приходить' (Курышжанов 1970, 140), кәлмиш 'пришедший' (Джумагулов 1971, 149), келмак 'приходить' (Гулистан, 204), келмак 'приходить' (МН, 205), кел- 'прийти, приехать, прибывать' (Документы, 396), кел- 'прийти; послышаться; приехать; (XIII, 42, 147, 182, 190), кел- 'прийти, приходит' (Кисекбаш, 177).

В современных языках: тат. кил- 'идти (сюда), прийти, прибывать, являться, приехать, приходит, посещать, подходить, поступать' и т. д., башк. киле- 'приходить, прийти, прибывать, приезжать, являться, поступить, происходить, находить, веять' и т. д., узб. келмок 'приходить, приезжать, прибывать, являться, наступать, падать' и т. д., караим. кел- 'приходить, прибывать, приезжать', кель- 'приходить, прибывать', кэль- 'приходить' и др.

См. также: Räsänen 1969, 248; Slauson 1972, 715-721.

+ -gāndā [181].

кем [42, 139] 'кто, который'; ким 'кто' (ДТС, 307), ким 'кто, что (союз); чтобы; с тем, чтобы; который' (Изысканный, 325), ким 'кто; тот, кто; который' и др. (Тефсир, 179), ким (Нутыма, 98)// ким 'кто' (Курышжанов 1970, 145), ким 'кто; так что; что' (Гулистан, 204-205), ким 'кто, что (союз)' (МН, 205), ким 'кто' (Документы, 397), ким 'кто' (XIII, 39), ким 'кто' - 1) вопросительное и относительное местоимение; 2) союз "кто", "который", "как", "чтобы" (Кисекбаш, 176).

В современных языках: тат., башк. кем, кум., кбалк., караим., ног., ккалп., узб. ким, казах. ким 'кто'.

См. также: Räsänen 1969, 271; Slauson 1972, 720-721.

көгк [91, 139] 'краса, красота'; ср.: көгк 'образ, изображение, красота, облик, вид, признак, примета' (ДТС, 317), көркүлүг 'красивый, хороший' (Тефсир, 186), көрүкли 'красивый, прекрасный' (Изысканный, 328), көгк 'красота, краса' (Нутыма, 97)// көрк 'красота, краса, миловидность, привлекательность' (Курышжанов 1970, 149), көгк 'красота' (Гулистан, 190), көрк 'красота' (МН, 202), көркүлү // көркли // көркүлүг 'красивый' (XIII, 79), көрк 'красота, украшение', көгк 'красота' (Кисекбаш, 176).

В современных языках: тат. (разг.) күрек 'красота, краса, элегантность, прелесть', башк. күрк 'украшение, красота', узб. күрк 'краса, красота, миловидность, прелесть, изящество', караим. керк// кёрк 'красота, краса, украшение'.

См. также: Räsänen 1969, 293; Slauson 1972, 741.

+ -e [91, 139].

көг- [42, 144] 'видеть'; ср.: көг- 'видеть, осмотреть, повиноваться, слушать' и т. д. (ДТС, 317), көрмәклик 'видение, мировоззрение' (Тефсир, 186), көр- 'видеть' (Изысканный, 328), көг- (Нутыма, 96)// көр- 'видеть, осмотреть' (Курышжанов 1970, 149), көг-

mäk 'видеть' (Гулистан, 191), көрмак 'видеть' (МН, 202), кор- [көр-] 'видеть' (Документы, 398), көр- 'видеть' (XIII, 71), көг- 'видеть, увидеть' (Кисекбаш, 176).

В современных языках: тат. күр- 'видеть, увидеть, подметить, заметить, отнестись к кому, чему-либо', башк. күреү 'видеть, увидеть, подметить, заметить', узб. кўрмоқ 'видеть, смотреть, рассматривать, просматривать, наблюдать, навеять, предполагать', караим. кер- 'видеть, смотреть', кёр- 'видеть', көр- 'посмотреть'.

См. также: Räsänen 1969, 292; Clauser 1972, 736.

+ -ärmen [144].

+ -vā [42].

köñel [91, 139] 'сердце, душа'; ср.: köñil 'сердце, желание, мысль, чувство' (ДТС, 315), көңүл 'сердце, расположение, желание' (Тефсир, 184), köñül ~ köngül (Ноутам, 100) // көнүл 'сердце, душа, настроение' (Курьшжанов 1970, 149), конгул [көңгүл] 'сердце' (Документы, 397), көнүл 'сердце' (МН, 203), көңил 'сердце, душа' (Кисекбаш, 177), köngül 'сердце' (Гулистан, 197), көяүл // көңил 'сердце' (XIII, 222, 312).

В современных языках: тат. күнел 'внутренний мир, психика, чувства человека, настроение, расположение духа, сердце (какместилище чувств), душа', башк. күнел 'душа, дух, настроение', узб. кунгил (кунгли) 'душа, сердце (какместилище чувств)', караим. гөниль // кельн // кельнь // кельнь // кёнкль // көньиль // көнүль // көньюль 'сердце', көлүн 'сердце, мысль'.

См. также: Räsänen 1969, 291; Clauser 1972, 731-732.

+ -lär [91, 139].

kün [80, 62, 153, 182] 'день'; ср.: күн 'солнце, день' (ДТС, 326), күн 'солнце, день' (Изысканный, 330) // көн 'день' (Тухфа, 220), күн 'солнце, день', сутки (Курьшжанов 1970, 151) // күн 'солнце, день' (Ноутам, 99), күн [күн] 'день, срок' (Документы, 398), күн 'день, солнце' (МН, 203), күн 'день' (Гулистан, 196; Кисекбаш, 177), күн 'день' (Джумагулов 1971, 150), күн 'день' (XII, 336).

В современных языках: тат. көн 'день, календарное число, день недели, солнце (уст.), погода' (перен.), башк. көн 'день, число (календарное), солнце', узб. кун 'день, солнце (разг.), время, срок, жизнь, существование'.

См. также: Clauser 1972, 725.

+ -e [62, 80, 153, 182].

Q

qandur- [127] 'напиваться, утолять жажду'; ср.: qap- 'удовлетворяться, довольствоваться, насыщаться, наедаться, напиваться, приходить в соответствие с желанием, исполняться, совершаться' (ДТС, 417).

кандыр- 'поить, утолять жажду, удовлетворять' (Изысканный, 336) // кандирди (Тухфа, 63 - С. М. Муталлибов данное слово поясняет как "суйга кандирди", но в "Указатель" не включает).

В современных языках: тат. кану 'утолиться, удовлетворяться, насытиться, пресытиться', башк. каныу 'утолиться, напитаться чем-л., впитаться', караим. кан- 'удовлетворяться'.

См.: также: Räsänen 1969, 230; Slavov 1972, 632.

+ -sun [127].

qaraq [144] 'решение, покой' < араб. قَرَارٌ 'решение, резолюция, покой, дно, местопребывание, жилище'.

+ -ı [144].

qazıj [239] 'казый, судья' < араб. قَاضٍ 'судья, кадий', Есть вариант написания qadı [244].

qıl- [91, 127, 139, 153, 181, 182, 244] 'делать, сделать'; ср.: qıl- 'делать, изготавливать, создавать, сооружать' и т. д. (ДТС, 442), qıl- 'делать' (Бл, 221), кыл- 'делать' (Тефсир, 208), qıl- 'делать' (в составе намаз qıl- 'молиться' - Нутыша, 91), qılmaq 'делать' (Гулистан, 182), кыдып 'делая' (Джумагулов 1971, 150), кылмақ 'делать, сделать' (ИИ, 201; XII, 88), qıl- 'делать, совершать', вспомогательный глагол (Кисекбаш, 175).

В современных языках: тат. кылу 'делать, совершать, производить' и вспомогательный глагол составного глагола, башк. кылыу 'делать, совершать, производить' и как вспомогательный глагол, караим. кыл- 'делать, исполнять', кыл- 'делать, выполнять, совершать, изготавливать' и т. д.

См. также: Slavov 1972, 616.

+ -dı [182] - в тексте встречается в составе сложного глагола (rihlät) qıldı 'переселился', см.: rihlät.

+ -p [127, 139] - в составе сложных глаголов мәвгүр qılıp 'обрадовав', ägraf qılıp 'совершив благодеяния', см.: мәвгүр, ägraf.

+ -qan [153, 244] - встречается в составе сложных глаголов tärbijä qılqan 'воспитавший', gıjmarät qılqan 'воздвигавший', см.: tärbijä, gıjmarät.

+ -sun [91, 181] - в составе сложного глагола gähmät qılsun 'пусть окажет милость', см.: gähmät.

qırq [139, 175, 235, 242] 'сорок'; ср.: qırq // qırıq (ДТС, 446), қырк (Тухфа, 226) // кырк (Изысканный, 342), кырк (Нутыша, 89) // кырк (Курышманов 1970, 162), кырк // кырк (Джумагулов 1971, 149-150), qırq (Гулистан, 167), булг. çirix (Хакимзянов 1978, 65).

В современных языках: тат. кырк, башк. кырк, кум. кыркъ, ног., караим. кырк, караим. дшал. кырк, кбалк. терт он, ккалп., казах. кырк, узб. кырк.

См. также: Slavov 1972, 651.

qiz [62] 'дочь'; ср.: qiz 'девочка, дочь, девушка, незамужняя женщина, невольница, наложница, служанка' (ДТС, 449), dız 'девочка, дочь' (ДТС, 637), qiz qardañ 'сестра' (БЛ, 222), kız 'дочь, девочка, девушка' (Тефсир, 207), kız (Тухфа, 221) // кыз (Изысканный, 340), куз 'девушка, девочка, дочь' (Нoutama, 90) // кыз 'дочь, девушка' (Курмышанов 1970, 160), кыз 'девушка' (Джумагулов 1971, 150), qiz 'девочка, девушка' (Гулистан, 181), кыз 'девушка' (XIII, 393), kız // хыз // хз 'девушка, дочь' (Документы, 411), булг. hır 'дочь' (Хакимзянов 1978, 79).

В современных языках: тат. кыз 'девочка, девушка, девица, дочь, невеста', башк. кыз 'девушка, девица, дочь', узб. кыз 'девочка, девушка, дочь', караим. кыыз // кыз - то же.

+ -1 [62].

qutluq [235] 'счастливый' < qut 'счастье, благо, благодать, благополучие, удача' и др. + аф. -luq; ср.: qutluq 'счастливый, испытывающий счастье, приносящий счастье, удачу, успех' и имя собственное (ДТС, 473), қут 'счастье, благо, благодать' и қутлу тобуқлы 'человек, приносящий добрую весть, счастье' (Изысканный, 348), қутлir ~ қутлуғ 'священный, счастливый' (Тефсир, 219), қутлу 'благополучный, счастливый, удачный' (Курмышанов 1970, 169), qutlu 'удачный, счастливый' (Кисекбаш, 174) и др.

В современных языках: тат. котлы 'счастливый, приносящий счастье', башк. котло: котло булһин 'да будет благословен'.

См. также: Rāwānen 1969, 305; Clauson 1972, 594.

М

māvgūr [127] 'радость, удовлетворение' < араб. مَرَّة - то же; встречается в составе сложного глагола māvgūr qillp 'обрадовал'.

māvǝed [153, 244] 'мечеть' < араб. مَسْجِد 'мечеть, храм'; ср.: мабг д ~ маэгіт 'мечеть' (Тефсир, 221), māvǝid // mācit // māzgit 'мечеть' (ДТС, 339-340), мешид 'мечеть' (МН, 207).

В современных языках: тат. мечет, башк. мәсет, караим. маджит, узб. масшид // мачит (разг.) 'мечеть'.

+ -lār [153].

+ -lāgne [244].

mesken [153] 'несчастный' < араб. مَسْكِين 'бедный, несчастный, жалкий'; ср.: мискин 'бедняга, бедный' (МН, 207), мискин 'бедняк' (XIII, 414).

В современных языках: тат. мескен 'убогий, нищий, бедный, жалкий, бесприютный', башк. мескен - то же, узб. мискин (уст.) 'бедный, нуждающийся, нищий, жалкий, жалобный', караим. мискин 'бедный, несчастный, нищий', миськин 'бедный', миськинъ 'бедный, убогий, нищий'.

+ -lāgneq [153].

wōbāgāk [182, 235] 'благословенный' < араб. بَارَك 'благословенный, благополучный, счастливый'; ср.: Mībāgāk kōg - имя собств. (ДТС, 352).

В современных языках: тат. мебарак (уст.) 'овященный, высокий, благословенный', имя собств., узб. муборақ 'благословенный'.

wōfāgtām [182] 'мухаррам (первый месяц лунного календаря)' < араб. محرم - то же.

шū'mīn [139, 144] 'правоверный' < араб. مؤمن 'верующий, правоверный, мусульманин'; ср.: му'мин-у муслим 'правоверный мусульманин' (XIII, 43) - в послесловии Берке Факиха; шū'mīn 'верующий' (Кисекбаш, 178); тат. меэмин 'верующий, правоверный, мусульманин, смиренный, скромный', узб. мўмин - то же.

+ -qa [139, 144].

0

oʻul [62, 80, 91, 139, 153, 175, 181, 182, 210-214, 235, 239, 244] 'сын'; ср.: oʻul 'ребенок, мальчик, сын' (ДТС, 364), оғул 'сын' (Тефсир, 231-232), оғл // ол 'сын' (Изысканный, 353-354), оғул 'дитя, ребенок' (Курьшжанов 1970, 175) // oʻul 'сын' (Нoutama, 50), оғул 'сын, род' (XIII, 337-338), oʻul 'сын' (Кисекбаш, 160), оглаь 'сын' (Джумагулов 1971, 150), оғул 'сын' (МН, 168; Документы, 401), oʻul 'мальчик, ребенок' (Гулистан, 50), булг. oul 'сын' (Хакимзянов 1978, 79), протобулг. ul 'сын' (Байчоров 1977, 29).

В современных языках: тат. ул 'сын', тат. диал. оул // ыл, башк., кирг., калп. ул, ног. увыл, карaim. увул, чув. ывал, чув. диал. ул // ыл // ула // ивал, узб. урил - то же.

См. также: Clauson 1972, 83-84; Севортян 1974, 414-416.

+ -i [62, 80, 91, 139, 153, 175, 181, 182, 210-214, 235, 239].

oʻi- [42] 'читать', см.: oʻi-.

+ -r [42].

oʻi- [139, 144] 'читать'; ср.: oʻi 'читать' (ДТС, 369), oʻiqmaq (?) 'читать, звать' (БЛ, 101), оқ- 'кричать, звать, призывать, читать' (Тефсир, 235), оқу- // оқ- 'читать' (Изысканный, 354 // уқуд (Тухфа, 267), оқн: оқырл 'читать' (Курьшжанов 1970, 175) // оқу 'читать' (Нoutama, 51), oʻiqmaq 'читать' (Гулистан, 51), оқумақ 'читать' (МН, 168), оқымақ 'читать' (XIII, 343), oʻi- 'читать' (Кисекбаш, 161).

В современных языках: тат. уку 'читать, чтение, учить, учиться, узнавать', башк. уқну 'читать, учиться, заниматься, чтение', узб. уқимоқ 'читать, излагать устно, учить, учиться', карaim. оқу- // оқу- // оқн- // уқу- 'читать'.

См. также: Clauson 1972, 79; Севортян 1974, 439-441.

+ -sa [139, 144].

o1 [139, 144] 'он, тот'; ср.: o1 'он, тот' (ДТС, 366), o1 'он, тот' (Гулистан, 52; БД, 85), ol 'он, тот' (Тефсир, 236; Изысканный, 354; Курьшжанов 1970, 175; Документы 401; МН, 168), ol 'тот' (XIII, 351, однако пример показывает и наличие значения "он": ol бар кылды 'он сотворил'), o1 'он, она, тот, та' (Кисекбаш, 161).

В современных языках: тат. ул 'он, тот', узб. у - то же, ул (уст) 'он', башк. ул 'он, тот', караим. ол, кум. о, кбалк. ол - то же, о 'тот, то же', ног. ол, ккалп. ол, казах. ол, чув. вӓл.

См. также: Славов 1972, 123-124; Севортян 1974, 444-446.

o1 - ? [42] 'сын', см.: оул.

+ -i [42].

o1i1 [42] - ?

on [62, 90, 153, 164, 182, 235, 240] 'десять'; ср.: on (ДТС, 367), on (Тефсир, 237; МН, 169; Джумагулов 1971, 150; Изысканный, 355 // Тухфа, 238; Курьшжанов 1970, 176), on (Нoutsma, 54; Гулистан, 58), on (XIII, 369), булг. on (Хакимзянов 1978, 65).

В современных языках: тат., башк. ун, кум., кбалк., караим., казах., ног., ккалп. он, узб. ўн, чув. вунӓ.

См. также: Славов 1972, 166; Севортян 1974, 455-456.

orta [91] 'середина'; ср.: orta // ortu // otra 'середина' (ДТС, 371), орта 'середина' (Тефсир, 238; МН, 167; Курьшжанов 1970, 176), орта (Нoutsma, 46; Гулистан, 36), орта 'середина', (Изысканный, 356 // Тухфа, 239), орта 'середина, средний' (Документы, 401; XII, 296).

В современных языках: тат. урта 'середина, средний, центр', караим. орта 'середина, центр, средний, промежуточный', башк. урта 'середина', узб. ўрта 'середина, средний'.

См. также: Славов 1972, 203-204; Севортян 1974, 474-476.

+ -ei [91].

otuz [139, 182, 240] // otiz [164] 'тридцать'; ср.: otuz (ДТС, 374), отуз (Изысканный, 357; Тухфа, 240; Тефсир, 240; Курьшжанов 1970, 177; Джумагулов 1971, 150; XIII, 279-280), otuz (Нoutsma, 49; Кисекбаш, 160), булг. otuz (Хакимзянов 1978, 65).

В современных языках: тат. утыз, башк. утыз, кум., кбалк., караим. отуз, ног., ккалп., казах. отыз, узб. ўттиз, чув. вӓтӓр.

См. также: Славов 1972, 74; Севортян 1974, 489.

ö

öküüz [91] 'сирота' < ök ~ ög 'мать' + лишний аффикс. -süz; ср.: ög 'мать' (ДТС, 378), ögüüz 'без матери, сирота' (ДТС, 381), өк-сүс 'сирота' (Курьшжанов 1970, 178) // öksüz (Нoutsma, 52), ок-сүз [өксүз] 'сирота' (Документы, 401).

В современных языках: тат. үксез 'сирота, сиротский', башк. үк-

hez 'неприхотливый, необидчивый', үкһез етем 'круглый сирота', караим. öksüz // öksüzь // öksiz // aksiz 'сирота', узб. ўксиз (уст.) 'сирота, сиротский, несчастный, обездоленный, жалобный, заунывный'.
См. также: Славсон 1972, 116-117; Севортян 1974, 521.

+ -lärne [91].

özäk [91, 139] 'сердцевина, сердце' < öz 'сердцевина' + именной афф. -äk; ср.: öz 'сердцевина, нутро' (ДТС, 395), öz 'особа, душа, существо' (Тэфсир, 243), özäk 'сердцевина (дерева)' (Изысканный, 358).

В современных языках: тат. үзәк 'центр, ядро, сердцевина, стержень', башк. үзәк 'центр, сердцевина, ложбина', башк. диал. 'ось', узб. ўзак 'сердцевина, стержень, сердечник, корень (грамматический), ядро'.

См. также: Славсон 1972, 285; Севортян 1974, 509-510.

+ -e [91, 139].

R

rabigū-l-āwḡālī [91] 'третий месяц лунного календаря' < араб. ربيع الأول - то же.

rabigū-l-aḡirā [90, 139] 'четвертый месяц лунного календаря' < араб. ربيع الثاني - то же.

rāḡmāt [91, 144, 181] 'милость, милосердие' < араб. رَحْمَةٌ 'милосердие, сострадание, милость'; ср.: rāḡmāt 'милость, милосердие' (ДТС, 476), рәхм 'милость' (МН, 189), рәхмәт 'милость' (ХШ, 141).

В современных языках: тат. рәхмәт 'спасибо, благодарность', узб. раҳмат 'благодарность, милость', башк. рәхмәт 'спасибо, благодарю', караим. рахмәт 'жалость, милосердие', рахметь 'милость, милосердие', рәхмәт 'милосердие'.

+ -e [139, 164].

gāžār [127] 'седьмой месяц лунного календаря' < араб. رَجَب - то же.

riḡlāt [182] 'перемещение, удаление' < араб. رِحْلَةٌ 'путешествие, поездка, экскурсия'.

S

saraj [139] 'дворец' < перс. سرای 'дворец'; ср.: saraj 'дом, жилище' (Тэфсир, 262), сарай 'дворец' (Изысканный, 362), сарай 'дворец' (МН, 191), saraj 'дом' (Houtsma, 76) // сарай 'жилище, дом' (Курышанов 1970, 184), saraj 'дворец' (Кисекбаш, 170).

В современных языках: тат. сарай 'дворец, замок; сарай; палата; хоромы' (разг.); дровяник; надворная постройка', башк. һарай 'дворец, замок; сарай, хлев', караим. сарай 'дворец'.

+ -ina [139].

segiz [62, 164, 182] 'восемь'; ср.: sekiz // sekkiz (ДТС, 494), са-

киз (Изысканный, 363), сегіз (Курышжанов 1970, 186) // säkiz (Нoutша, 77), сакіз (Тефсир, 266), сакиз (Джумагулов 1971, 151), säkizinçi 'восьмой' (Гулистан, 145), сегизинчи 'восьмой' (МН, 193), segizinçi 'восьмой' (Кисекбаш, 170), булг. säker 'восемь' (Хакимзянов 1978, 65).

В современных языках: тат. сигез, тат. диал. сикес // сәкис, кум., кбалк., караим., ног., ккалп. сегиз, башк. һигез, казах. сегіз, узб. саккиз, чув. сакӓр // сакӓр 'восемь'.

См. также: Räsänen 1969, 408; Clauson 1972, 823.

+ -dä [62, 164].

+ -endä [139].

seksän [153] 'восемьдесят'; ср.: seksün (ДТС, 494), säksän (Нoutша, 77) // сексен (Курышжанов 1970, 186), säksän (Тефсир, 267), сәксән (Изысканный, 363), саксан (Джумагулов 1971, 151) 'восемьдесят'.

В современных языках: тат. сиксән, тат. диал. сиг(е)зән, сәксән, башк. һикһән, кум. сексен, кбалк. сексан, караим. сексяя // сексен, ног., ккалп., казах. сексен, узб. саксон, чув. сакӓрвунӓ // сакӓрвун 'восемьдесят'.

См. также: Clauson 1972, 823.

sev- [153, 244] 'любить'; ср.: sev- // sev- // sev- 'любить' (ДТС, 493, 497-498), säv- 'любить' (Тефсир, 264), сөв- // сөй- 'любить' (Изысканный, 366) // сөв- ~ сөй- (Тухфа, 246-247), sevмак 'желать' (БЛ, 188), сев- 'любить' (Курышжанов 1970, 186) // säv- 'любить' (Нoutша, 78), sävмак 'любить, любовь' (Гулистан, 151), севмак 'любить' (МН, 193), сәү- 'любить' (XIII, 102), süj- 'любить' (Кисекбаш, 171).

В современных языках: тат. сөй-, тат. диал. сү-, сев-, сәв-, караим. сүй- // сив- // сүв- // сәв- // сүв-, башк. һөй-, узб. сев-, кум. сүй-, кбалк. сүй- 'любить'.

См. также: Räsänen 1969, 406-407; Clauson 1972, 784.

+ -gäv [153, 244].

sewen- [164] 'обрадовать, радовать' < sev- 'любить' + глаголообразующий аффикс -en; ср.: sevin- // sewin- // sewün- 'радоваться' (ДТС, 497-498), ogir-sevin- 'радоваться' (ДТС, 379), сөвүнчлә- 'обрадовать приятной новостью', сөйүн- 'радоваться, веселиться, ликовать', сөйүндүр- 'обласкать, ласкать' (Изысканный, 366), säwin- // sävün- 'радоваться' (Тефсир, 265), sevin- 'радоваться, ликовать, веселиться' (Курышжанов 1970, 186) // sävwin- 'радоваться' (Нoutша, 78-79), севунмак 'радоваться' (МН, 193), сәўин- 'радоваться' (XIII, 218).

В современных языках: тат. сөендерү 'радовать, обрадовать, порадовать', башк. һөендөрөү 'радовать, обрадовать', караим. сүйүн- //

сэвин- 'радовать', узб. севянтирмок 'радовать, обрадовать, порадовать', сүйинмок (разг.) 'радоваться'.

См. также: Clauson 1972, 790-791; Räsänen 1969, 406-407.

+ -dürsün [164].

sor [212] - ?

sürgä [42, 139, 144] 'сура' < араб. سورة 'сура (глава Корана)'.
+ -sen [42, 139, 144].

§

şahib [153] 'хозяин, владелец' < араб. صاحب 'спутник, друг, приятель, хозяин, владелец, собственник'.

+ -e [153].

§

şahid [181] 'мученик, жертва (за веру)' < араб. شهيد 'павший на войне, убитый, мученик, жертва'; ср.: шәһид 'убитый (в войне за веру)' (Тефсир, 363), şajut 'мученик за веру' (Памятники, 424).

В современных языках: тат. шәһит // шәһит 'мученик за веру, убитый на войне за веру', перен. - 'убитый на войне за священное дело (за Родину)', узб. шәхид 'погибший за веру, погибший за правое дело, невинная жертва',

şafqat [139] 'жалость, сострадание' < араб. شَفَقَةٌ 'жалость, сострадание, снисхождение'; ср.: тат. шәфкать 'сочувствие, сострадание, милосердие, милость, снисхождение, жалость, пощада', башк. шәфкәт 'милосердие, милость, жалость', караим. шәвагъат 'милость', узб. шәфқат 'сочувствие, сострадание, жалость, милосердие, снисхождение'.

şagban [164] 'шагбан (восьмой месяц лунного календаря)' < араб. شَعْبَانُ - то же.

şarab [127] 'напиток' < араб. شَرَابٌ 'питье, напиток, сироп, вино', перс. شراب 'вино, напиток'; ср.: şarab 'питье, напиток' (ДТС, 522), шараб 'напиток, питье' (Тефсир, 362).

В современных языках: тат. шәраб 'вино', караим. шараб 'вино'.

+ -e [127].

Т

tamyaşı [153] 'сборщик податей' < tamya 'печать, клеймо' + аффикс имени деятеля -şı; ср.: tamya 'печать, отпечаток, знак (магический)', tamyaşı 'хранитель печати' (ДТС, 530), тамралың 'со знаками, с печатью' (Тефсир, 283), тамга 'тамга, клеймо' (Изысканный, 387) // тамра 'печать' (Тухфа, 253), тамраджі // тамрачі 'тот, кто хранит печать, накладывает клеймо', имя собственное (Документы, 406), тамрасу 'хранитель печати' (Памятники, 426), тамга 'знак, отметина' (Владимирцов, 58), тамга 'знак, которым метят животных и пр.' (БЛ, 156).

В современных языках: тат. тамга 'тамга, метка, засечка, опознавательный знак, печать, клеймо', тамгачы (ист.) 'сборщик пошлин', башк. тамга 'метка, клеймо, тавро, печать', караим. тамгъа 'клеймо, тавро, герб, дань, пошлина', тымгъа 'отпечаток, пломба, пошлина, таможня', узб. тамга 'клеймо, тавро, знак, примета, метка, пометка, герб, (уст.) печать, (ист.) тамга'.

См. также: Rāwānen 1969, 460; Slavov 1972, 505.

tariḫ [62, 80, 91, 127, 139, 153, 175, 181, 182, 211-214, 235, 242] 'дата, летосчисление' < араб. تاريخ 'дата, история'; ср.: taruḥ 'дата' (Кисекбаш, 165), булг. tariḫ 'дата, летосчисление', тат. тарих 'история, (уст.) дата', башк. тарих 'история', узб. тарих 'история, дата, хронограмма'.

+ -qa [91].

tāyalā [181] 'всевышний' < араб. تعالي 'быть высоким, возвышенным; подниматься, возвышаться; эпитет Аллаха; ср.: tā'ala 'всевышний' (МН, 179), taḡala 'всевышний' (Кисекбаш, 165).

tārbiḡā [153, 244] 'воспитание, образование' < араб. تربية 'разведение, выращивание, развитие, воспитание, вежливость, образование'; ср.: тат. тәрбия 'воспитание, уход, содержание', башк. тәрбия 'воспитание, уход', караим. тәрбия 'воспитание, учтивость', узб. тарбия 'воспитание, уход, просмотр'.

tānḡri [127, 164] 'бог, всевышний'; ср.: tānḡri 'небо, бог, божество, божественный, повелитель, господин' (ДТС, 544), tengri 'имя необходимо сущего, бог' (БЛ, 171), tānḡri 'бог' (Изысканный, 379), tānḡri // танḡри 'бог' (Тефсир, 285, 299), tānḡri (Houtema, 69) // тенḡри 'бог, всевышний' (Курышманов 1970, 199), tānḡri 'бог' (Гулистан, 113), тенḡри 'бог, творец' (Документы, 407), танḡри 'бог' (МН, 183), tānḡri 'бог', а первоначально 'небо' (XIII, 86), tānḡri 'бог, небесное божество' (Кисекбаш, 166).

В современных языках: тат., башк. тәңре 'бог, всевышний', узб. тангри 'бог', караим. танри // танъри // тенъри // тәнри // тәнъри // тәңри 'бог'.

См. также: Rāwānen 1969, 474; Slavov 1972, 523-524.

+ -gā [127].

tilā- [42] 'желать, хотеть'; ср.: tilā- 'хотеть, желать, стремиться, добиваться, искать' (ДТС, 560), тила- 'просить, спрашивать, желать' (Тефсир, 301), тилә- 'просить, желать, хотеть' (Изысканный, 380), тиле 'просить, требовать' (Курышманов 1970, 201) // tilā- 'искать, разыскивать, собирать, жаждать, стремиться, советовать' (Houtema, 69), тиләмак 'хотеть' (МН, 182), tilāmāk 'хотеть, просить, желать' (Гулистан, 129), тилә- 'хотеть' (XIII, 440), tilā- 'хотеть, стремиться' (Кисекбаш, 166-167).

В современных языках: тат., башк. теләү 'желать, пожелать, хотеть, захотеть', узб. тиләмок 'желать, хотеть, просить, кланяться, попрошайничать'.

См. также: Clauser 1972, 492.

+ -г [42].

toqiz [213] 'девять'; toqiz (ДТС, 578), тоқуз (Тефсир, 309), тақуз (Изысканный, 377) // тақуз (Тухфа, 252), toqiz (БЛ, 166; Гулестан, 120), тоқуз (Курьшжанов 1970, 203) // toqiz (Нoutsma, 85), тоқуз (Джумагулов 1971, 152), тоқуз (XIII, 283), булг. тохиг 'девять' (Хакимзянов 1978, 65), тоқузунчы 'девятый' (МН, 181).

В современных языках: тат. туғыз, тат. диал. туғис, башк. туғыз, кум. тоғъуз, кбалк. тоғъуз, караим. тоғуз, ног. тоғыз, ккалп. тоғыз, узб. тўқиз, чув. тăхăр // тăххăр.

См. также: Räsänen 1969, 486; Clauser 1972, 474.

+ -да [213]

tört [127, 139, 153, 214] // tört [181] 'четыре'; ср.: tört (ДТС, 581), tört (Тефсир, 310), dört (Изысканный, 291) // дört (Тухфа, 194), tört (БЛ, 165; Кисекбаш, 166), төрт (Джумагулов 1971, 152), tört (XIII, 345), дун.-булг. тоут-ом 'четвертый' (Pritsak 1955, 70), төртүнчи 'четвертый' (МН, 180).

В современных языках: тат. дүрт, башк. дүрт, кум. дёрт, караим. дёрт // дөрт, кбалк. тёрт, ног. доьрт, ккалп. төрт, узб. тўрт, чув. тăватă // тăваттă 'четыре'.

См. также: Clauser 1972, 534; Севортян 1980, 284 - 286.

+ -дә [127, 139, 181, 214].

+ -ençedä [153].

tuI [91] 'вдова'; ср.: tuI 'вдова' (ДТС, 585), тул: тул хатун 'женщина, бывшая замужем или разведенная' (Тефсир, 311), тул 'вдова' (Изысканный, 393), tuI 'вдова' (Нoutsma, 85) // тул 'вдова' (Курьшжанов 1970, 204), тул 'вдова' (Документы, 408).

В современных языках: тат. тол 'вдовый, вдовствующий', башк. тол 'вдовый, вдовствующий', караим. тул 'вдовец, вдова', кум. тул: тул къатын 'вдова', тул гиш 'вдовец'.

См. также: Clauser 1972, 490.

tugur [80, 92, 127, 213, 214, 239] 'находится; есть (связка в именном сказуемом)' < tug- 'стоять' + аффикс изъявительного наклонения -ur ; ср.: tur- 'стоять, пребывать, жить, вставать' (Тефсир, 311-312), tug- 'вставать, подниматься, стоять, находиться, быть, имеется (связка в именном сказуемом)' (ДТС, 586-587), tug- - форма воориста глагола и аффикса сказуемости 3-го лица ед. числа (Гулестан, III), tur- 'стоять, останавливаться' (Изысканный, 393-394), тор- // tur- 'вставать, стоять, предстать перед судом, оставаться, жить' (Документы, 407-408), tur- - аффикс сказуемости 3-го лица,

турмак 'стоять' (МН, 180), tur 'стой, будь' (Джумагулов 1971, 152), tur- — показатель сказуемости (Кисекбаев, 165). В "Хосров и Ширин" tur- встречается в составе сложного глагола (абсам турмак) молчать', арта турур 'увеличивается' — XIII, 153, 255), dur и durur выполняют роль связки: Муны бил ким, кежан фаный дур асру 'знай, мир очень непостоянен' (XIII, 197), арыз тил безэки кёни сёз дурур 'украшение рта и языка — правдивое слово' — XIII, 216.

Для современных тюркских языков полная форма turur не характерна.

См. также: Клаузон 1972, 529-530.

U

ul — ? [42] 'он', см.: ol.

ulan- [139] 'достигать, начинать жить' < ula- 'достигать, соединяться' + залоговый афф. -п; ср.: ula- 'связывать, присоединять, затруднять, поддерживать, продлевать' (?) (ДТС, 608), улап- 'помещаться, житьствовать' (Тефсир, 325), улат- 'соединяться, сообщаться' (Тефсир, 326), улашмак 'соединяться, объединяться' (XIII, 355), ула- 'соединять, связывать' (Изысканный, 396) // уладі — то же (Тухфа, 268), улашмак 'соединяться' (МН, 168), ula 'связывать, (при)соединять друг к другу' (Нoutsma, 56) // ула 'соединить что-то, связывать между собой, пригонять друг к другу' (Курмышанов 1970, 209).

В современных языках: тат. олгаду 'дотянуть, дотягивать, доходить, дойти кое-как', тат. диал. олау 'проплетать, удлинять, надставлять, прибавлять, присоединять', башк. диал. оланму 'присоединить, надставить', олау 'присоединять', олгадму 'соединиться, жить вместе, поддерживая друг друга' (в лит. языке слов с корнем ола- нет, а олгадму 'возвышаться, возвыситься' образовано от ола- < олур; то же самое и о тат. лит. олгаду 'возвышаться, возвыситься'), узб. уламоқ 'соединять, связывать, сцеплять, срашивать, подкатывать, чинить, сваривать, прилетать, прививать'.

См. также: Яввӓнен 1969, 512; Клаузон 1972, 126-127; 1974, 587-588,

+ -yanda [139].

U

üç [80, 139, 175, 235] 'три'; ср.: üç (ДТС, 621; Кисекбаев, 166), үч (Изысканный, 400) // үч (Тухфа, 271), үч (Тефсир, 341; БЛ, 95), үч (Курмышанов 1970, 214) // üç (Нoutsma, 55), үч (Джумагулов 1971, 152), булг. üç // öç (Хакимзянов 1978, 65), дун.-булг. вечь 'третий' (Pritsak 1955, 70), үчүнчи 'третий' (МН, 167), учунч // учунчи 'третий' (XIII, 289).

В современных языках: тат. өч, башк. өс, кум. уьч, кбалк. үч.

караим. ўч // иц, ног. уш, ккалп. уш, узб. уч, казах. уш, чув. виç-
сĕ // виçĕ // виç 'три'.

См. также: Räsänen 1969, 518; Clauson 1972, 18; Севортян 1974, 641-642.

+ -ençe [80].

+ -dā [175].

ūkūš [153, 244] 'много'; ср.: öküš /ūkūš 'много' (ДТС, 383, 624),
ūkūš 'много' (Тефсир, 338), ügūš (Нутыма, 52) // үгүш 'много'
(Курьшжанов 1970, 212), üküš 'полнота, обилие, множество' (БЛ,
107), öküš 'много', өкүш 'много, долго, долгий' (МН, 168).

См. также: Clauson 1972, 118.

W

wafat [62, 90, 127, 164] 'смерть, кончина' < араб. وفاة - то же; упо-
требуется отдельно и в составе сложного глагола wafat boldi 'умер,
скончался', ср. булг. wafat- то же (Хакимзянов 1978, 95).

+ -l [127].

wājran [144] 'разоренный, разрушенный, развалины, руины' < перс. ویران -
то же.

Z

zijaṛāt [80, 91, 127, 175, 210, 213, 214, 234, 244] 'место погребения' <
араб. زياراة; 'посещение, визит, паломничество'; ср.: zijaṛāt 'посе-
щение, визит, паломничество' (ДТС, 639), булг. zeraṛāt 'место пог-
ребения, могила' (Хакимзянов 1978, 83).

В современных языках: тат. зиярат: зиярат кылу 'посещать могилу
кого-л., идти к святым местам или могилам предков, паломничество,
посещение святых мест', зират 'кладбище, кладбищенский', тат. диал.
зыйрат // зэрэ 'кладбище', башк. зыярат 'кладбище', караим. зэрет
'могила', зэрет // зэрэ 'кладбище', зэрять 'могила, кладбище', зия-
рэт 'посещение, визит', кум. зийретлер 'кладбище', зиярат: зиярат-
гъа барыв 'паломничество', узб. зиёрат 'паломничество, посещение
святых мест'. О. Прицак со ссылкой на Ю. Немета приводит балкарское
зийретлер 'кладбище' (Pritsak 1959, 303-304), однако современные
словари такую лексику не фиксируют.

zahiḍ [244] 'набожный' < араб. زاهد 'набожный, подвижник, аскет'.

+ -lārqa [244].

ž

žōmadī-l-āwḡālī [153, 181] 'пятый месяц лунного календаря' < араб.

جُمَادَى الْأُولَى - то же.

Приложение
ФОТОГРАФИИ И ТЕКСТЫ
ПАМЯТНИКОВ

Т е к с т
памятника из с. Ямбуктияо Тетинского р-на ТАССР

(۱) الدندا ۸۴ ياشنده
(۲) عدد تاريخ آلتى يوز
(۳) قىرق ايكى ده ۶۴۲

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) aldında 84 jaşında	1) впереди. В возрасте 84
2) gadāde: tariḫ altı jüz	2) лет. По летосчислению в шестьсот
3) qırq ekidā. 642.	3) сорок два. 642.

Л и т е р а т у р а

- 1) ۱۲۵،۱۹۰۸ احمر ف (текст).
- 2) Ахмаров 1902, 99 (приводит чтение Г. Ахмарова по его отчету).
- 3) ۵۲ ،۱۹۲۲ ،۱۲ (приводится чтение Г. Ахмарова).
- 4) Юсуфов 1960, 46 (приводится чтение Г. Ахмарова).

П р и м е ч а н и е

Г. Ахмаров указывал, что памятник служил порогом сельской церкви и видне-
лась лишь часть надписи, сделанная почерком сульс.Посетив в 1981 г. с дирек-
тором Болгарского гос. историко-архитектурного заповедника Д. Г. Мухаметшиным
с. Ямбуктияо, я не смог его найти. Поэтому здесь приводится чтение Г. Ахмарова.

Т е к с т

(١) ... ي الد ين ر
 (٢) ارت بو رحمة الله
 (٣) عليه رحمة واجمه
 (٤) واء لعن الط يز
 (٥) ... ر ... بلد ي

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) ...āš-dīn zi ¹ - 2) jarāte ² bu ³ rāhmātu ⁴ -l-lahī 3) gālājhi ⁵ rāhmātān ⁶ wasigātān ⁷ ! 4) wafat ⁸ bolyan ⁹ alṭl jüz ¹⁰ 5) ... [jī]lda ¹¹ ...	1) ...-дана мес- 2) то погребения это. Да будет милость Аллаха 3) над ним милостью обширно! 4) Скончался в шестьсот 5) ... [го]ду...

Л и т е р а т у р а

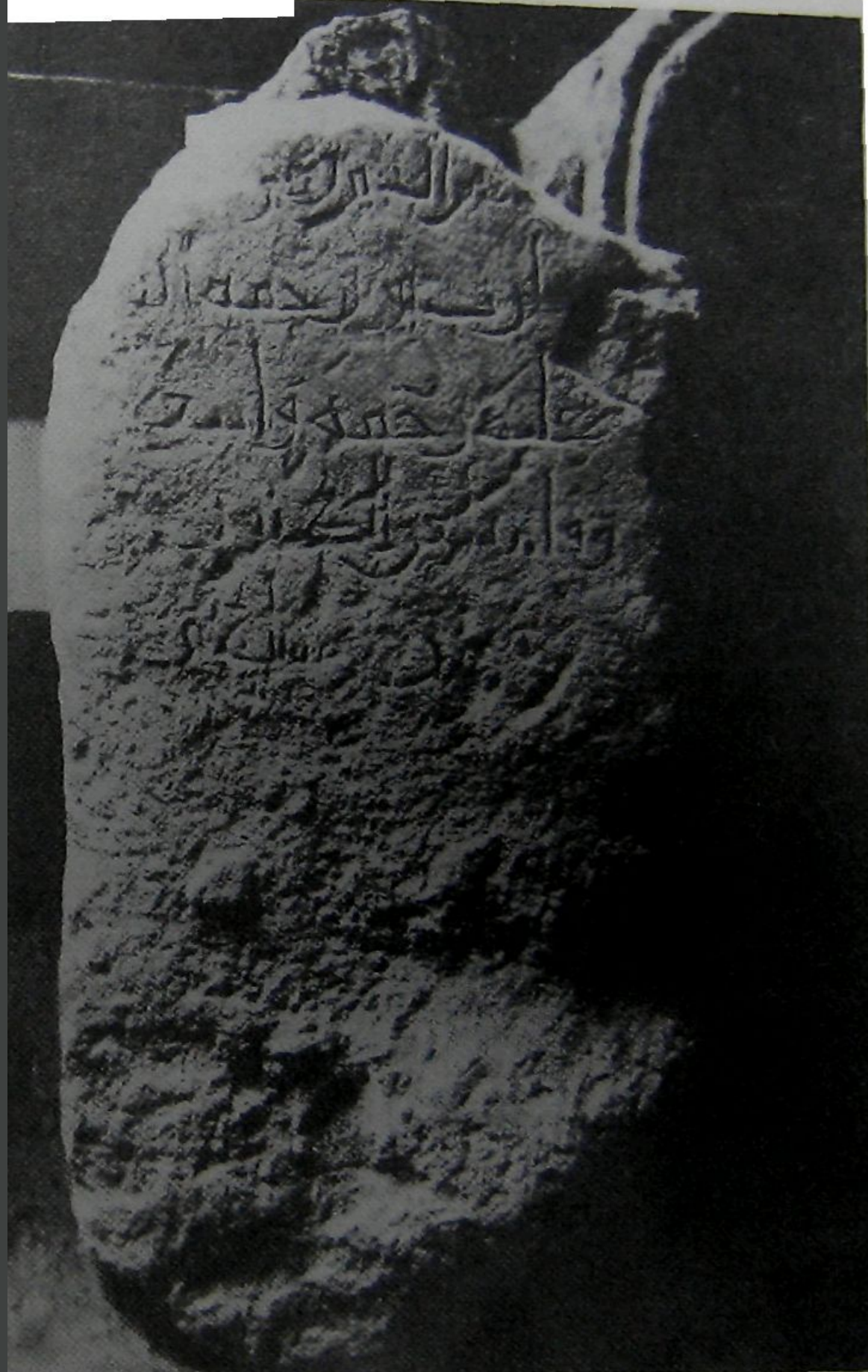
- 1) Калинин 1942а, № 239 (рс., текст и перевод).
- 2) Хакимзянов 1973, 12 (фото, текст и перевод).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 65 x 34 x 14 см и представляет собой нижнюю часть надгробья. Текст вырезан мелким четким кувическим почерком. Чувствуется, что вырезал резчик, имевший дело с эпитафиями на древнебулгарском языке или только осваивавший литературный язык. В пользу такого суждения говорят такие факты: 1) выбор кувического шрифта; 2) наличие точек под буквами rā, 'айн, cīn, tā; 3) конструкция предложения; 4) нехарактерная форма واء لعن 'скончался'; 5) употребление эмфатического tā в числительном "шесть"; 6) употребление лексемы [يل] 'год'.

Различия: 1. К: ата строка отсутствует; 2. К: приводит ارت, но не переводит; 3. К: перевода нет; 4. К: над rā и xā поставлена фатха, tā марбу́та имеет двоеточие; 5. К: над первой буквой поставлена точка; 6. К: имеются все огласовки, кроме сукуна, tā марбу́та имеет двоеточие; 7. К: tā марбу́та имеет двоеточие и танвйн фатх; 8. К: fā и tā имеют диакритику, над ūāū стоит фатха; 9. К: بانو, перевода нет; 10. К: имеются все огласовки; 11. К: ... لك اسلوى, перевода нет.

1. Памятник из Болгарского гос.
историко-архитектурного за-
поведника (г. Куйбышев ТАССР,
12... г.)

١) هو الحي الذي لا يموت

٢) هذه بوضة الثابتة

٣) الثابتة الثابتة

٤) الصالحة الصابرة الصالح

أنا طيب الحي بنت ايوب ابن صبيح من

ايوبن البقاري اللهم ارحمها

أرحم واسع شفي الى رحمة الله تعالى

بكرى ايكن يا شندا ويات بولدى

١) ومع الاخر غرضنا عجزنا بيني

٢) بوز ابن بيردا

Транскрипция

Перевод

1) *huwa¹-l-ḥayy-l-lāzī lā yamutu²*

1) Он живой, который не умирает!

2) *ḥazībi³ raḥatu⁴-ḥ-ḥabāti⁵*

2) Этот сад вной девины,

3) *ḥ-ḥattarāti⁶-l-ḥafifāti⁷*

3) скромной, целомудренной,

4) *ḥ-ḥalīḥāti⁸-ḥ-ḥabirāti⁹-ḥ-ḥajīḥāti¹⁰*

4) благочестивой, терпеливой, постыжим

5) *ḥaḥīḥa¹¹-ḥ-ḥlāī bintū aḥur ibn maḥka¹² ibn*

5) Фатима-елча, дочери Ахуса, (она) сын Махка, (он) сын

6) *ḥunūs¹³ ḥl-Buḥari. Allahu¹⁴ ḥraḥma¹⁴*

6) Хунуса Булгарского, Боже мой, помилуй ее

7) *ḥaḥmātān¹⁵ waḥigātān¹⁶! tuwaḥfi ilā ḥaḥmāti¹⁷ allahī tāyala¹⁸*

7) милостью обернуо! Стояла к милости Аллаха всевышнего

8) *ḥegerme eki ḥaḥlūda waḥat boldī.*

8) В двадцати двухлетнем возрасте,

9) *ḥabīḥū-l-ḥīra¹⁹ ḥaḥḥāwanda²⁰,*

9) в новолуние раби II. По хиджре в семь-

10) *ḥiḥḥāḥa²¹ ḥeti*

10)сот одиннадцатом.

10) *ḥūz on ḥaḥā.*

Литература

Самсох, № 18 (текст и перевод). 2) Эрдман 1832, 1357, № 46 (текст и перевод). 3) Elaprotb 1831, № 46 (текст и перевод на франц. язык). 4) Лелехия 1771, 276-277, № 18 (перевод). 5) Березин 1852, 116-117 и 127 (текст и перевод). 6) 1879, 91 (перевод). 7) Катанов 1921, 54-55 (текст и перевод). 8) Ка- 1942a, № 215 (рис., текст и перевод). 9) Калинин 1948, 97-98 (рис., текст и перевод). 10) Осулов 1951, 93-94 (рис., текст и перевод). 11) Ко- 1955, 87 (рис.). 12) Осулов 1950, табл. 10 (рис., текст и перевод). 13) Ха- 1973, ? (фото, текст и перевод).

2. Памятник из Болгарского гос.
историко-архитектурного за-
поведника (г. Куйбышев ТАССР,
1311 г.)

Т е к с т

٨ عمار وطنى سماحى ار ٩ رهم السورى واما نو ١٠ نعمان نوارح سى نوراى ١١ نوسجدا حطادى [ا]لاو ١٢ لى اسىك اوى الطيح ١٣ كوى اردى	١ هو الحى الذى لا حو ٢ واكل حى سواء سموت ٣ عالم لاربا نرسه فلقات هم ٤ الارى سوكان صحتلار ٥ عارب فلقاتى وكوس حو ٦ صاحى سكن لارىك ... ٧ سوكان حوجه وطنى

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) nuwā -l-hājjī-l-lāg [h]¹ lā jamutu², 2) wā küllū hājjīn sāwahu sājamutu³! 3) Galimlārga⁴ tārbiyā⁵ qillqan⁶ hām 4) alarni⁷ sewgān⁸, māšjedlār⁹ 5) gijsarāt¹⁰ qillqan¹¹, ūkūš¹² ḫājr¹³ 6) šaḫīda¹⁴, mekenlārga¹⁵... 7) sewgān¹⁶ ḫōja¹⁷ oylī 8) Gosman¹⁸ oylī tamḡaci¹⁹ ib- 9) rahim²⁰ ās-Suwarī²¹ wafat²² bol- 10) ḡan²³. Bu tariḫ²⁴ jeti²⁵ jūz on²⁶ 11) törtənçeda²⁷ ḡomada²⁸ āl-āwwā²⁹ 12) li ajinā on altinç 13) küne erdi.	1) Он живой, который не умирает, 2) все живущее, кроме него, умрет! 3) Давний воспитание ученым и 4) любивший их, мечети 5) воздвигавший, много благодетельный 6) совершивший (букв.: хозяин), бедных... 7) любивший Ходжу сына, 8) Госмана, сын, сборщик податей Иб- 9) рагим Суварский скон- 10)чался. Это по летоисчислению в семь- 11)сог четыр- 12)надцатом, джумада I 13)месяца шестнадцатого дня было.

Л и т е р а т у р а

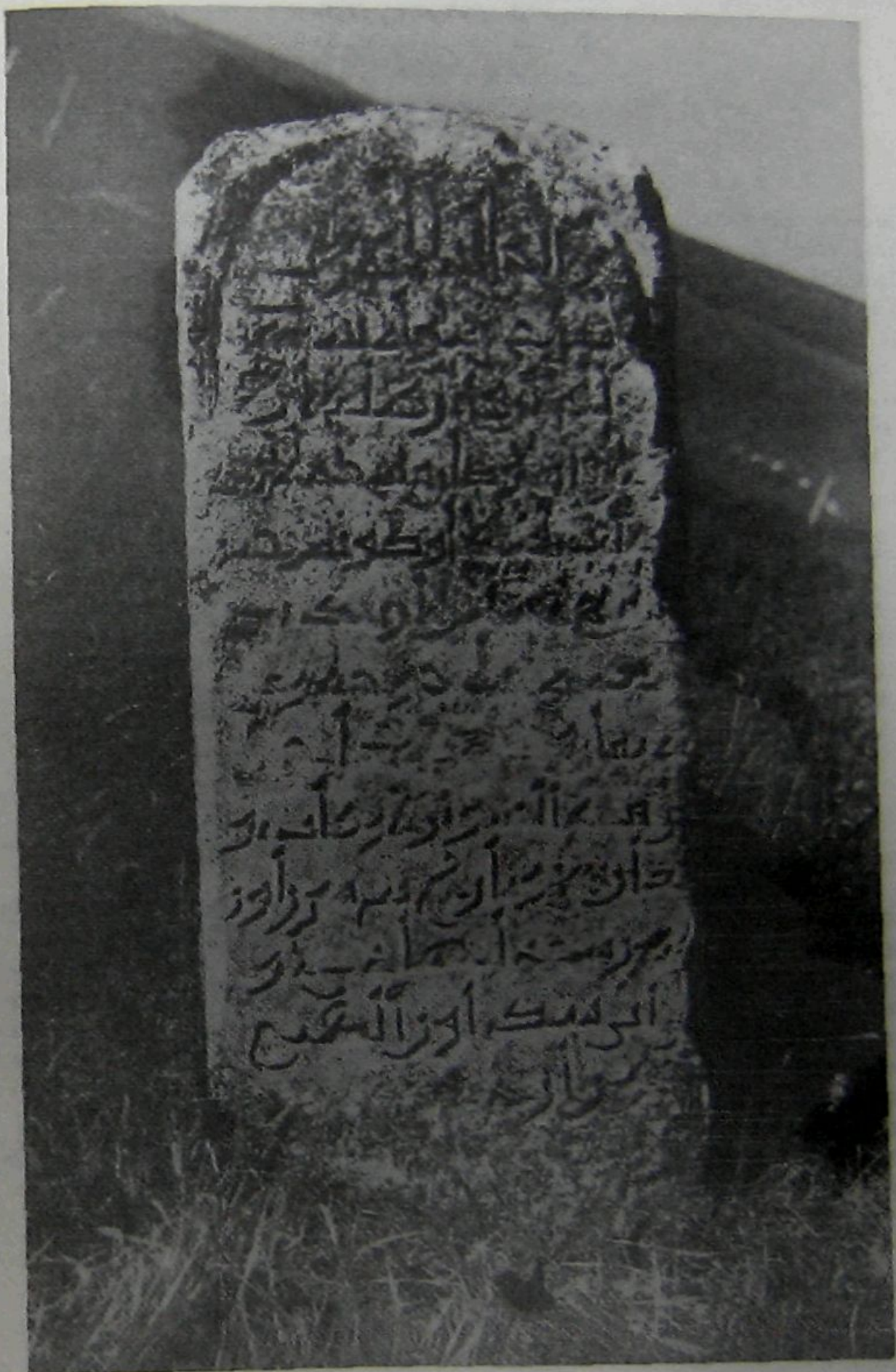
- 1) Фейзханов 1863, 396-398 (текст, перевод и эстамп).
- 2) Юсупов 1960, табл. I2 (эстамп, текст и перевод).
- 3) Юсупов 1961, 46-47 (текст и перевод).
- 4) Ахметзянов 1976 (текст).
- 5) Тахмизянов 1981, I-3 (фото, текст и перевод).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 130 x 55 x 23 см и находится на кладбище "Ташбилге" (Каменный знак). Надпись выполнена врез. четким кувическим почерком. По сообщению М. И. Ахметзянова, в архиве Р. Фахрутдинова в г. Уфе имеется кем-то присланная копия текста пам. Не прочитанные нами места там даны как سكن لرنى سوكان , т.е. "любивший бедных, ходжа Мир-Гали Госман".

Различия даются по наиболее полной публикации Г. В. Юсупова (1960): I. Дал с точкой, ā без скобок; 2-3. ā и tā имеют диакр. точки; 4. Вторая буква с конца нӯн, ā в квадр. скобках; 5. Слово в квадр. скобках, tā, bā, ā имеют точки; 6. Все буквы с точками, кроме четвертой, кот. 'айн. Однако в раб. "Юсупов 1961" ن ا ل ; 7-8. Нӯн с точкой; 9. Джīm с точкой; 10. Тā с двоеточием; II. Все буквы с точками, кроме четвертой ('айн), скобок нет. В раб. "Юсупов 1961" ن ا ل . Послед. буква пропущена резчиком; 12. Шāн с троеочием; 13. ā с двоеточием; 14. Bā с точкой; 15. Есть лишь سكن لار : 16. ...ن . ; 17. Джīm с точкой; 18. Cā и нӯн с точками, слово в квадр. скобках; 19. Тā и джīm с точками; 20. Имя на девятой строке (без скобок), bā и ā с точками; после rā - алиф; 21. ā с двоеточием; 22. Буквы с диакр. знаками; 23. Bā и нӯн с точками; 24. Тā и ā с точками; 25. Все буквы с точками; 26. Нӯн с точкой; 27. Кроме второй tā, все буквы с точками; 28. Джīm с точкой; 29. Не указано отсутствие алифа.

4. Памятник из с. Большие Тар-
ханы Тетюшского р-на ТАССР
(1314 г.)

Т е к с т

١) هُوَ الْحَيُّ الَّذِي لَا يَمُوتُ
 ٢) بَيْكَتْلَار كۆركى كۆكئللار اوزكى
 ٣) عالم لارى اغرلاغان ستم تول
 ٤) اگسوزلارى ايرايان موسى اوزلي
 ٥) التوضي شهيدلا زيارتى نورو
 ٦) [ر] حب ملسون امن ربيع الاول سنك اورناسى
 ٧) تاريخنا ٧١٧

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Huwā ¹ -l-bājjī-l-lāzi ² lā jamutūl	1) Он живой, который не умирает!
2) Jegetlār ³ körke, köçellār ⁴ özäge,	2) Красы молодцов, сердца сердец,
3) galımlārne ⁵ aylırayan ⁶ , jätim ⁷ , tul	3) уважавшего ученых, одиноких, вдовных
4) öksüzlārne asrayan ⁸ Musa oğlu ⁹	4) сирот кормившего Мусы сына
5) altunçıl ¹⁰ Şahidulla ¹¹ zijaräte ¹² turur ¹³ .	5) золотых дел мастера Шахидуллы, место погребения.
6) ..[r] āhmāt ¹⁴ qılısun! Amin ¹⁵ ! Rabi- gū-l-āwwālneç ¹⁶ ortası ¹⁷ .	6) [Пусть Аллах] окажет милость! Аминь! В средине месяца раби I.
7) Tariqqa ¹⁸ 717.	7) По летосчислению 717.

Л и т е р а т у р а

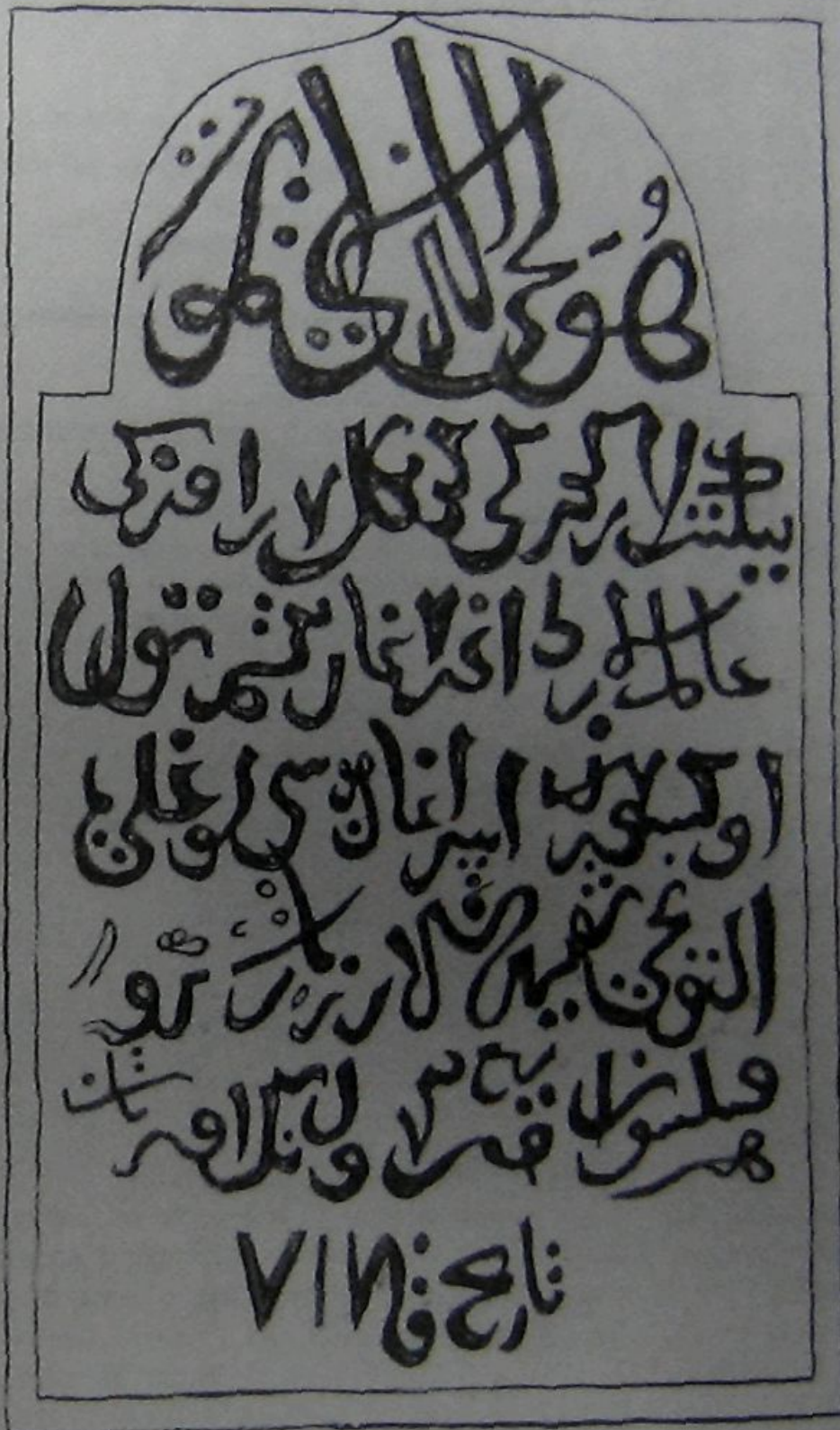
- 1) Березин 1852, II9-II20 (текст, перевод и эстампаж).
- 2) ۱۹۱۲ ۱۱۱۱ (текст).
- 3) Калинин 1942а, № 253 (рис. с эстампажа Березина, текст, перевод).
- 4) Калинин 1948, 103 (рис., текст, чтение и перевод).
- 5) История 1955, 103 (чтение и перевод).
- 6) Бсупов 1960, табл. 15 (эстампаж Березина, текст и перевод).
- 7) Хакимзянов 1974, 6 (отдельные слова).

П р и м е ч а н и я

Пам. находится в фундаменте колокольни церкви Успения и сейчас текст почти не просматривается.

Различия: I. Б, К (по раб. Калинин 1948), Ю: отсут. огласовки; 2. Б, К, Ю: йā без точек; 3. Б, К: обе йā имеют точки; Ю: отсут. обе йā; 4. Ю: нўн без точки; 5. Б, К, Ю: нўн с точкой; 6. Б: нўн имеет точку; Ю: оба гайн без точек; 7. Б, К, Ю: йā с двоеточием; 8. Б, К: сйн без троеочия; 9. Б, К: йā без двоеточия; Ю: гайн без точки; 10. Б, К: дйим с точкой, под йā отсут. двоеточие; 11. Б, К: отсут. дамма; 12. Б: в скобках ۱۱۱۱; К: отсут.; 13. Б: после tā есть ŷŷŷ, слово в скобках; К: то же самое без скобок; Ю: отсут.; 14. Б: в конце предыд. строки под вопросом восстановлено ربي. На этой строке هت; К: то же самое, без вопроса и скобок; Ю: отсут.; 15. Б, К: شهر; Ю: отсут.; 16. Б, К: оба нўн с точками; Ю: отсут. один нўн; 17. Б, К: в конце стоит адф. мест. падежа ۱۱۱-; 18. Б: все буквы имеют диакр. точки; К, Ю: йā с двоеточием.

5. Памятник из Болгарского гос.
историко-архитектурного за-
поведника (г. Куйбышев ТАССР,
1317 г.)

Т е к с т

- (١) هو الحي الذي لا يموت وكل حي يموت
 (٢) هذا قبرك لأمير...
 (٣-٦)
 (٧) بولارتاي ابن بلعشاق بك زيارتي شهر
 (٨) تنكرتة حل...
 (٩) مسرر طب كوثر شهابي بولا قاندورسون
 (١٠) امير رب العالمين طاني رجب ابي اخوند ايردي
 (١١) تاريخ بني بوز
 (١٢) بكري نوردا

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Nuwā -l-ḥājji -l-lāzi lā jamutu , wā küllü ḥājjin sājamutu!	1) Он живой, который не умирает, а все живущее умрет!
2) Naḡa mārqadū āl-āmīr ...	2) Это гробница эмира...
3-6)	3-6)
7) Būlārtaj ¹ ibn Būlemāq ² bek ³ ziḡarāte ⁴ turur ⁵ .	7) Буляртая, сына Бюлемшах-бека, место погребения.
8) Tādrigā ⁶ ...	8) Всевышнему...
9) mārgūr ⁷ qillip ⁸ , kāūeār ⁹ wāgābe ¹⁰ berlā ¹¹ qandurgūn.	9) обрадовав, да напоит напитком Кевса-ра.
10) Āmrū ¹² rabī ¹³ -l-galāminā ¹⁴ wa- fatl ¹⁵ rāḡāp ¹⁶ ajj ¹⁷ aḡrinda ¹⁸ ʿerdī ¹⁹ .	10) Повеление господи миров! Его смерть произошла в конце раддаба месяца.
11) Tariḡ ²⁰ jēti ²¹ jūz ²²	11) По летосчислению в семьсот
12) jēgēme ²³ tūrtā ²⁴ .	12) двадцать четвертом.

Л и т е р а т у р а

- 1) Список, № 7 (часть текста и перевод).
- 2) Лелехин 1771, № 7 (частичный перевод).
- 3) Klaproth 1831, № 26 (часть текста и перевод на франц. язык).
- 4) Эрдман 1832, № 26 (часть текста и перевод).
- 5) Березия 1852, 109 (часть текста и перевод).
- 6) Калачев 1879, 90 (частичный перевод).
- 7) ١٢٢٢, ١٢٢٢ (часть текста).
- 8) Калинин 1942а, № 213 (рис., часть текста и перевод).
- 9) Осупов 1963а, 12 (текст).
- 10) Уткин-Кизилов 1974, 5 (фото и текст).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 205 x 67 x ? см и находится в фундаменте север. стороны церкви Успения. Надпись выполнена рельеф. сульсом. Памятник в плохой сохранности. Различия даются по публикации И. Березия (текст о седьмой строки):
 1. Pā без точки; 2. Отсут. огласовки; 3. ڪ; 4. Pā без точки; 5. Обе pā без точек;
 6. Nūn и 'āya с точками; 7. До него وصل. Вторая с конца буква ūā; 8. После kāf ڤā с двоеточием; 9-10. Pā без точки; 11. В конце "х-немое"; 12-14. Отсут.; 15. ڤā без точек; 16. Pā без точки и фатхи; 17. Отсут.; 18. Алиф с маддой, pā без точки, затем ڤā с двоеточием; 19. Отсут.; 20. Pā и ڤā без точек; 21. ڤā без двоеточия; 22. Нет дамы; 23. Pā без точки; 24. Афф. мест. падежа написан слитно.

6. Памятник из Болгарского гос.
историко-архитектурного за-
поведника (г. Куйбышев ТАССР,
1323 г.)

Т е к с т

- (1) خانوم اوتر بيوش باشندا وقات بولدي
(2) نكړې پحتې برلا سوندوسون امن ...
(3) شعبان ايسك اون بشندا هجرتقا
(4) ايتي بوز بکړمې
(5) سکيزدا اړدي

П е р е в о д

1) ...xatum otiz beš jašinda wafat	1) ...хатун тридцати пяти лет умерла.
2) boldi ¹ . tānri ² rāhmāte ³ berlā sewandūrsūn ⁴ ! Amin! ⁵ ...	2) Пусть всевышний обрадует ее своей милостью! Аминь! ...
3) sāgban ejiniq ⁵ on ⁶ bešenda ⁷ , hižrātqa ⁸	3) шагбана месяца пятнадцатого. По хидре
4) jeti jūz jegerme ⁹	4) в семьсот двадцать
5) segizdā erdi ¹⁰ .	5) восьмом было.

Л и т е р а т у р а

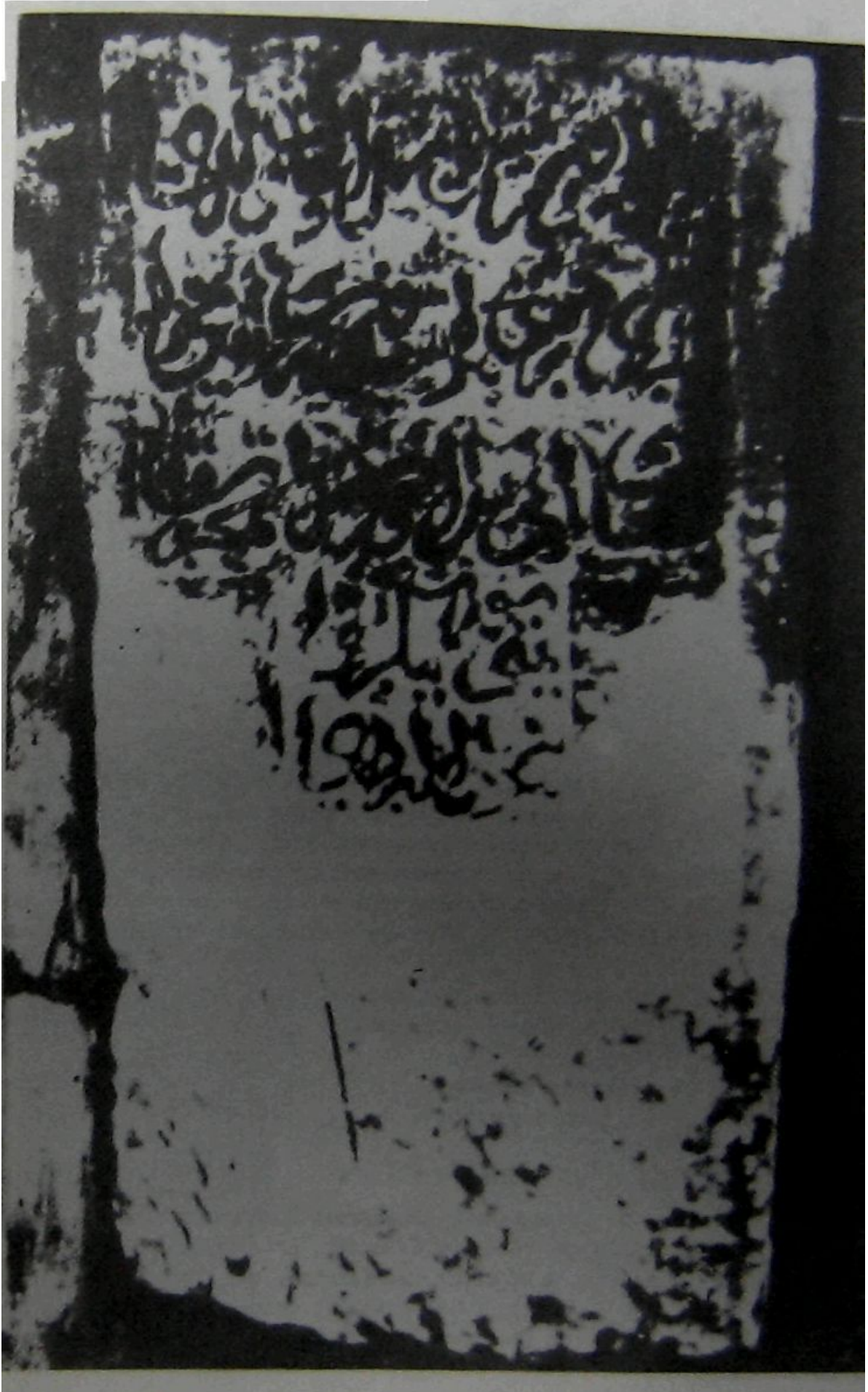
- 1) Ксупов 1960, табл. 22 (фото, текст и перевод).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 107 x 58 x ? см, откуда был доставлен неизвестно. Надпись сделана почерком сульс рельефными буквами.

Различия: 1. U: у йā отсут. двоеточие; 2. U: отсут. точка под rā; 3. U: то же самое; 4. U: в двух местах отсут. ūyū- после dāl и sīn; 5. U: нет афф. род. падежа; 6. U: в квадр. скобках; 7. U: в квадр. скобках и йā имеет двоеточие; 8. U: под rā отсут. точка и вторая буква с конца - dāl; 9. U: под rā отсут. точка; 10. U: после аллафа нет йā, у rā отсут. подбукв. точка.

7. Памятник из Государствен-
ного музея ТАССР (1328 г.)

- (1) هُوَ الْحَيُّ الَّذِي لَا يَمُوتُ وَكُلُّ حَيٍّ سَيَمُوتُ
 (2) يَكْتُبُ لَكَ كِتَابًا كَرِيمًا
 (3) ... تَعْمَلُونَ ...
 (4) الْإِنْسَانُ شَقِيقٌ بَرًّا أَسْرَافًا
 (5) ... الْوَالِدِ حَوَاحِشُ
 (6) يَهْدِي بِأَسْمَاءِ
 (7) رَحْمَتِي ...
 (8) ذُلِّمُوا مِنْ أَمْرَائِي فَلْيَبْتَخِرُوا سِرَائِي [نَا]
 (9) أُولَئِكَ الَّذِينَ رَسَخْنَا مِنْ أَمْرِنَا وَأُولَئِكَ أَصْحَابُ الْمَكِيدِ
 (10) تَارِيخٌ تَمَّ بِهَا أَمْرٌ نَبِيٌّ
 (11) رَحْمَتٌ أُولَئِكَ مَوْجِبَةٌ كَمْ بِرَافَاتِحِهَا
 (12) إِحْلَاسٌ سَوْرَتَيْنِ أَوْجِبَهَا

Транскрипция

- 1) Huwā-l-ḥājj-l-lāzi lā jamutu wā
 küllü ḥājjin ešjamutu!
 2) Jegetlār körke köçellār özä [ge]
 3) ... golāmalār ...
 4) alarni ḥāfḡat berlä asraḡan
 5) ... oḡli ḡoḡa ...
 6) qirḡ jašında ...
 7) rāḡmāte ...
 8) dönjadın ägraf qillir, ađırāt
 sarajl [na]
 9) ularında¹, rabigü²-l-ađıra³
 ađınla⁴ o [n⁵ seğıze]nda⁶
 10) tarix⁷ jeti⁸ jüz otuz⁹ törtüde¹⁰
 erdi¹¹.
 11) Rāḡmāt¹² ol¹³ mi'minḡa¹⁴, kem¹⁵
 ber Fatihā, üö
 12) İhlās¹⁶ ađırāsen¹⁷ oqısa¹⁸.

Перевод

- 1) Он живой, который не умирает, а все
 живущее умрет!
 2) Краса молодых, сердцевина сердца...
 3) ... учение ...
 4) с сочувствием их содержавший...
 5) его сын ходжа...
 6) в сорок лет...
 7) его милость...
 8) добрые дела совершив, из мира времен-
 ного загробный дворец
 9) когда достиг, раби II месяца во [семь-
 надцатое],
 10) по летосчислению в семьсот тридцать
 четвертом было.
 11) Спасибо тому правоверному, кто оди
 (раз) Фатиху, три (раза)
 12) суру Ихлас прочтет!

Л и т е р а т у р а

- 1) Список, № 34 (текст и перевод трех послед. строк и заглав. формулы).
 2) Девехян 1771, 279, № 34 (перевод послед. трех строк).
 3) Кларгош 1831, № 28 (текст и перевод на франц. язык трех послед. строк).
 4) Эрджан 1832, 1346, № 28 (текст и перевод трех послед. строк).
 5) Березин 1852, 109, 126 (текст и перевод трех послед. строк и заглав. фор-
 мулы по предыдущим публикациям. То же самое и одно слово из седьмой строки
 прочитал на месте).
 6) Калачев 1879, 94 (перевод послед. трех строк).
 7) Калинин 1942а, № 214 (рис., текст и перевод).
 8) Юсупов 1963а, 2 (текст).
 9) Юсупов 1967, 13-14 (текст и перевод).
 10) Хакимзянов 1978а, 12 (фото и текст).

П р и м е ч а н и я

Различия приводятся по публикации И. Березина: 1. Приводит послед. три
 буквы (далее см. на с. 126 его работы); 2. Отсут. огласовки; 3. Нет точки
 под rā; 4. Аллф не огласован, в афр. род. падежа есть буква йā; 6-7. Отсут.;
 8. Привел лишь конеч. йā; 9. Отсут. огласовки; 10. Отсут. подбукв. точки и
 дамма; 11-13. Отсут.; 14. После второго мīm написана йā и нет аффиков; отсут.
 дамма; 15-18. Отсут.

8. Памятник из Болгарского гос.
историко-архитектурного за-
поведника (г.Куйбышев ТАССР,
1333 г.)

Текст

- 1) يُوحى... وصرحاً توفى الى رحمة الله
 2) تعلق... في شهر رمضان سنة اثن واربعين
 3) و سبعاك رحمة اول مومن كما بر فاتحه
 4) اوج احلاص
 5) بجرسن اوفا
- 1) هو الحي الذي لا يموت وكل حي سيموت
 2) هذه روضة المستورة المجاه المطهرة الطيبة
 3) الشريفه شمار ملك بنت جعفر اعا
 4) الافرکانحى اللهم ارحمها رحمة واسعة
 5) و اكرمها بالعف و العفوة قدس الله

Транскрипция

Перевод

- 1) Huwā-l-hājji-l-lāzi lā jamutu, wā küllü hājjin ešjamutu!
 2) Hazīhi rauḡatu-l-māstūrāti-l-mūjāmillāti-l-muṭahhirāti-t-
 3) ṭajjifāti-š-šārifāti Šamar-mālikā bintū ḡāḡfar-ayā
 4) āl-Āfrikāncī. Allāhum ārhāmuha rāḡmātān wasigātān!
 5) Wā ākrāmuha bi-l-gaffi wā-l-maḡfirāti qaddis Allāhu
 6) ruḡaba... wā ḡarḡuha! Tuwaffijjāt ilā rāḡmātū-l-lahī
 7) tāyalā... fi šāhrin raḡazan sānḡnāti igna wā ārbāḡinā
 8) wā sābḡimištīn. Rāḡmāt ul mū'minḡa, kem ber Fatīḡa, uš İḡlaḡ
 9) sūrāsen oḡlea!
- 1) Он живой, который не умирает, а все живущее умрет!
 2) Это сад целомудренной, прекрасной, непорочной,
 3) милой, благородной Шамар-мелики, дочери Джаḡфар-аги
 4) аль-Африканчи (?). Боже мой, помилуй ее милостью обширной!
 5) И чти же ее своим прощением и освяти, Аллах, душу и гробницу ее
 6) отпущением грехов! Отошла к милости Аллаха
 7) всевышнего в месяце рамазан семьсот сорок
 8) второго года. Спасибо тому правоверному, кто один (раз) Фатиху, три (раза) суру Ихлас
 9) прочтет!

Литература

- 1) Список, № 21 (текст и перевод).
 2) Klaroth 1831, № 47 (текст и перевод на франц. язык).
 3) Эрдман 1832, 1357, № 47 (текст и перевод).
 4) Лепехня 1771, 277, № 21 (перевод).
 5) Березня 1852, 117 и 123 (текст и перевод).
 6) Калачев 1879, 92 (перевод).
 7) Осудов 1967, 14-15 (текст и перевод).
 8) Хакамзянов 1974, 6 (фото, текст и перевод).

Примечания

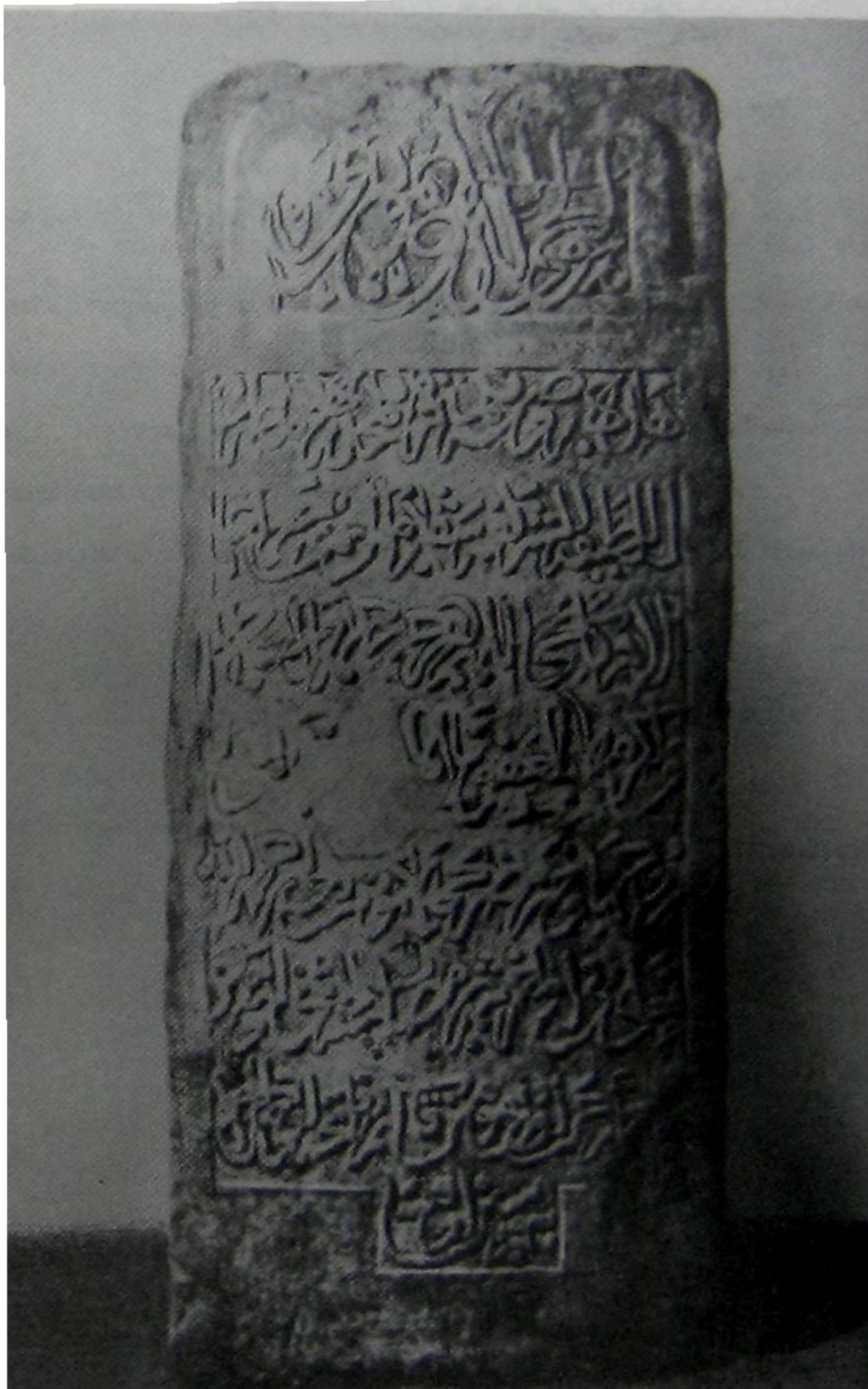
Когда-то нам. находился в сев.-запад. части фундамента церкви Успения. Затем, во время ремонтных работ, был вынут оттуда и сейчас поставлен около Север. мавзолея для обозрения. Надпись сделана рельеф. буквами почерком сульс. В исследовании вовлечены две последние строки текста и боковая надпись, сделанная на турецком языке. Текст боковой надписи:

Транскрипция

Перевод

- 1) Kōḡāmen dōnjanl; wājran varl, 1) Вижу мир развалиной по существу,
 2) hāmīēē baqlj ermiē, joḡ qaḡarī. 2) не останется он продолжительно в покое.

9. Памятник из Болгарского гос.
историко-архитектурного за-
поведника (г.Куйбышев ТАССР,
1341 г.)

Т е к с т

(١) قال النبي عليه السلام
 (٢) تاريخ بيتي يوم ترقى ارجل دا
 (٣) هو الحي الذي لا يموت وكل حي سيموت
 (٤) كل نفس ذائقة الموت ثم اليها ترجعون
 (٥) الموت باب وكل الناس داخله
 (٦) قونجى اوغلى بليش اوغلى سقمس اوغلى
 (٧) نياجا اوغلى جباق زيارت

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Qalā ān-nābiyyū, gālājhi-s-sālām: 2) Tariḫ ¹ jeti jüz qırq üçdä. 3) Niwā-l-hājjī-l-lāzi lā jamutu wā küllü hājjin eajamutu! 4) Küllü nāfsin eajjīqatun āl-māūtī, gūmmā ilājna turğāğunā! 5) Āl-māūtü babun wā küllü-n-nası dahilühü! 6) Qunçı oḡlı ² Bağış oḡlı ² Saqman oḡlı ² 7) Pağəza oḡlı ² ğabaq zijağäte.	1) Сказал пророк, да будет мир над ним: 2) По летосчислению в семьсот сорок третьем. 3) Он живой, который не умирает, а все живущее умрет! 4) Каждая душа вкусит смерть, а после вы вернетесь к нам! 5) Смерть – дверь и все люди войдут в нее! 6) Кунчи сына, Багша, (его) сына Сагмана, (его) сына 7) Пағаджа, (его) сына Джабақ место погребения.

Л и т е р а т у р а

- 1) Осунов 1959, 121 (фото, текст и перевод).
- 2) Хакимзянов 1974, 3-4 (фото, прорись и текст).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 140 x 62 x 12 см и находится в Уфимском краеведческом музее. Надпись сделана некаллиграфическим мелким почерком.

Различия: 1. Ю: у последней буквы отсут. надбукв. точка; 2. Ю: над гайн отсут. точка.

قالا علي السلام

رت يتنوز قرق اوج دا

فوالحر الراك موت وكلمه سيموت

كل نفس ذرعه "تشر الينا ترجمون

اهوت باب وكلمه الناسر داخله

قه نعل وغلر يا يثرا وغلر ستمرا وغلر

فيا دا اوغلر جناق زيارتي

Текст

- (١) هو الحي الذي لا يموت
 (٢) أنبال اوغلي حَسَن
 (٣) يبارتي نور رحمة الله
 (٤) عَلَيْهِ رَحْمَةٌ وَاسِعَةٌ
 (٥) تارح بنى بوز قرق بشدا
 (٦) رجب ابي ننگ اوجى
 (٧) كوى آردي

Транскрипция

Перевод

1) Nuwā-l-hājji-l-lāzi lā jamutu!	1) Он живой, который не умирает!
2) Anbal ¹ oğli Hāsān ²	2) Анбала сына, Хасана,
3) zijaṛāte ³ turūr. Rāḥmātū-l-laḥi	3) место погребения. Да будет милость Аллаха
4) gālājhi ⁴ rāḥmātān ⁵ waṣigātān ⁶ !	4) над ним милостью обширную!
5) Tariḫ ⁷ jeti ⁸ jüz ⁹ qīrq ¹⁰ beşde ¹¹	5) По летосчислению в семьсот сорок пятом,
6) rāzēr ajinlq ¹² üçeñce ¹³	6) раджаба месяца третий
7) küne ¹⁴ erdi ¹⁵ .	7) день был.

Литература

- 1) ۱۲۱۰۱۹۰۸ (A=) - احمرى (текст).
- 2) ۱۰۱۸۹۷ (M=) مرجانی (текст).
- 3) Ашмарин 1902, 94 (приводит текст Г. Ахмарова по его отчету).
- 4) Тарзиманов 1926, 175 (текст; дата переведена на русс. язык).
- 5) Юсупов 1963, 53-54 (текст и перевод).
- 6) Хакимзянов 1978а, 38 (фото, текст и перевод).
- 7) Ахметзянов 1980 (текст).

Примечания

Пам. имеет разм. 122 x 60 x 22 см и находится на кладбище "Ташбилге" ("Каменный знак"), расположенном на вост. окраине села. Надпись сделана врезанным почерком насх. Заглав. формула выполнена в рельеф. технике.

Различия даются по публикациям Г. Ахмарова (Ах), Ш. Марджани (М) и Ф. Тарзиманова: 1. М, Т: отсут. фатха; 2. М: حسین; Т: не огласовано; 3. Ах, Т, М: нет огласовок; 4. М, Т: отсут. огласовки; Ах: над lām нет фатхи; 5. М, Т: отсут. танвйн фатх; 6. М, Т: отсут. огласовки; Ах: под сйн есть кясра, а над tā марбуṭа - танвйн фатх; ūāū без фатхи; 7. М, Т: все знаки, кроме rā имеют диакритику; Ах: отсут.; 8-10. Ах: отсут.; 11. М: بشنچى دا; Т: بشنچى بل; 12. М: алиф имеет огласовку, после алифа отсут. начальная йā; Т: алиф огласован, отсут. отдельная йā и второй нūн, а послед. знак - kāf с троеточием; 13. М, Т, Ах: все знаки с диакритикой, притом "ч" с тремя точками; 14. Т: كونددا; 15. М, Ах: كوى آردي; Т: отсюда продолжает عند چوك و قومك عند چوك و قومه.

II. Памятник из с. Иски Рязань
Куйбышевского р-на ТАССР
(1345 г.)

Текст

1) أعوذ بالله من الشيطان الرجيم
 2) بسم الله الرحمن الرحيم
 3)
 4) بوا اوغلى كو[ك]لاى بكوسى
 5) قوتلۇغ مبارک بولسۇن
 6) تارىخى جى يۈز قىرغى جىتيدا
 7) ... نىڭ اون اوچۇ...

Транскрипция

Перевод

1) Āguzu ¹ bi-l-lahi miḡ-āḡ-āḡjāni ² -r- raḡim ³ ,	1) Я прибегаю к Аллаху от проклятого шайтана,
2) biḡmi-l-lahi ⁴ -r-raḡmani ⁵ -r- raḡim ⁶ !	2) именем Аллаха милостивого и милосерд- ного!
3)	3)
4) Buḡa oḡli kũ[k]lāj ⁷ belḡwe.	4) Буга сына, Ко[к]ля, надмогильный па- мятник.
5) Qutluḡ ⁸ mōbarāk bolsun!	5) Пусть будет благословенным, счастли- вым!
6) Tariḡ ⁹ jeti jüz qırq jetidä	6) По летосчислению в семьсот сорок седьмом,
7) ... niḡ ¹⁰ on ¹¹ ücü... ¹²	7) ... [меся]ца тринадцать [того] ...

Литература

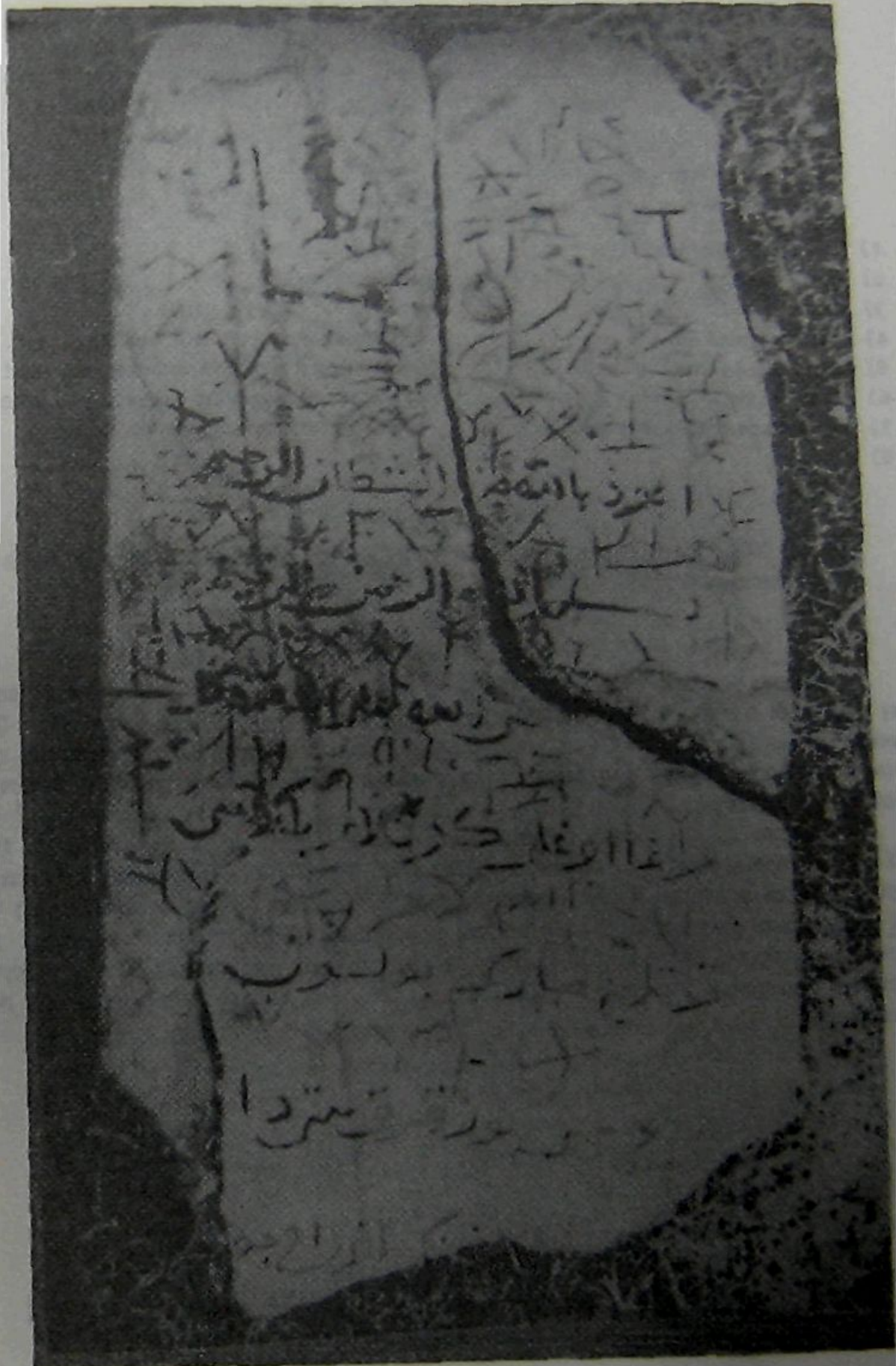
- 1) Юсулов 1966 (текст). Среди архивного материала имеется и фото памятника.
- 2) Хакимзянов 1974, 5 (прорись, фото и текст).
- 3) Ишбердия 1980, 64-67 (фото, текст, транскрипция и перевод).

Примечания

Пам. имеет разм. 89 x 50 x 12 см и в настоящее время находится в археологическом музее ИИАЛ БЭАН СССР в г.Уфе. Арабографичный текст написан на камне с родовыми тамгами. Надпись выполнена врез. буквами почерком ясах.

Различия: 1. Й: конеч. знак э̄; возможно, была допущена ошибка при наборе; над вторым знаком имеется точка; 2. И: после ш̄н̄н̄ есть й̄ā с двоеточием; 3. И: после д̄н̄м̄м̄ есть й̄ā с двоеточием; 4. И: отсут. скобки.; 5. И: над х̄ā есть точка; 6. И: то же самое; 7. И: послед. знак р̄ā, отсут. скобки; 8. И: отсут. точка над послед. знаком; 9. И: отсут. й̄ā с двоеточием; 10. И: послед. знак д̄ēл̄; видимо, это ошибка при наборе; 11. И: послед. знак э̄ā, слово читается ūz; 12. И: над третьим знаком есть точка (видимо, спутано при наборе, так как читается слово как اوچم), послед. знак - м̄īm; эта строка переводится как "свой рай".

12. Памятник из археологического музея ИИЯЛ БФАН СССР, г. Уфа (1346 г.)

Т е к с т

(1) الْحَكْمُ لِلَّهِ
 (2) يَوْمَ أُؤْتِي
 (3) عَنِّي أُؤْتِي
 (4) أَجَابَ بِلُكُوسِي بُو
 (5) رَحْمَةُ اللَّهِ عَلَيْهِ
 (6) تَارِيخُ نَبِيِّ يَوْمَ إِلَيْكَ
 (7) ... [رمضان] أَيْ غُرْبَانْدَا
 (8)

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Āl-hökmü ¹ li-lahî ^{2!} 2) Sāwrü ³ oylî ⁴ 3) Mānli ⁵ oylî ⁶ 4) Aḥān belgüse bu. 5) Rāḥmätü ⁷ -l-lahî ⁸ gälājhi ^{9!} 6) Tariḥ ¹⁰ jeti ¹¹ jüz elig 7) ... [ramazan aji] yorḡāwendā ¹² 8)	1) Суд Аллаха! 2) Сэвру сына, 3) Мэнли, (его) сына 4) Ачана надмогильный памятник это. 5) Да будет милость Аллаха над ним! 6) По летосчислению семьсот пятьдесят 7) ... в новолуние месяца рамазан 8)

Л и т е р а т у р а

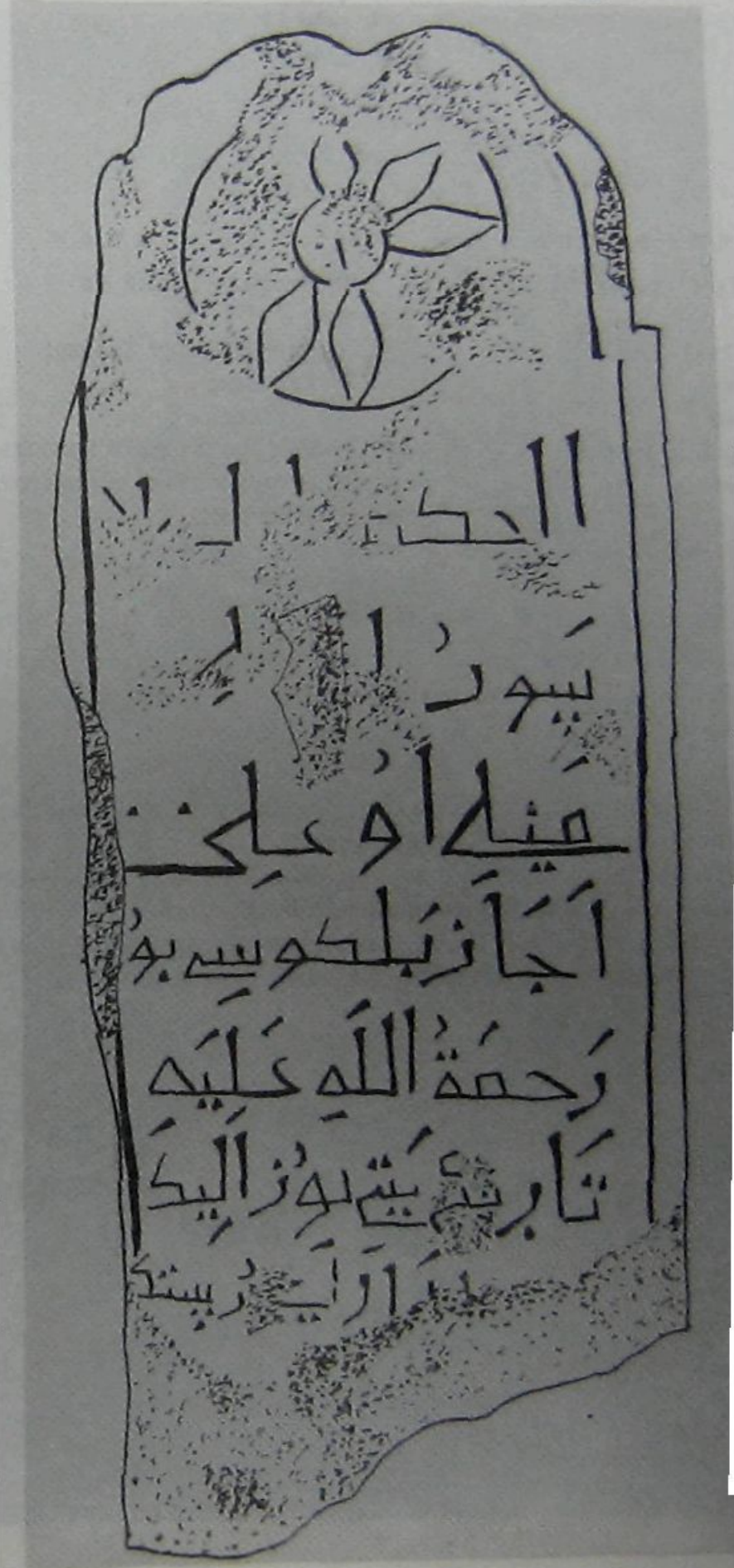
Дсупов 1964, 18 (текст и перевод). Среди архивных материалов имеется и фотоснимок памятника.

П р и м е ч а н и я

Во время осмотра кладбища в 1978 г. нам не удалось его обнаружить, поэтому сведения о пам. приводятся по экспедиционному отчету Г. В. Дсупова. Пам. имеет разм. 110 x 50 x 17 см, надпись сделана врез. куфическим шрифтом, при этом нижние две строки написаны более мелкими буквами. Текст дается по фотоснимку памятника.

Различия: 1. Ю: послед. буква взята в квад. скобки; 2. Ю: отсут.; 3. Ю: рā не огласован и отсут. точка, переводится "Саур"; 4. Ю: в квад. скобках; отсут. точка и кясра; 5. Ю: отсут. кясра; 6. Ю: отсут. точки и огласовки; 7. Ю: не указаны обе фатхи; 8. Ю: отсут. огласовки; 9. Ю: отсут. огласовки и точка под первой буквой; 10. Ю: над послед. буквой нет точки; 11. Ю: отсут. фатха и двоеточие у послед. буквы; 12. Ю: на этой строке приводится ك без перевода.

13. Памятник из с. Татарский
Калмаюр Чердаклинского р-
на Ульяновской области
(1349 г.)

Текст

- (1) هو الحي الذي لا
(2) يموت
(3) الحكم لله
(4) تطلع بك
(5) اولى تطلع
(6) تم رحمة الله
(7) ارحح بي مر ا
(8) لك بمردا...
(9) عرسد اردى

Транскрипция

- 1) huwā-l-ḥājjī¹-l-lāxi² lā³
2) jamtu⁴!
3) āl-ḥökmi li-l-lahi!
4) qutluḡ bek
5) oylī qutluḡ⁵
6) Temur. Rāḥmātū-l-lahi!
7) tariḡ⁶ jeti jüz e-
8) lig berda ...⁷
9) ḡograsendā erdi.

Перевод

- 1) Он живой, который не
2) умирает!
3) Суд принадлежит Аллаху!
4) Кутлуг-бека
5) сын Кутлуг-
6) Темур. Пусть будет милость Аллаха!
7) По летосчислению в семьсот пять-
8) десят первом...
9) в новолуние было.

Литература

- 1) Цулов 1964, 16 (текст и перевод).
2) Хакимзянов 1978а, 6 (текст, перевод и фото).

Примечания

Пам. расколот пополам и имеет общий разм. 145 x 51 x 20 см. Надпись сделана врез. кувическим шрифтом крупными буквами.

Различия: 1. ḡ: слово взято в квад. скобки; 2-3. ḡ: отсут.; 4. ḡ: слово начинается с буквы ḡ, в над ḡ есть дамба; 5. ḡ: у ḡ отсут. двоеточие и последняя буква взята в скобки; 6. ḡ: начальные две буквы взяты в квад. скобки; 7. ḡ: здесь читает ḡ, то есть "название созвездия Водолея".

14. Памятник из с. Татарский
Калмаэр Чердаклинского
р-на Ульяновской области
(1350 г.)

Текст

- 1) ... اوغلى
2) ... زيارتى تۇرۇ
3) ... تارىخى يېتى سۆز الىك
4) ... سورتدا
5) ... عرىندا

Транскрипция

- 1) ... oylı
2) ... ziyaräte turur¹.
3) ... Tariğ jeti² jüz elig
4) törtä ...
5) yorgäsendä³ ...

Перевод

- 1) ... сына
2) ... место погребения.
3) По летоисчислению в семьсот пятьдесят
4) четвертом...
5) в новолуние...

Литература

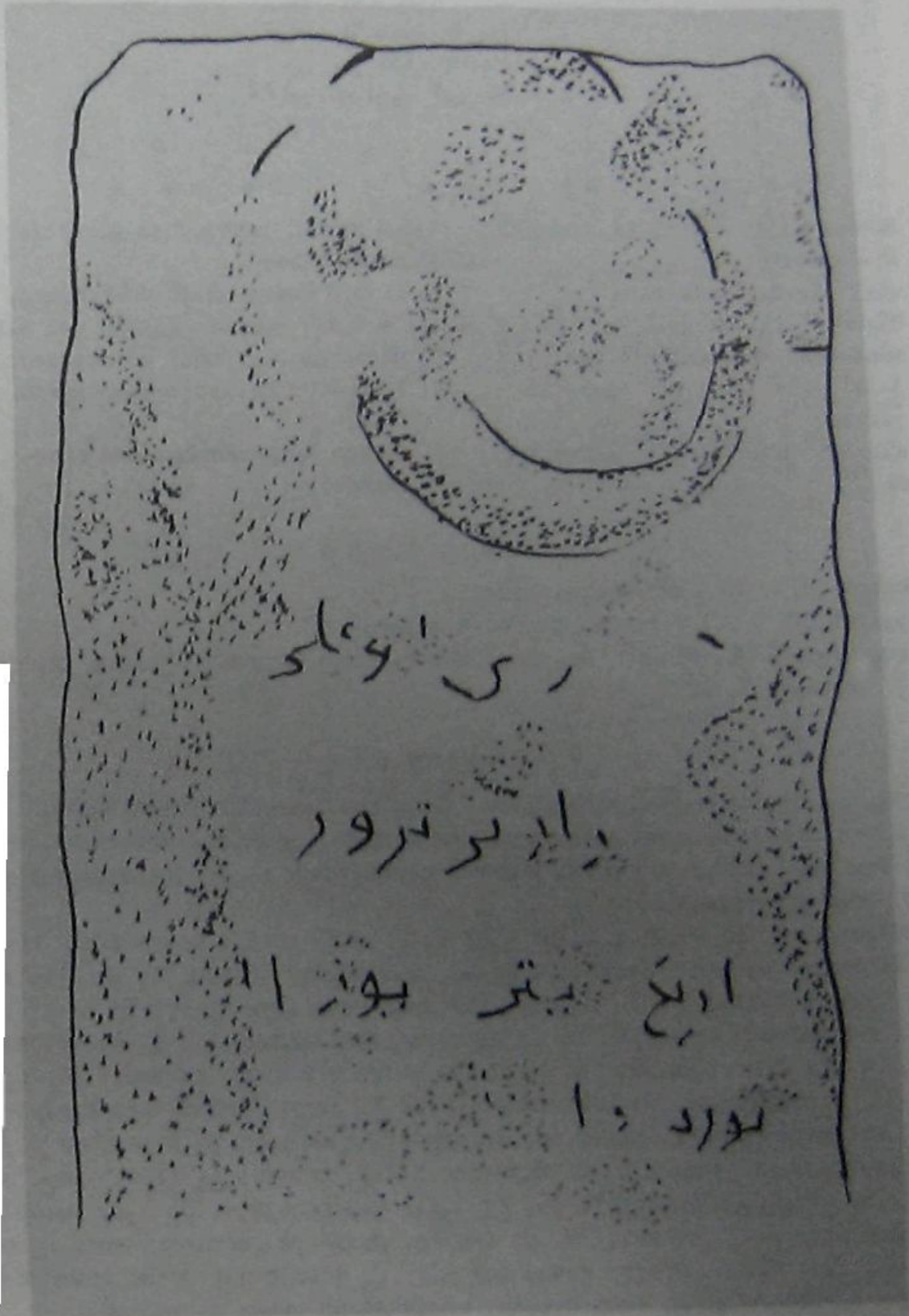
- 1) Юсупов 1964, 14-15 (текст и перевод).
2) Хакимзянов 1978а, (фото, текст и перевод).

Примечания

Пам. в очень плохой сохранности, имеет разм. 127 x 60 x 25 см. Надпись сделана врез. буквами, почерком насх. Во время нашего осмотра текст был в полустертом состоянии.

Различия: 1. U: эти два слова взяты в квал. ~~скобки~~; 2. U: слово взято в квал. скобки; 3. U: перевод отсутствует.

15. Памятник из с. Татарский
Калмаур Чердаклинского
р-на Ульяновской области
(1353 г.)

ری انوعالی

بازار ترور

اربع بیتر بود

بود دا

Т е к с т

(١) هو الحي الذي لا يموت
 (٢) أَحَدٌ أَوْلى ...
 (٣) قَمِيْرٌ صَفِيْهَةٌ زَيْبًا [رَتِيْ]]
 (٤) رَحْمَةٌ اللّٰه تَطِيْبُهَا
 (٥) رَحْمَةٌ [٩ سَعَةٌ تَارِيْخِ]
 (٦) يَنْبَغِيْ بِرِجَالٍ ... دَا ...
 (٧) اَيْبِيْنِكَ اَوْجُو كُوِي وَفَات بُو
 (٨) لَبِي

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Hūwā-l-ḥājjī-l-lāzī lā jamtu^{1!} 2) Aḥmad oḡlī²... 3) qīzī³ ṣafīja⁴ zīa [rāte]-⁵ 4) Rāḥmātu⁶-l-lahī gālājha⁷ 5) raḥmātān⁸ wa[sigātān^{9!} tarīḥ]¹⁰ 6) jetī¹¹ jūz¹² eli[g¹³ segiz]dā [āwwal]¹⁴ 7) ajlīnī¹⁵ opūc¹⁶ kūn¹⁷ wafat bol- 8) dī¹⁸.	1) Он живой, который не умирает! 2) Ахмеда сына... 3) дочеря Сафии место погребения. 4) Да будет милость Аллаха над ней 5) милостью обширно! По летосчислению 6) в семьсот пятиде [сят вось] мом, [шав- валь] 7) месяца тринадцатого дня скон- 8) чалась.

Л и т е р а т у р а

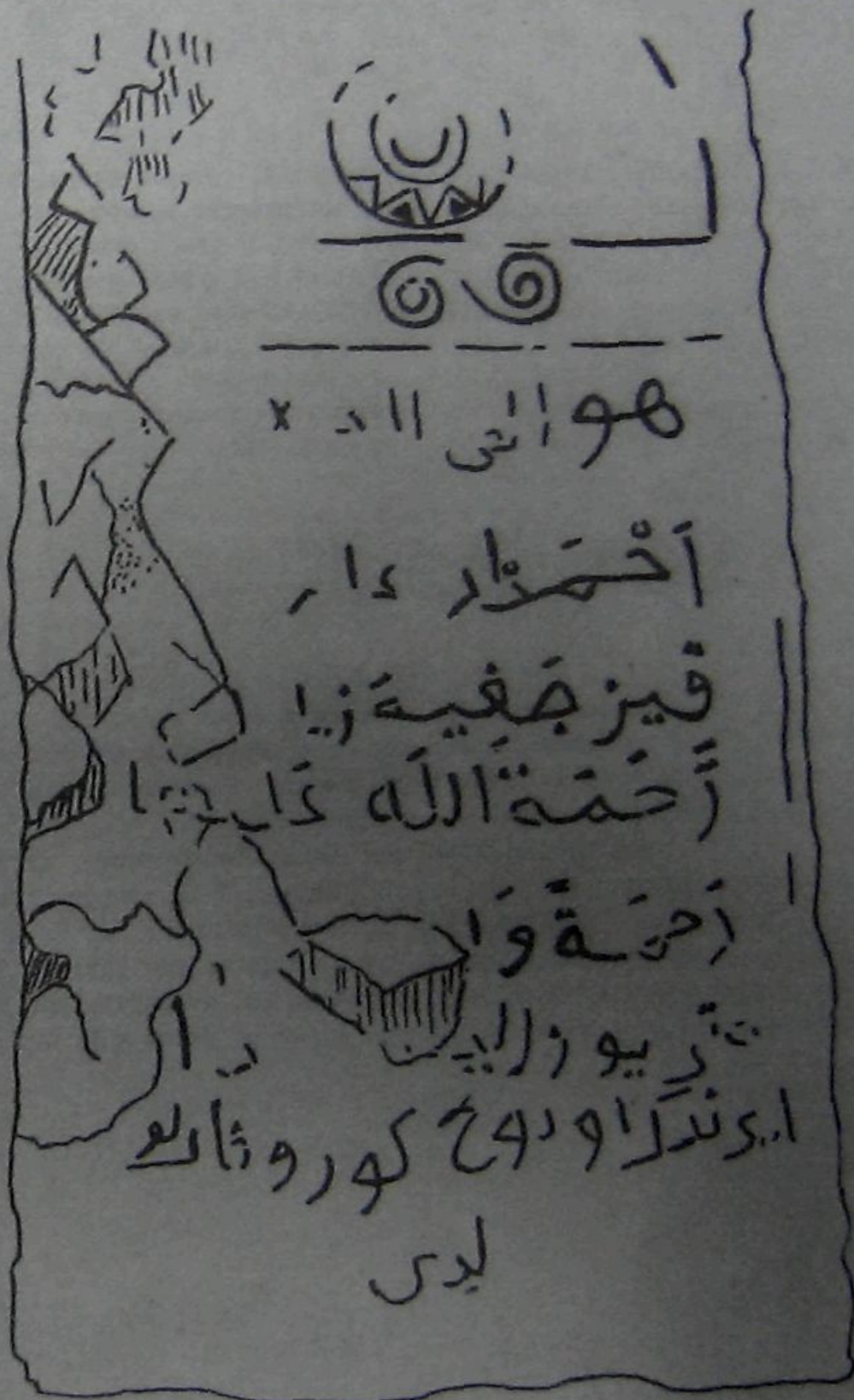
- 1) Псупов 1963, 59 (текст и перевод).
- 2) Булатов 1967, 211 (текст, чтение и перевод).
- 3) Хакимзянов 1935, 87-89 (пропись, текст, транскрипция, перевод, литература и примечания).

П р и м е ч а н и я

Пам. находится на так называемом "кладбище святых" и имеет размеры 132 x 71 x 29 см. Текст написан врез. крупными буквами, почерк - некаллиграфический насх. Сам пам. сильно испорчен: имеются отслоения и множество ячеистых разрушений. Пам. осмотрен в 1983 г.

Различия: 1. U: отсут.; 2. B: اول; 3. B: у зā отсут. точка и нет огласовок. Переводит как имя "Кайр"; 4. B: صفة и перевод "Са'ида?"; U: صفة и перевод "Забудь (Забудь)"; 5. B: присоединяет начальную букву; B: отсут.; 6. B: отсут. огласовки и точки; 7. B, U: взято в квад. скобки; 8. B: отсут. огласовки; U: нет fatḥi над mīm; 9. B: слово целиком в квад. скобках; 10. B: отсут.; 11. B: точек нет, перевод отсут.; 12. B: отсут. диакритика и перевод; 13. B: отсюда идет след. текст без перевода: امر حردا; U: в скобках اليك كز. Датировка взята по чтению Г. В. Псупова; 14. B: отсут.; U: читает как "шавваль"; 15. B: اي بيك "Ай-Бика"; 16. B: اولوح, перевода нет; U: اوج. Ранее мы придерживались этого чтения; 17. B: послед. буква rā, перевода нет; U: отсут. точка над yūn; 18. B: отсут. точка под dāl; U: первые две буквы взяты в квад. скобки и принадлежат к предыдущей строке; конечная yā имеет двоеточие.

16. Памятник из с. Новое Демкино Аксубаевского р-на ТАССР (1357 г.)

Т е к с т

(1) اسم ... (أ) اوتوز ...
 (2) كل ندف [ن] ... (ب) اى اون
 (3) المو ...
 (4) برجه ... (10)
 (5-7) (11) رحمة [ه]

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Bismi ...	1) Именем ...
2) Küllü nâ [fœün] ...	2) Каждая д[уша] ...
3) Āl-nâütü ...	3) смерть ...
4) turǰā [günā] ...	4) верве [тесъ] ...
5-7)	5-7) 5-7) 5-7) 5-7) 5-7)
8) otuz ...	8) тридцать ...
9) aǰi on ...	9) месяца десятого ...
10)	10)
11) râḥmâ [tân] ...	11) мило [сть]

Л и т е р а т у р а

- 1) Юсупов 1966 (отдельные слова).
- 2) Хакимзянов 1980, 5-6 (фото, отдельные слова).
- 3) Мухаметшин 1981, 137 (информация о пам. по экспедиционному отчету Г. В. Юсупова и приведены тюркские слова).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 170 x 42 x 15 см и находится на старом кладбище, что в четырех км к востоку от села. Надпись сделана крупными буквами полукуфическим почерком. По предположению Д. Г. Мухаметшина, памятник поставлен в 730 году по хиджре.

21. Памятник близ с. Урсаево
Азнакаевского р-на ТАССР
(даты нет)

Т е к с т

(١) بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ
(٢) کُلُّ نَفْسٍ ذٰئِقَةٌ الْمَوْتِ
(٣) ثُمَّ اِلَیَّ تُرْجَعُوْنَ
(٤) عَلٰی خَوَاجِهٖ اَوْطٰی قَرِیْقَ قَرْیَ
(٥) بِرُحْمٰتِیْ نَزَرَتْ رَحْمَةُ اللّٰهِ
(٦) رَحْمَةً وَّوٰجِعَةً

Т р а н с к р и п ц и я

- 1) Bi-smi¹-l-lahi²-r-raḥmāni³-r-raḥimi⁴!
- 2) Küllü nefsün⁵ gajjiqatü-l-māüti,
- 3) ümmā ilājna turğāgunā⁶!
- 4) Gali⁷ doğa⁸ oylı⁹ qarraq¹⁰ qazıj¹¹
- 5) b[elgü]se¹² turur¹³. Raḥmätü¹⁴-l-lahi
- 6) raḥmätän¹⁵ waşigätän!¹⁶

П е р е в о д

- 1) Именем Аллаха милостивого, милосердного!
- 2) Каждая душа вкусит смерть,
- 3) а после вы вернетесь к нам!
- 4) Али-ходжа сына, Карсак-кази,
- 5) надмогильный памятник. Да будет милость Аллаха
- 6) милостью обширной!

Л и т е р а т у р а

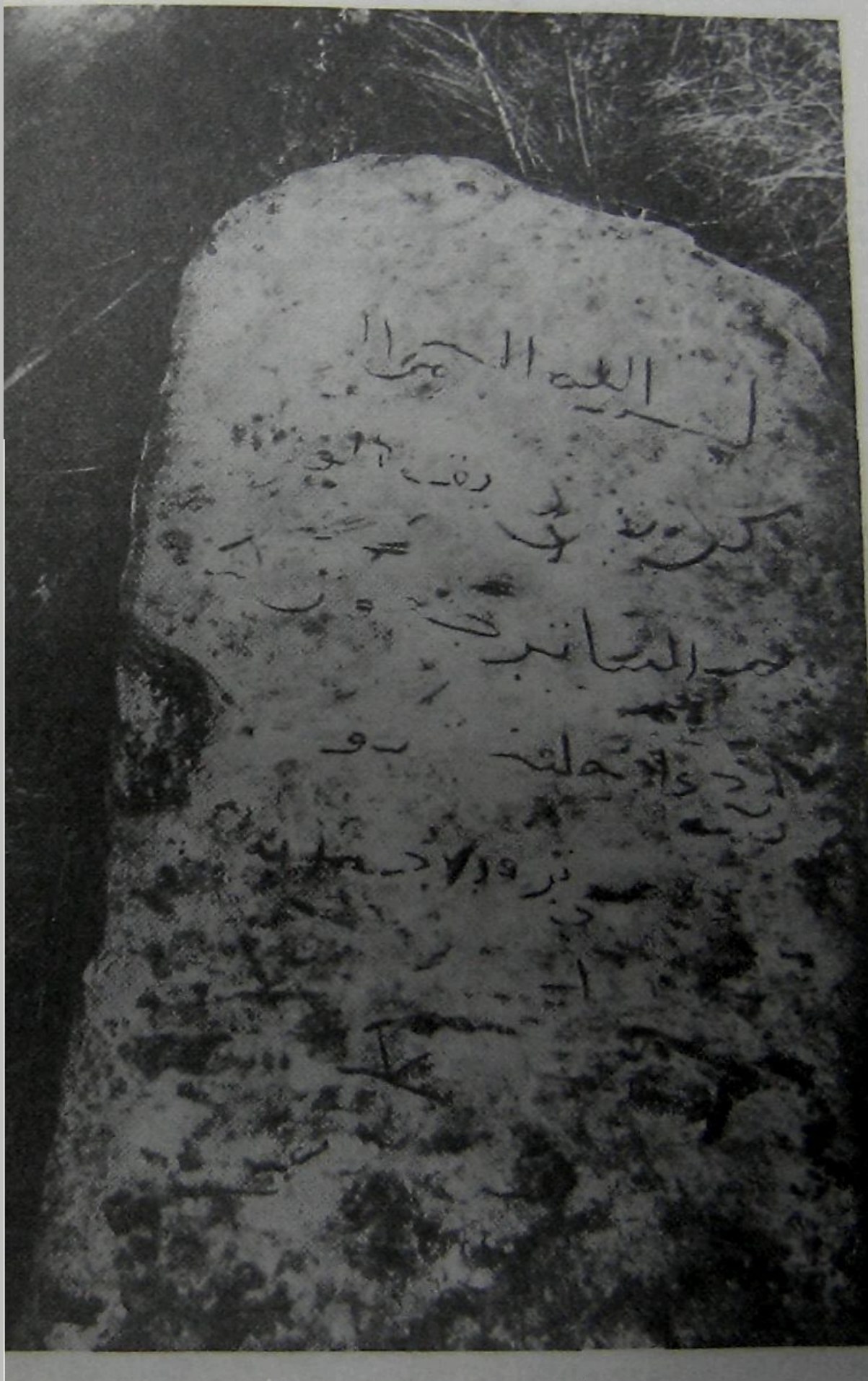
- 1) Юсупов 1966 (текст).
- 2) Хакимзянов 1980, 3-4 (фото, текст и перевод).
- 3) Мухаметшин 1981, 137 (публикация текста Г. В. Юсупова по экспедиционному отчету и перевод).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 180 x 56 x 18 (22) см и находится на старом кладбище, что в четырех км к востоку от села. Надпись сделана мелкими буквами, врез. по черном наск.

Различия: I. М: отсут. троеточие под сйн; 2. М: нет алифа; 3. М: отсут. точка под rā; 4. М: то же самое; 5. М: нет троеточия под сйн; 6. М: отсут. точки под rā и 'айн; 7. М: восстановлена одна буква rā; 8. М: отсут. диакрит. точки; 9. М: нет точка над гайн; 10. М: вторая буква с конца - мй̄м и имя Кармак; 11. М: отсут.; 12. М: زيارتى; 13. М: под обеими rā отсут. точки; 14. М: нет точки под rā; 15. М: отсут.; 16. М: у 'айн и tā марбӯты нет точек.

22. Памятник близ с. Урсаево
Азнакаевского р-на ТАССР
(даты нет)

Текст

(1) بای قرا اوڭی
(2) ایته بک زیارتی
(3) رَحْمَة اللّٰه بَلِیْه
(4) رَحْمَة وَاسِعَة

Т р и н с к р и п ц и я

(BaƷqara-?) oʻli¹

2) İna² bek ziyarāte.

3) Rāḥmātū³-l-lahi gālējhi

4) rāḥmātān wasigātān!

П е р е в о д

1) Бай Кара сына,

2) Ина-бека, место погребения.

3) Да будет милость Аллаха над ним

4) милостью обширной!

Л и т е р а т у р а

1) Исупов 1964, 15 (текст и перевод).

2) Исхемзянов 1978a, 10-11 (фото, текст и перевод).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 86 x 42 x 15 см и находится на старом сельском кладбище. Отломана верхняя часть с орнаментом-розеткой. Надпись сделана врез. буквами своеобразным почерком вост.

Различия: 1. Q: отсут. точка над гайн; 2. Q: под альфом имеется кясра; 3. Q: над рā отсут. фатха.

23. Памятник из с. Татарский
Калмавр Чердаклинского
р-на Ульяновской области
(даты нет)

Т е к с т

(1) الحکم لله
 (2) العلی الکبیر ... اول
 (3) ... شیخ اول بیج میر
 (4) حیراض اول جیر
 (5) کمال مار عیسه آلت
 (6) زیارة ک رحمة الله
 (7) وفات بلطوی تاریخ
 (8) جیات جور ون تویم
 (9) حال رجب ایچ ون بی
 (10) لیم کون ات

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Āl-hōkmü li-lahi-l-	1) Суд Аллаха
2) galijji-l-käbir!	2) всевышнего, великого! ... сына
3) ... böhä ouli Böqi hiri	3) ... сына Бюрки, (его) дочери
4) Hār ... ouli ğirä	4) Хар ... сына Джирэ
5) këli mari Caĵä älti	5) жены мари(?) Гайшэ-элти
6) zeräti kü. Rähmätü-l-lahi!	6) место погребения это. Да будет милость Аллаха!
7) wafati bolġi: tariçe	7) Скончалась: по летосчислению
8) ğeti ğür on tötüm	8) семьсот четырнадцатый
9) ğa°l, räġär aĵli on bë-	9) год, раджаба месяца пят-
10) lım kōn äti.	10) надцатый день был.

П р и м е ч а н и я

Пам. (разм. 144 x 44 x 18 см) был обнаружен Р. А. Ахметовым и А. Н. Хайруллиним на сельском кладбище в 1985 г. Затем он был перенесен во двор мечети. Пам. сфотографирован и исследован нами в 1986 г. Текст надписи выполнен вырезанным куфическим почерком. На обратной стороне камня вырезана многолепестковая розетка в двойном круге. В лексике текста особо примечательно употребление слов *marı* (возможно, это - этноним) и *këli* 'жена', которые до этого встречались лишь однажды - см.: Хакимзянов 1978, 160-161.

24. Памятник из с. Курманаево
Октябрьского р-на ТАССР
(1314 г.)

..... (1)
 (2) [رحمة الله عليه رحمه
 (3) [يا حقه تاريخ حيات
 (4) [جور كان يكالم حال
 (5) ... [رندع الاطعمي آيخ
 (6) ... [بالم گوان آت

Транскрипция

Перевод

1) ¹	1)
2) [Rāḥmātū-1-lahī gālāj]hi ² rāḥmātān ³	2) [Да будет милость Аллаха над] ним милостью
3) [wa] sigātān ⁴ ! Tariḫa žēti ⁵	3) [об]ширю! По летосчислению семь-
4) [žūr o]n bēlim ža ^o 1	4) [сот пя]тнадцатый год,
5) ... [rabi] gu-1-ulā aji ⁶	5) ... [пя]т и I месяца
6) ... bēlim kōn āti.	6) ... пятый (?) день был.

Литература

- 1) Юсупов 1963, 37-38 (текст и перевод).
- 2) Хакимзянов 1973 (фото, текст и перевод).

Примечания

Пам. находится на старом кладбище, что находится в 0,5 км к югу от села и имеет разм. 76 x 46 x 17 см. Надпись сделана рельефным куфическим почерком.

Различия: 1. Ю: отсут.; 2. Ю: до конца этого слова взято в квадратные скобки; 3. Ю: отсут. точки; 4. Ю: конечная буква имеет двоеточие и фатху; 5. Ю: под дй̄м отсутствует кясра; 6. Ю: последняя буква без надстрочной точки; в 5-6 строках многоточия не отмечены.

25. Памятник близ с. Тяжбер-
дино Алькеевского р-на
ТАССР (1315 г.)

Т е к с т

(١) الْحَكْمُ لِلَّهِ الْعَلِيِّ الْكَبِيرِ
 (٢) بُنْكَ ابْنِ مَمْكَةَ
 (٣) يَوْمَ ابْنِ إِسْحَاقَ ابْنِ
 (٤) يُوسُفَ حَاجِ بَلْوِي
 (٥) كَنْ رَحْمَةِ اللَّهِ عَلَيْهِ
 (٦) رَحْمَةً وَابْتِغَاءَ مَوَاتٍ
 (٧) بِلَطْوِي تَارِيخِ جَبَا
 (٨) تَنْ حَمْرٍ قَدْ جِيَانِي
 (٩) جَالِ شَوْلِ ابْنِ فَانٍ
 (١٠)

Т р а н с к р и п ц и я

- 1) Āl-hōkmū li-l-lahi-l-galiǰǰi-l-
- 2) kābirī¹! Boǰōk ouli māmkā²-
- 3) jori³ ouli isḥāq ouli
- 4) Jusuf⁴-haǰī⁵ bālū⁶-
- 5) kū. Raḥmātu⁷-l-lahi⁸ gālāǰhi⁹
- 6) raḥmētān¹⁰ waǰgātān¹¹! wafati¹²
- 7) bolǰi¹³; tariḫa¹⁴ ǰē-
- 8) ti¹⁵ ǰūr¹⁶ on¹⁷ ǰētīǰi¹⁸
- 9) ǰā¹⁹ ǰāwāl²⁰ aǰl²¹ on
- 10)

П е р е в о д

- 1) Суд Аллаха всевышнего, великого!
- 2) Буджука сына, Мамкэ-
- 3) Яори, (его) сына Исхака, (его) сына
- 4) Юсуфа-хаджи надмогильный памятник-
- 5) ннк. Да будет милость Аллаха над ним
- 6) милостью обширной! Его смерть
- 7) произошла: по летосчислению семь-
- 8) сот семнадцать
- 9) лет, шавваля месяца десятый
- 10)

Л и т е р а т у р а

- 1) Юсупов 1963, 51-52 (текст и перевод).
- 2) Юсупов 1972, 55 (текст и перевод).
- 3) Хакимзянов 1973 (фото, текст и перевод).

П р и м е ч а н и я

Пам. находится на сельском кладбище "Ташбилге" (Каменный знак) и имеет разм. 90 x 50 x 21 см. Надпись сделана врезанным кufическим почерком.

Различия по раб. Юсупов 1972: 1. Имеются подбукв. точки; 2. Отсут. фатха над послед. знаком, поэтому переведено "Мамак"; 3. Отсут. точка под rā; 4. Отсут. троеточье под sīn и damma над ним; 5. Слово в квадр. скобках; 6. Под ūāū есть кясра; 7. Под rā нет точки, а над tā марбӯтой - damma; 8. Отсут. кясра под последним знаком; 9. Отсут. точка под 'āin, а кясра под rā, 10. Отсут. точка под rā и таиния фатх над tā марбӯтой; 11. Нет точек под sīn и 'āin, у tā марбӯты есть двоеточье; 12. Над fā есть фатха; 13. Отсут. damma над tā; 14. Отсут. огласовки и точка под rā; 15. Под tā отсут. кясра; 16. В наборе допущена ошибка, в работе "Юсупов 1963" написано جوم; 17. Над ūāū нет фатхи; 18. Отсут. точка под dīm; 20. После ūāū в квадр. скобках восстановлен алиф; 19. Отсут. фатха над dīm; 21. У xā отсут. точка и нет кясы.

26. Памятник из с. Ямбухтино
Куйбышевского р-на ТАССР
(1317 г.)

Текст

(1) هو الحي الذي لا يموت
 (2) مذك هير يو
 (3) مَر بَلُو ك رَحْمَه
 (4) اللّٰه بَلِيْمَا رَحْمَه
 (5) سَبْعَة مِئَاتِ اَيْح
 (6) بَحْر اَيْ تَارِيخ
 (7) حَيَات حَو ف مَكْر
 (8) حَال ا

Транскрипция

- 1) Huwa-l-hājji¹-l-lāgi lā jamtu!
- 2) Māškā hiri² Sāu-
- 3) mā³ bālūkū. Raḥmātū⁴-l-
- 4) lahi⁵ gālājha⁶ raḥmātān⁷ wa-
- 5) sigātān⁸: šafar⁹ ajl¹⁰
- 6) bācra¹¹ āti. Tarīḫ
- 7) jēti jūr¹² on¹³ sāker¹⁴
- 8) jā¹⁵ āti.

Перевод

- 1) Он живой, который не умирает!
- 2) Мачка дочери, Сау-
- 3) мэр, надмогильный памятник. Да будет милость
- 4) Аллаха над ней милостью об-
- 5) ширвоп! Сафара месяца
- 6: в начале было. По летосчислению
- 7) семьсот восемнадцать
- 8) лет было.

Литература

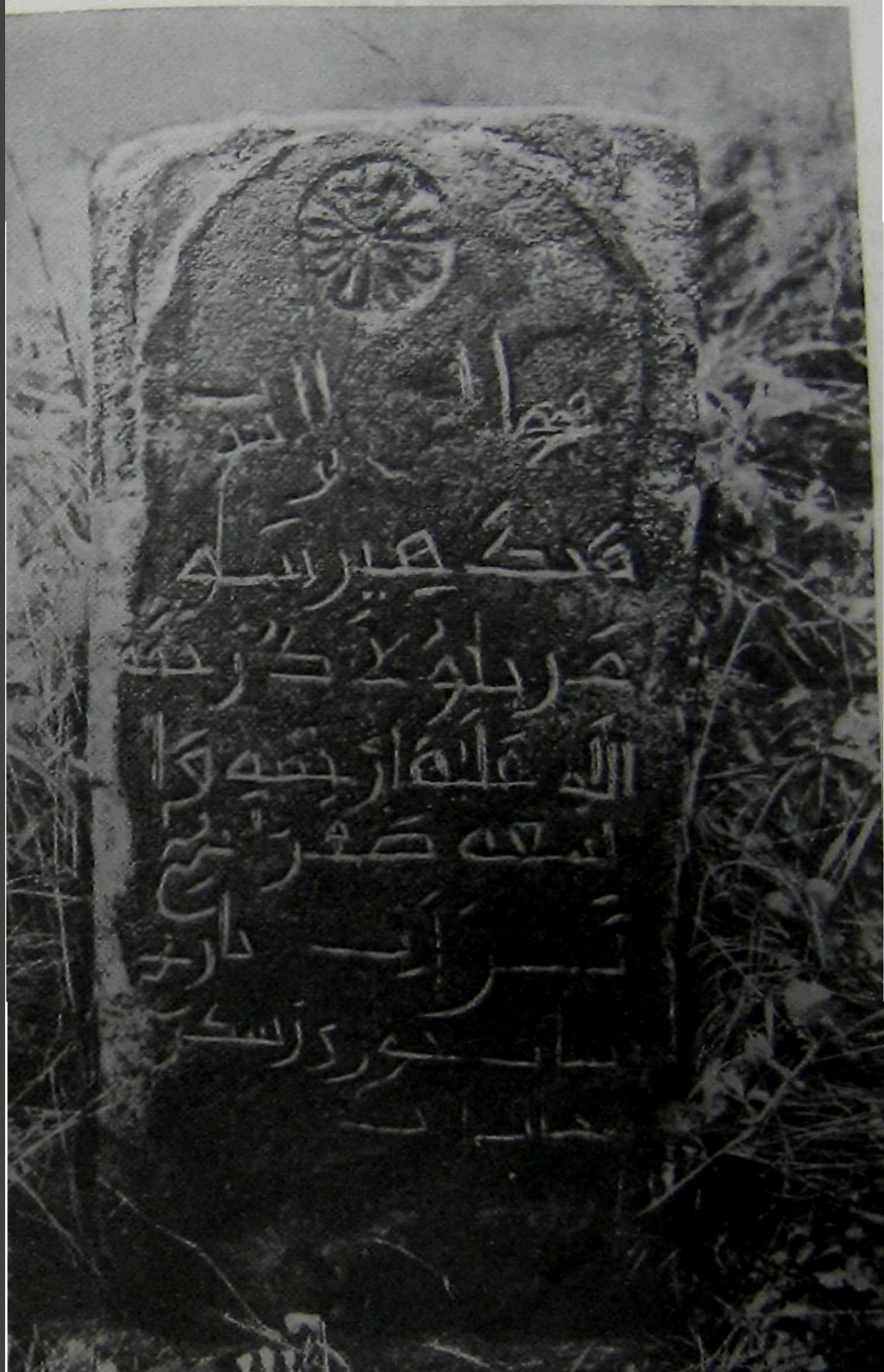
- 1) Юсупов 1963, 47-48 (текст и перевод).
- 2) Юсупов 1972, 53-54 (текст и перевод).
- 3) Хакимзянов 1973; 1978a (фото, текст и перевод).

Примечания

Пам. имеет разм. 95 x 40 x 16 см и находится на сельском кладбище "Таш газизлэр" (Каменные святые) на сев.-восточной окраине села. Надпись выполнена врез. кувшеческим почерком, а розетка сделана в рельефной технике. Надгробье было осмотрено нами в 1973 и 1978 гг.

Различия приводятся по раб. Юсупов 1972: I. Под йā имеется двоеточие; 2. Pā без точки; 3. Под rā и sāv нет точек; 4. Над tā марбӯта есть точки, отсут. огласовки; 5. Под хā нет ясры; 6. Под 'айн нет точки, у lām - фатхи; 7. Нет огласовок и точки под rā. tā марбӯта имеет двоеточие; 8. Кроме фатхи над 'айн отсут. огласовки, tā марбӯта имеет двоеточие; 9. Отсут. точка под cād; 10. Под йā есть ясра, а над хā - дамма; II. بحن "в начале", а в раб. Юсупов 1963 - "в конце"; 12. بوز; 13. У нӯн отсут. точка; 14. Конечный знак zā; 15. Над tā поставлены точки.

27. Памятник из с. Старый
Балдыкуль Алькеевского
р-на ТАССР (1318 г.)

Т е к с т

(١) الحكم لله العلى الكبر
(٢) البر اول حلوح را
(٣) ره ك واه لظوى
(٤) تاريخ حيات حرم
(٥) حارس حال محرم

Т р а н с к р и п ц и я

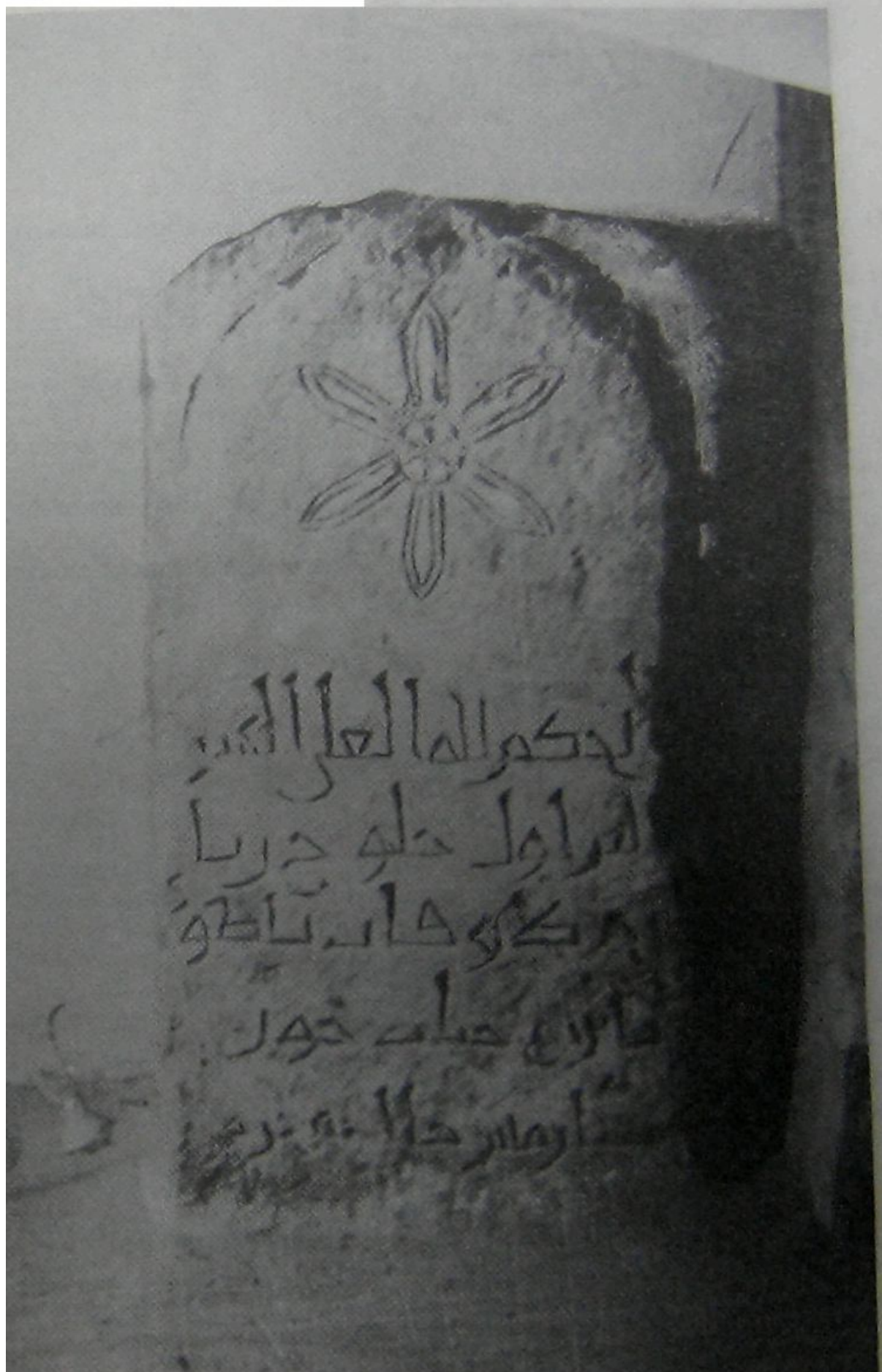
П е р е в о д

1) Āl-ḥökmi li-l-lahi-l-galijji-l- kābirī!	1) Суд Аллаха всевышнего, великого!
2) Ālbār oulī Ḥālūḏā zē-	2) Элбара сына, Халуджа, место
3) rāte kū. wafat bolṭī:	3) погребения это. Скончался:
4) tarīḫ ḡati ḡūr	4) по летосчислению семьсот
5) ḡermisi ḡa°l, moḥārrām a [ḡāḡ]	5) двадцатый год, мухаррама ме [сяца]

П р и м е ч а н и я

Данный памятник был обнаружен в 1981 г. археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР при раскопках Белой палаты. Надпись сделана врезанным кufическим почерком, буквы четкие, каллиграфические.

28. Памятник из Болгарского
гос. историко-архитектур-
ного заповедника (г.Куй-
бышев ТАССР, 1320 г.)

Т е к с т

١) الحكم لله العلي الكبير
 ٢) كل نفس ذائقة الموت
 ٣) اسم الينا ترجعون جلو
 ٤) اول حين بلوك رحمة
 ٥) الله غنه رحمة واجعه
 ٦) يرجع اول اخ خرد افات بل
 ٧) تاريخ حيات جور حريم
 ٨) تواتم جال ات

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Āl-ḥökmü li-l-laḥi-l-galijji ¹ -l- kābirī! ²	1) Суд Аллаха всевышнего, великого!
2) Küllü nāfəün zājjiqatu ³ -l-mäüti	2) Всякая душа вкусит смерть,
3) gūmmā ⁴ ilājna turjəgunā ⁵ ! jālū ⁶ (jālwi- ?)	3) после вы вернетесь к нам! Джэлю (Джэли - ?)
4) ouli nāsān ⁷ bālūkū ⁸ . rāḥmātū ⁹ -l-	4) сына, Хасана, надмогильный памятник. Да будет милость
5) laḥi gālājhi ¹⁰ rāḥmātān ¹¹ wabi- gātān ¹² !	5) Аллаха над ним милостью обширною!
6) Rabigū ¹³ āwwāli ¹⁴ əjxi ¹⁵ x-r-n-d (əjrinda) ¹⁶ āfat ¹⁷ bolti ¹⁸ .	6) В конце месяца раби I случилось не- счастье.
7) Tarix ¹⁹ žəti žür žirme ²⁰	7) По летосчислению семьсот двадцать
8) tötəm ža ^o l āti ²¹ .	8) четвертый год был.

Л и т е р а т у р а

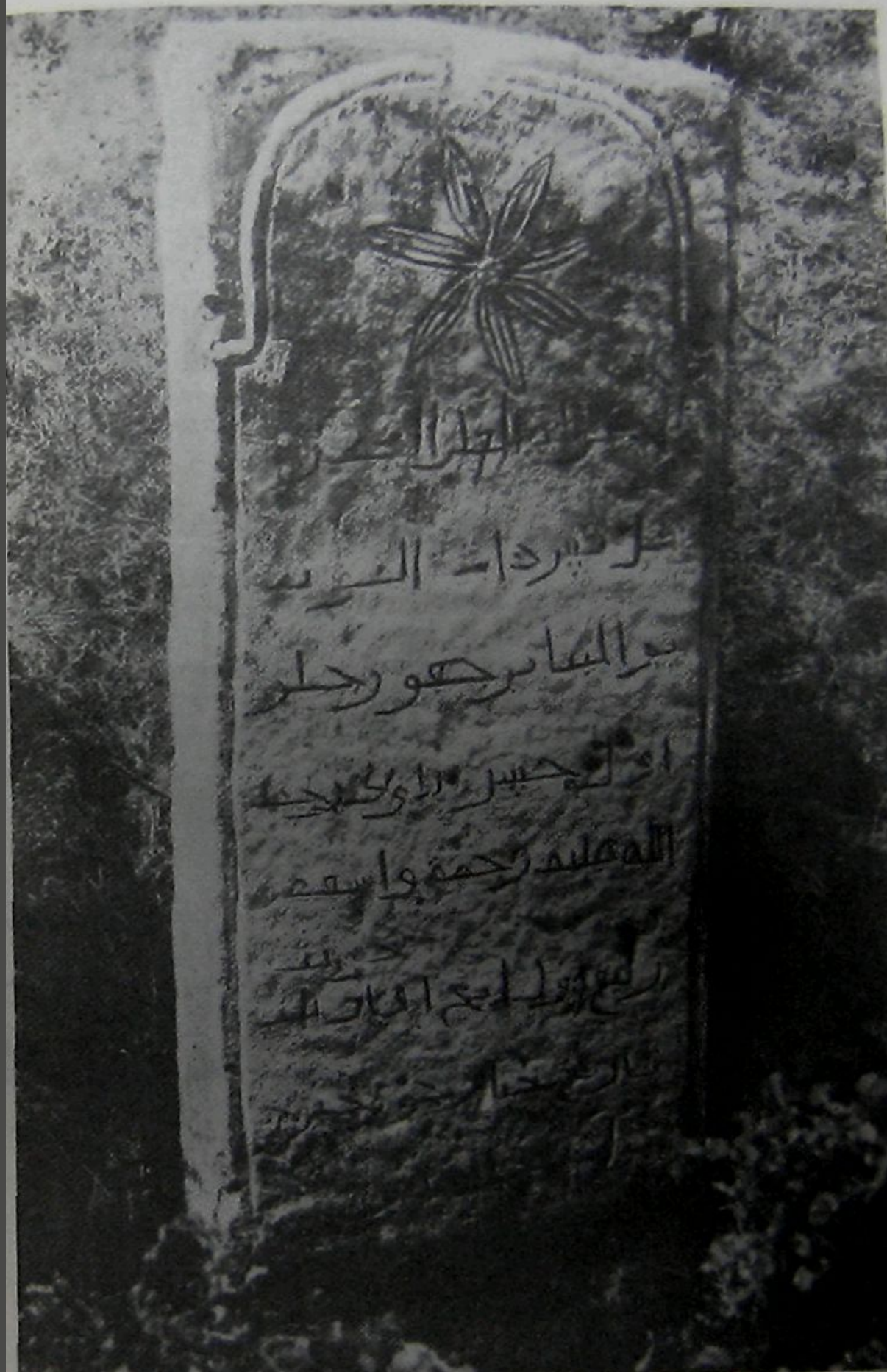
- 1) Березина 1852, 133 (текст и перевод).
- 2) Ашмарина 1902, 89 (приведен текст И. Березина с уточнением перевода).
- 3) Мухаметшин 1981, 138 (упоминание о камне).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 130 x 55 x 18 см, надпись сделана врез. полукуфическим почерком. Восемилепестковая розетка вырезана и на обратной стороне плиты, где когда-то имелся текст, написанный мелким шрифтом почерком куфи, который сейчас выветрился. Пам. был исследован и сфотографирован нами в 1982 г.

Различия даются по работе И. Березина: 1. Отсут. подбуквенные точки; 2. То же самое; 3. Отсут. двоеточие над послед. буквой; 4. , 'и'; 5. Нет точки под 'айн'; 6. *حليم* 'Халим'; 7. Нет троеточия под сйн; 8. *بلوك* как компонент имени собств.; 9. Отсут. точки; 10. Имеется двоеточие под йā , нет точки под первым знаком; 11. Отсут. точки (резчиком ошибочно поставлена точка под второй буквой, вместо первой); 12. Отсут. троеточие под сйн, а над тā марбӯтой есть точки; 13. Нет точек под рā и 'айн; 14. Впереди есть определенный артикль; 15. *اندا*, у Ашмарина *ايخدا*; 16. Отсут.; слово вырезано над строкой, которое можно принять за *axgāda* 'в конце'. Возможно, после написания нач. алифа резчик по ошибке приписал окончание послед. слова. Затем он дописал пропущенную часть слова над строкой; 17. *وفات*; 18. *بيلكوس*; 19. У первого и послед. знака есть точки; 20. *حسو*; 21. Есть *تواتم* и отдельные буквы.

29. Памятник из с. Средние
Челны Нижнекамского р-на
ТАССР (1323 г.)

Текст

(هو الحي الذي لا يموت كحل اول
 (٢) العمار اول... [لؤلؤك رحمة
 (٣) عليه رحمة واسعة
 (٤)
 (٥)
 (٦) وطى لبطوى حوامى نكال
 (٧) العمل حتى اب عمر الله
 (٨) له و لوالديه والحمد لله
 (٩) من والموتى تاريخ
 (١٠) حات حور حرم بمالم حا
 (١١) ل رسع الاحر [اسح سالم كوان اب]

ранскрипция

Перевод

1) Kūwā-l-ḥājji-l-lāzi lā jamutu ¹ !	1) Он живой, который не умрёт! махэл сына.
Kāḥāl oullī	
2) Āl-māgar ² oull... [bālū]kū.	2) Эль-магара, (его) сына ... надмогильный памятник. Да будет милость
Rāḥmātū	
3) gālājhi rāḥmātān wasigātān! ...	3) над ним милостью обширно! ...
4)	4)
5)	5)
6) wafat boltu ...	6) Скончался ...
7) ... yafērū-l-lahī	7) ... Да простит Аллах
8) lāhū wā-l-walidānihū wā-l-ḡāmi-gā-l-mu-	8) его, родителей его и всех верующих мух-
9) minī wā-l-mūminatī ³ ! Tariḡ	9) чин и женщин! По летосчислению
10) ḡēti ḡūr ḡirṡe bēlim ḡā ⁴ -	10) семьсот двадцать пятый год.
11) l, rabīgu-l-aḡirā [aḡlī ⁴ bēlim	11) раба П [месяца пятый день был].
kōp ātī].	

Л и т е р а т у р а

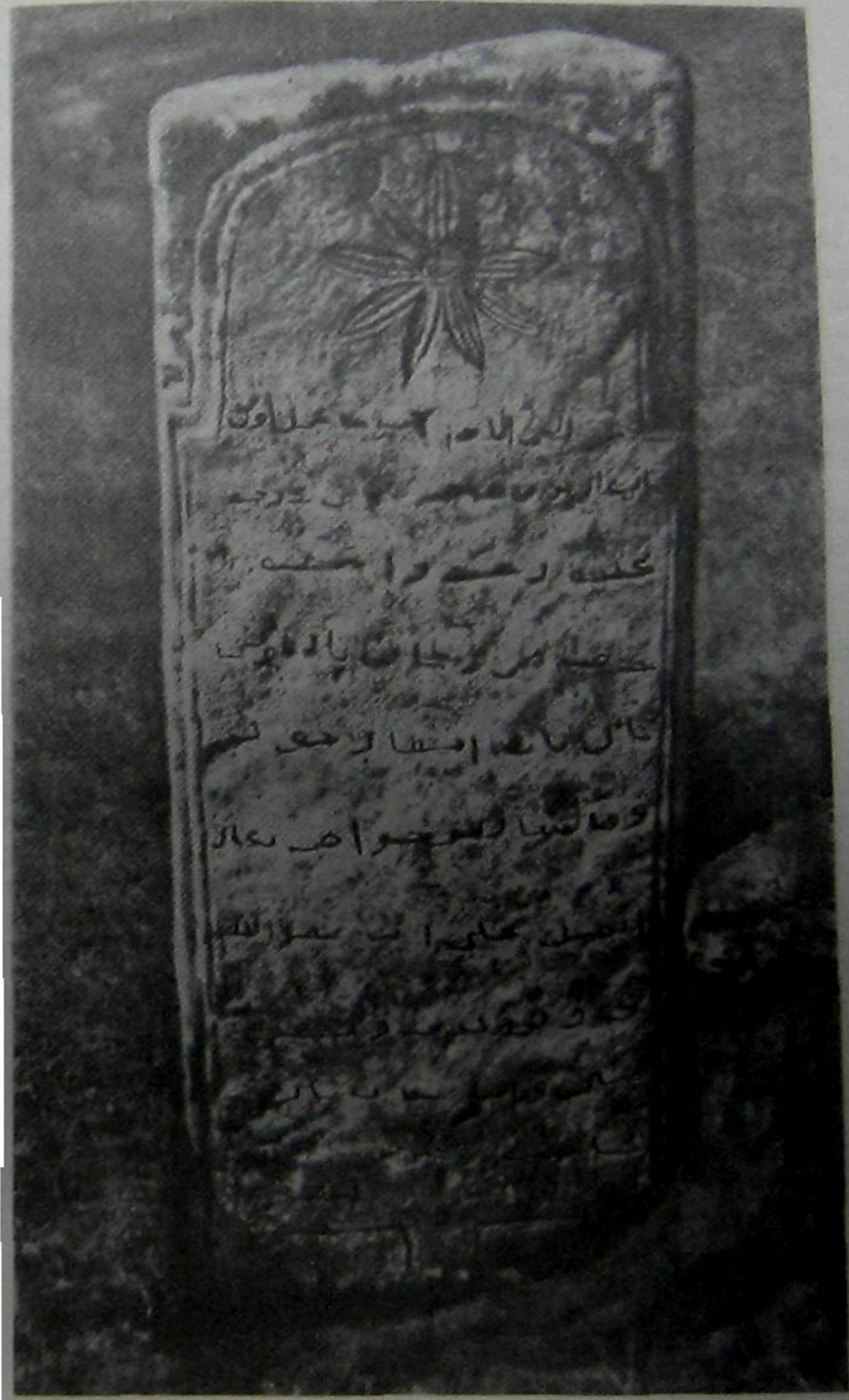
Усупов 1963, 21-22 (текст и перевод).

П р и м е ч а н и я

Пам. находится на так называемом "ханском кладбище, что в трех км к юго-западу от с. Ст. Ромашкино. Сделан из серого известняка и имеет разм. 150 x 58 x 19 см. Надпись выполнена некаллиграфическим почерком, врезанными буквами. Пам. был исследован нами в 1973 г.

Разночтения: 1. В переводе добавлено "все живущее умрет"; 2. Слово оставлено непрочитанным; 3. Это предложение также оставлено непрочитанным здесь предполагает حرم 'двадцать'.

30. Памятник близ с. Старое
Ромашкино Чистопольского
р-на ТАССР (1324 г.)

Т е к с т

(1) الْحَكْمُ لِلَّهِ الْعَلِيِّ الْعَظِيمِ
 (2) مُحَمَّدٌ ابْنُ مُحَمَّدٍ ابْنِ
 (3) خُوَيْرِ عَمْرِو بْنِ خَالِدِ بْنِ
 (4) رَحْمَةَ [اللَّهِ] عَلَيْهِ رَحْمَةً
 (5) وَسَعَةً وَكَانَ بَلَطُوِي
 (6) تَارِيخَ حَيَاتِهِ جُورِ حَبِيْبِ
 (7) بِسَائِلِ جَالِ اتِ...
 (8) اِحْتِ... [كُونَ]...

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Āl-ḥōkū li-l-lahī-l-galījji-l- kābiri ¹ !	1) Суд Аллаха, всевышнего, великого!
2) Mōḥāmad ² oullī māḥmūd ³ oullī ⁴	2) Мухаммеда сына, Махмуда, (его) сына
3) ḫum ⁵ sōmār-baḡi ⁶ bālūkū ⁷ .	3) хума Гумера-хадки надмогильный памятник.
4) Rāḥmātū ⁸ -[l-lahī] gālājhi ⁹ rāḥmātān ¹⁰	4) Да будет милость Аллаха над ним милостью
5) waṣigātān ¹¹ ! kafat bolḡu:	5) обширнов! Скончался:
6) tariḡa ¹² ḡeti ¹³ ḡūr ¹⁴ ḡerme ¹⁵	6) по летосчислению семьсот двадцать
7) belim ḡa ¹⁶ āti ¹⁷ ...a	7) пятый год был ...
8) aḡlī ... [kōn] ¹⁸ āti ¹⁹ ...	8) месяца ... день был.

Л и т е р а т у р а

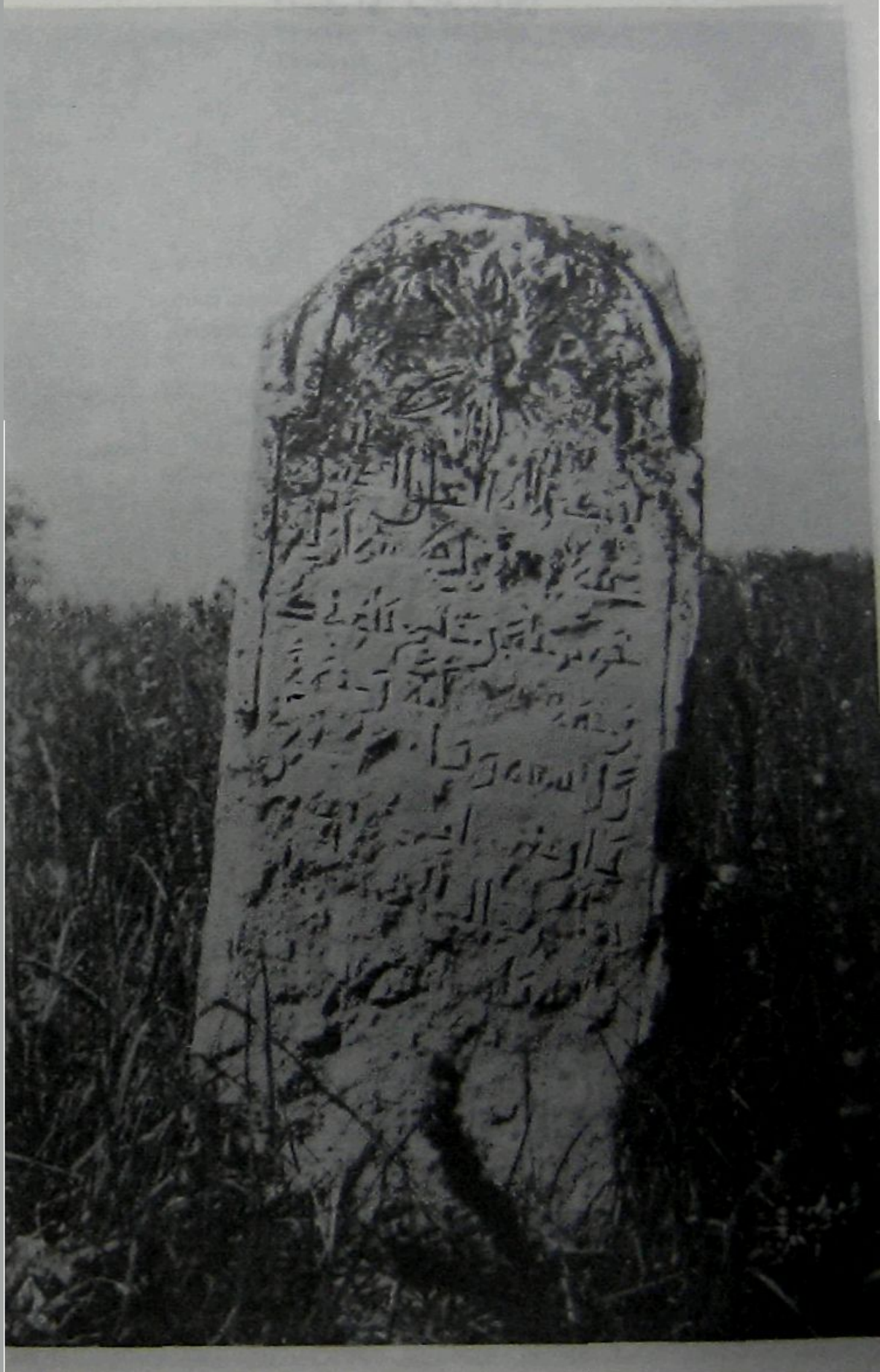
Исупов 1961, 52-53 (текст и перевод).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 120 x 55 x 20 см и находится на старом кладбище, что в 500 м к северо-западу от села. Надпись сделана врез. кувфическим почерком. На обратной стороне плиты имеется круглая орнаментальная розетка. Пам. был осмотрен и сфотографирован нами в 1983 г.

Различия: 1. Имеется подбукв. точка; 2. Слово в квадр. скобках, отсут. точка под дāl; 3. Нет фатхи; 4. Аллф не огласован; 5. Отсут. точка над первым знаком; 6. В конце есть йā; 7. Есть огласовка и точка лишь у первого знака; 8. Отсут. обе фатхи; 9. Нет кясы; 10. Tā марбӯта без двоеточия; 11. Под сīb есть троеочие; 12. Отсут. обе фатхи, нет точек у йā и хā; 13, 14. Отсут. точки; 15. В квадр. скобках и без фатхи; 16. Отсут. подбуквенная точка; 17. ħe огласовано; 18, 19. Отсутствуют.

31. Памятник из с. Салтыганово
Камско-Устьинского р-на
ТАССР (1324 г.)

Текст

(1) الحكم لله العلى العسر
 (2) حش أطي إبراهيم [ط]
 (3) حمان همير تخم آلت
 (4) بلوئك رحة الله [علميد
 (5) رحة وأسة وقات
 (6) بلطوى تاريخ ...
 (7) جهرم الطير جال ...
 (8) ... رى كوان
 (9) ات

Транскрипция

Перевод

1) Āl-hökmi 11-1-lahi-1-galiġġi-1- 2) kābiri. Ĥāmā ¹ ouli İbrahim ² o[ulī] 3) Ĥāman ³ ĥiri ⁴ Tāĥmā-ālti ⁵ 4) bālūkū ⁶ . Ĥāḥmātū-1-lahi ⁷ [ġālājha ⁸ 5) ḡāḥmātān ⁹ wa] aiġātān ¹⁰ ! Wa[fat] 6) bolġi: tariġ ¹¹ ... 7) ġireḥ ¹² altiṣi ġa ^o 1 ¹³ ... 8) ... ġi kōn ¹⁴ 9) āti.	1) Суд Аллаха всевышнего, великого! 2) Хаман сына, Ибрагима, (его) сы[на], 3) Хатмана, (его) дочери госпожи Тэхмы 4) надмогиальный памятник. Да будет милость Аллаха [над ней 5) милостью об[ширно! Ск[онча-] 6) лась: по летосчислению ... 7) двадцать шестой год... 8) ... день 9) был.

Литература

- 1) Юсупов 1963, 45-46 (текст и перевод).
- 2) Хакимзянов 1973 (фото, текст и перевод).
- 3) Хакимзянов 1980а, 35-36 (текст, транскрипция, перевод, примечания).

Примечания

Пам. имеет разм. 100 x 53 x 22 см и находится на сельском кладбище "Таш газизлер" (Каменные святые) на сев.-восточной окраине села. Надпись сделана четким кувическим почерком.

Различия даны по раб. Юсупов 1963: 1. "Хаташ"; 2. Начальный алиф без кясры; 3. "Тосман"; 4. Конечная рā без кясры; 5. Прочитан лишь начальный алиф с фатхой; 6. Йā без точек и кяй не огласован; 7. Над хā есть фатха; 8-9. Отсут.; 10. Отсут. алиф, джехризма и джясыкы и тā марбуф; 11. У лā нет точки и имеется фатха; 12. Длīm и рā без точек; 13. Взято в квадратные скобки; 14. Последние две строчки отсутствуют.

Начало даты пам. не читается, но учитывая, что все имеющиеся здесь надгробья болгарского периода охватывают 1318-1326 гг., у нас есть основание предположить на шестой строке написания даты "длīm *осмьсот*":

32. Памятник из с. Старый
Балдыкуль Альшеевского
р-на ТАССР (1325 г.)

Т е к с т

(1) هو الحي الذي لا يموت
 (2) حَلَطَطَى أُولَى حَطَطَى أُولَى
 (3) حَاجَ زِيَارَةَ كُنْ بِحَقِّهِ لِلَّهِ
 (4) عَلَّمَهُ رَحْمَةً وَاسِعَةً وَ
 (5) قَاةً بِلَطَوْنِي تَارِيخَ حَيَاتِي [جم] ...
 (6) حَيَّرَمَ الْهَلَطَشَ جَالِ ...
 (7) سَيَّرَمَ أَيْحَ بِيَّالْمِ [كوان]
 (8) آتِ الْمَوْتَ بَابِ [و كل]
 (9) النَّاسِ دَاخِلَهُ

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Nuwā-l-hājji-l-lāgi lā jamutu ^{1!} 2) Hālmūṭaṣ ² oull ³ Hūlamūṣ ⁴ oull ⁵ 3) Ḥāḡi ⁶ zerāte kū ⁷ . Rāḥmātū ⁸ -l-lahi ⁹ 4) gālājhi ¹⁰ rāḥmātān ¹¹ wasigātān ^{12!} 5) wafat ¹³ bolṭi ¹⁴ ; tariḡa ¹⁵ ṡēti [ṡūr] 6) ṡerṡū al [ṡi] ṡi ṡa ^o l ... 7) ṡafar aḡil bēlim kōn 8) āti ¹⁶ . Āl-ṡāūtū babun [wā küllū]- 9) n-nasi ¹⁷ daḡilūhū!	1) Он живой, который не умирает! 2) Халмуташа сына, Хуламуша, (его) сына 3) Хаджи место погребения это. Да будет милость Аллаха 4) над ним милостью обширной! Скоп- 5) чался: по летосчислению семь [сот] 6) двадцать шес [т]ой год ... 7) сафара месяца пятый день 8) был. Смерть - дверь [и все] 9) люди войдут в нее!

Л и т е р а т у р а

- 1) Юсупов 1963, 43-44 (текст и перевод).
 2) Хакимзянов 1980, 36-37 (текст, транскрипция, перевод и примечания).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 120 x 65 x 24 см и находится около кладбища "Таш газиз-лэр" (Каменные святые) на сев.-вост. окраине. Надпись сделана врезанным ку-
 фическим почерком, лишь первая строка вырезана рельефными буквами. Нами был
 исследован в 1973 г.

Различия: 1. U: отсут.; 2. K: есть послед. знак; 3. U: отсут. огласовки;
 4. U: هاجيم; 5. U: отсут. огласовки; 6. U: отсут.; 7. U: "памятник" طويك; 8.
U: отсут. точка под wā, над tā чагбула есть двукратная без дырки; 9. U: отсут.
 огласовки; 10. U: то же самое; 11-12. U: отсут. огласовки и точки; 13-14. U:
 отсут. огласовки; 15. U: с этого слова до восьмой строки текст отсут.; 16. U:
 алиф не огласован; 17. U: у нун отсут. точка.

Кроме всего у Г. В. Юсупова приведена боковая надпись в виде:

1. Смерть есть дверь ... - ... الموت باب لها
 2. К оп(асност)ям ... - ... لك امر [لها]

33. Памятник из с. Старый
Балдыкуль Алькеевского
р-на ТАССР (1325 г.)

(1) هو الحي الذي لا يموت
 (2) وكل حي يموت
 (3) ... وأبراهيم
 (4) أولي إسحاق زيارت ك
 (5) وفات بطوي تاريخ جيات
 (6) جور و فطير بزر جال رمضان
 (7) ايج اوغيم كون آت الله تعالى
 (8) ... سر اعلى
 (9) رط ... بخيرة بطوي
 (10)
 (11) رحى
 (12) الرحيم

П е р е в о д

1) Kuwā-l-ḥājji-l-lāzi lā jamutu,	1) Он живой, который не умирает!
2) wā küllü ḥājjin sājamutu!	2) а все живущее умрет!
3) ...war... r-ḡi İbrahim	3) ... Ибрагима
4) oull İsaq zıjeräte kü.	4) сына, Исхака, место погребения это.
5) kafat bolṭu: tariḡ ḡöti	5) Скончался: по летосчислению семь-
6) ḡür wā otur (otur-?) b... ri ḡa°l ramazan	6) сот тридцать первый год, рамазана
7) aḡl onim kön āti. Allahu tāḡalā	7) месяца десятый день был. Аллах все-
8) ... a-r a-ḡ-l-i a...	вышний
9) r-ṭ ... ḡ-ḡ-r-ā bolṭu	8)
10)	9) ... было
11) raḥmānī-r-	10)
12) raḥīmī.	11) милосердного,
	12) милостивого.

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 148 x 71 x 20 см и находится на функционирующем городском кладбище. В оформлении тимпана он отличается от аналогичных памятников растянутыми окончаниями букв, что представляет собой особый каллиграфический прием. Надпись сделана рельефными буквами куфическим почерком. Пам. был исследован в 1964 г. экспедицией в составе М. И. Ахметаянова, Р. М. Амирханова и автора этих строк.

34. Памятник на г. Чистополя
ТАССР (1330 г.)

Т е к с т

(١) الحكم الله العلي الكبير
 (٢) ماما هير يعقظ
 (٣) بلوك تاريخ
 (٤) جيات جور
 (٥) وطر تواتم
 (٦) حال اه رحمه الله واسعه

Т р а н с к р и п ц и я

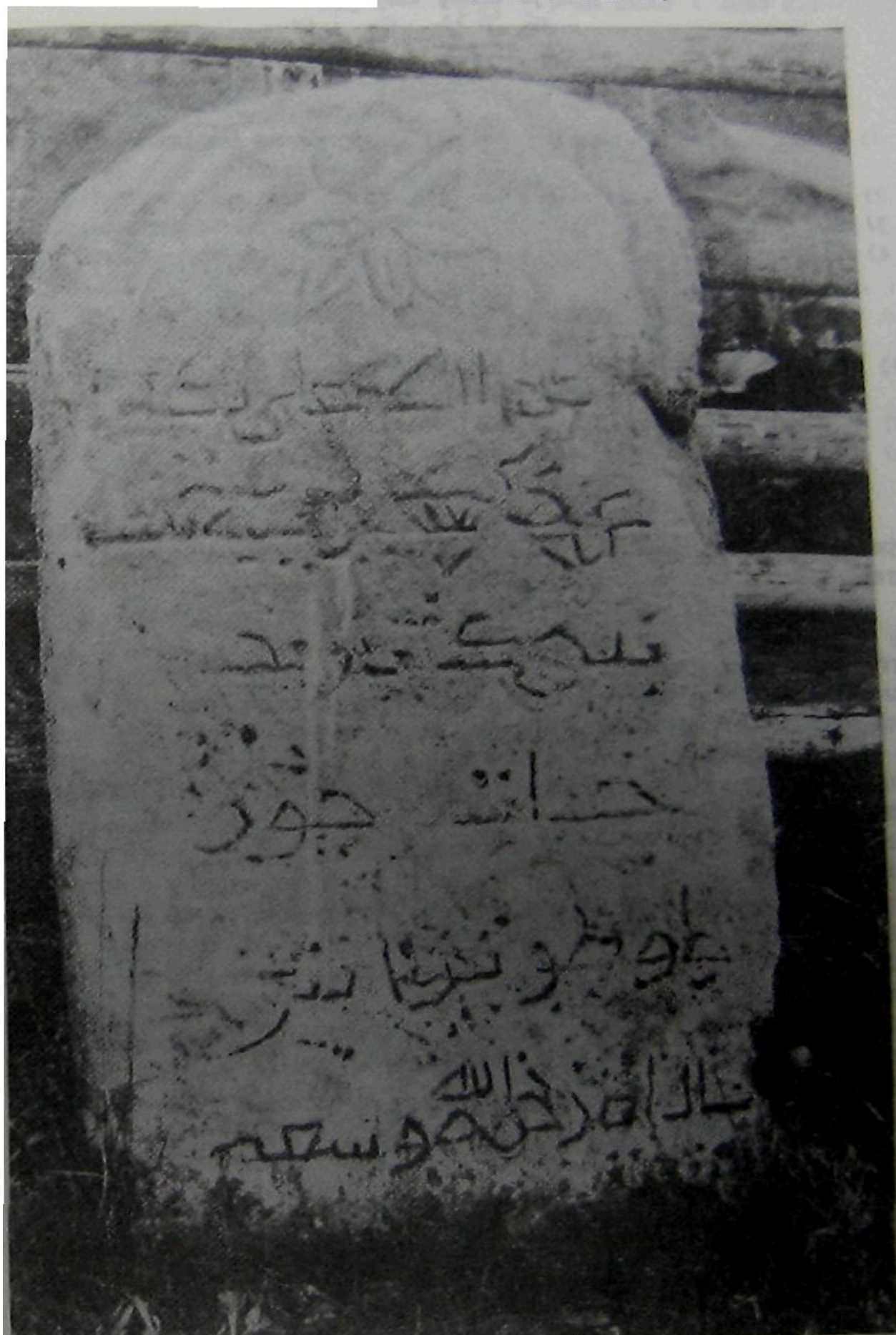
П е р е в о д

1) Āl-ḥōkmū-l-lahī-l-galijji-l-kābirī!	1) Суд Аллаха всевышнего, великого!
2) Māmā hiri Jagqunt	2) Мамма дочери Ягкунта
3) bālūkū. Tariḥ	3) надмогильный памятник. По летоисчислению
4) ḡati ḡūr	4) семьсот
5) wā oḡur tōtem	5) тридцать четвертый
6) ḡa°l āti. Rāḥmātū-l-lahī wasiḡātān!	6) год был. Да будет милость Аллаха обширной!

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 100 x 57 x 16 см и находится на старом кладбище "Ташбилге" (Каменный знак), что в двух км к северо-востоку от села. Здесь сохранились три болгарских надгробья. Надпись сделана крупным шрифтом, врезанным куфическим почерком. Пам. был исследован нами в 1984 г.

35. Памятник близ с. Чувашский
Елтань Чистопольского р-на
ТАССР (1333 г.)

Т е к с т

١) بَلْوُوكُكَ بِرَحْمَةِ اللّٰهِ
 ٢) يَلْمُو رَحْمَةً وَاسِعَةً تَار
 ٣) يَخ جِنَاحِ جَمْرٍ اَلْ جَال
 ٤) رَجَبٌ اَبْحٍ وَاَنْ سَكَرَ كَوْنٌ ا

П е р е в о д

1) bālūkū ¹ . nā[ḥmātū ² -l-lahī] ³ 2) gālājhi ⁴ rāḥmātān ⁵ wasigātān ⁶ ! ta- 3) riḥ ⁷ ḡeči ⁸ ḡūr ⁹ āllū ¹⁰ ḡa ^o i ¹¹ 4) rāḡāb ¹² aḡi ¹³ on ¹⁴ wāker ¹⁵ kōn ¹⁶ āti ¹⁷ .	1) надмогильный памятник. Да будет милость Аллаха 2) над ним милостью обширную! По лето- 3) счислению семьсот пятьдесят лет, 4) раджба месяца восемнадцать дней было.

Л и т е р а т у р а

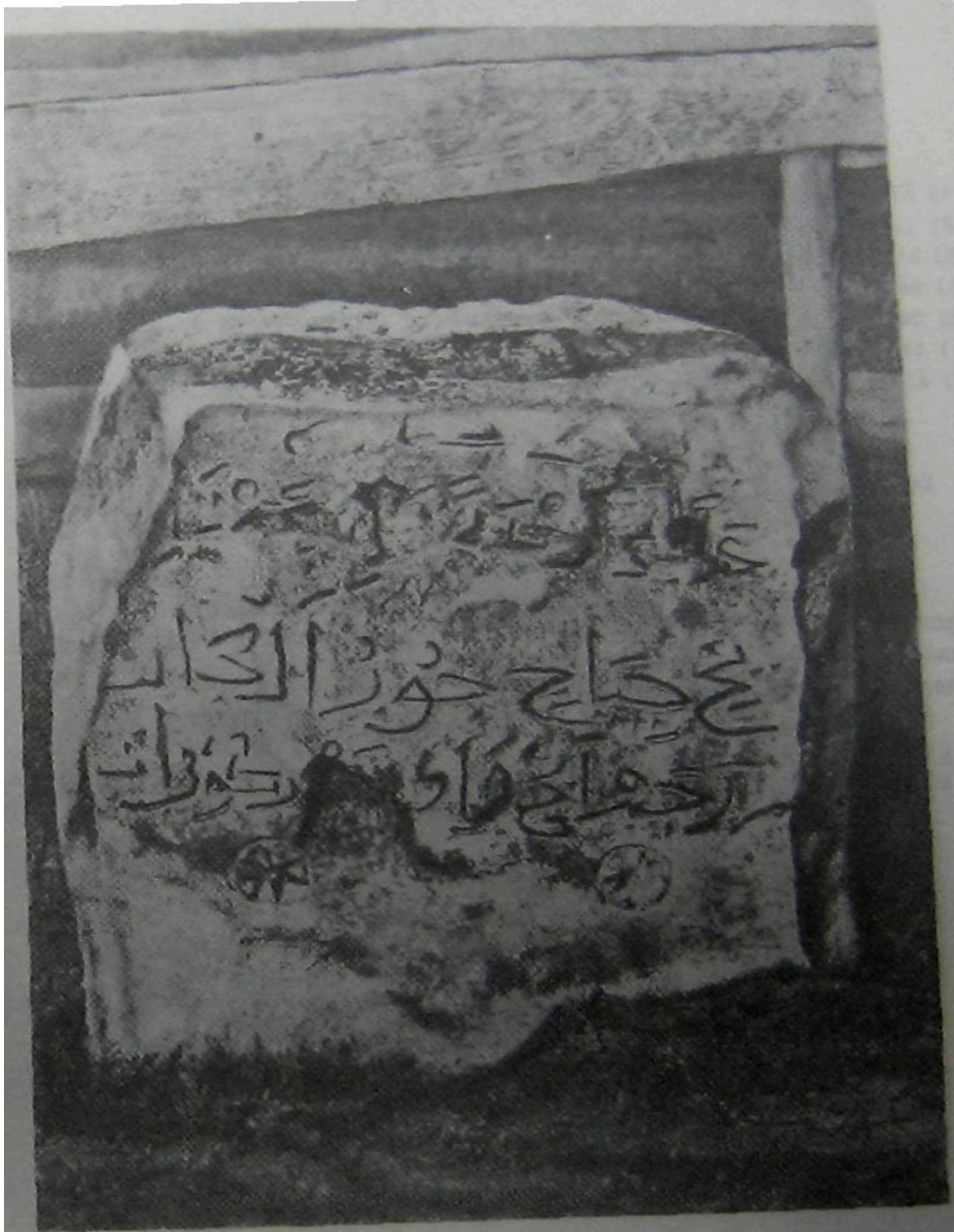
- 1) Малов С. Е. Булгарская и татарская эпиграфика // ЭВ. - 1948, вып. П. С. 43-44 (рис., текст и перевод).
- 2) Дусупов 1963, 64 (текст и перевод).
- 3) Булатов 1967, 212-213 (текст, чтение и перевод).

П р и м е ч а н и я

Пам. имеет разм. 70 x 60 x 30 см и представляет собою нижнюю часть надгробья. Находится на сев.-запад. окраине села. Надпись сделана врезанным полулуфическим почерком. Наме был исследован в 1984 г.

Различья: 1. М: ج; Ю: отсут.; Б: отсут. диакритика, фатха и кяф; 2. М, Ю: отсут.; Б: нет точки под rā; 3. М, Ю: отсут.; 4. М: ك; Ю: ك; Б: отсут. огласовки и точка под первым знаком; 5-6. М: отсут. диакритика и огласовки; Б: есть лишь двоеточие у tā марбуṭы; 7. М: отсут. огласовки и rā помещена на третьей строке; Ю: rā в квадр. скобках и имеет точку; Б: rā помещена на третьей строчке и из огласовок есть лишь фатха над послед. знаком; 8. М: отсут. огласовки и послед. знак tā; Ю: отсут. огласовки; Б: из огласовок есть лишь кясра под послед. знаком; 9. М: отсут. точка под rā и огласовки; Ю: отсут. точка под rā; Б: отсут. точки и огласовки; 10. М: و; Б: отсут. огласовки; 11. М, Ю, Б: отсут. фатха; 12. М: отсут. точка под rā и огласовки, bā с точкой, а впереди этого слова стоит знак rā; Ю: отсут. точка под rā; Б: отсут. огласовки и точка под rā; bā с точкой; 13. М: отсут. огласовки, а последний знак имеет точку; Ю: отсут. сукуна; Б: отсут. сукуна, а послед. знак с точкой; 14. М, Б: отсут. фатха; 15. М: отсут. rā и фатха. Возможно, при наборе данный знак поставили в начале строки (см.: 12); Ю: кяф в квадр. скобках; Б: отсут. фатха; 16. М: отсут. огласовки; Ю: нūн без точка; Б: отсут. огласовки, алиф и нūн в квад. скобках; 17. Б: отсут.

36. Памятник на с. Старые
Савруши Аксубаевского
р-на ТАССР (1349 г.)

Текст

- ١) الحکم لله
 ٢) جعلت بحوی
 ٣) هجر حرای
 ٤) بلویک
 ٥) تاریخ جنا
 ٦) ت جور
 ٧) الیم جیل ات

Транскрипция

- 1) ħl-ħök{mū}¹ ll-l-lahī!
 2) ... Baḥawī²
 3) hiri³ ħoraġ⁴
 4) bālūkū⁵
 5) Tariġ⁶ ħé-
 6) ti⁷ ħūr⁸
 7) ālewi⁹ ħaġġ¹⁰ āti.

Перевод

- 1) Суд Аллаха!
 2) ... Бахави
 3) дочери Чорай
 4) надмогильный памятник.
 5) По летосчислению семь-
 6) сот
 7) пятидесятый год [д] был.

Литература

Исупов 1963, 80-81 (текст и перевод).

Примечания

Пам. имеет разм. 86 x 37 x 24 см и находится на южной окраине села близ городища Тубулгу-тау. На этом старом кладбище "Изгелар" (Святые) есть еще несколько надгробий без надписей. Текст надписи выполнен врезанным куфическим почерком. Пам. был исследован нами в 1984 г.

Различия: 1. ħ: слово, кроме послед. знака, в квад. скобках; 2. ū: [جرک]; 3. ū: начальные два знака в квад. скобках; 4. ū: [حرای]; 5. ū: отсут. точка; 6. ū: то же самое; 7. ū: в квад. скобках без точки; 8. ū: под rā есть точка, под dġīm отсут.; 9. ū: алиф в квад. скобках, послед. знак - ŷāŷ без кясы; 10. ū: есть только dġīm в квад. скобках.

37. Памятник из с. Верхнее
Никиткино Аксубаевского
р-на ТАССР (1349 г.)

Текст

١) العظم له
٢) العلى الكبير
٣) ابيهم اهل
٤) حسن ابي مو
٥) من اهل نجد
٦) بلوك تاريخ جيتا
٧) من جنو الو جكر
٨) حال ات

Перевод

1) Al-bôkû 11-1-labi-1-	1) Суд Аляха
2) galijji-1-kébiri ¹ !	2) всевышнего, великого!
3) Ismagil ² ouli	3) Исмагиля сына,
4) Hāsān ouli M-	4) Хасана, (его) сына Му-
5) aa ³ ouli Kôhānā ⁴	5) сы, (его) сына Мухаммеда
6) bālūkū ⁴ . tarix ⁵ jē-	6) надмогильный памятник. По летоисчисле-
7) ti ⁶ jūr ⁷ āllū ⁸ sāker	нию семь-
8) ja ⁹ āti ¹⁰ .	7) от пятидесяти восемь
	8) лет было.

Литература

- 1) Исупов 1963, 68-69 (текст и перевод).
- 2) Булатов 1967, 200-201 (фото, текст, чтение и перевод).

Примечания

Пам. имеет разм. 130 x 56 x 27 см и находится на вост. окраине села. Население его называет "тан билге" (каменный знак). Надпись выполнена врезанным полукуфическим почерком. Исследована нами в 1963 г.

Различия: 1. Д: начальное два знака в квад. скобках; Б: под ōā и āā есть точки; 2. Д: отсут. начальная алф; Б: под āā есть двоеточие; 3. Б: отсут.; 4. Б: после ūū имеется āā; 5. Б: āā с диакритикой и кясрой, над послед. знаком поставлена fatka; 6. Б: буквы с диакритикой; Д: tā в квад. скобках; 7. Б: под āā есть точка; 8. Б: ون; 9. Б: слово на седьмой строке в круглых скобках, кроме того, āā имеет подбукв. точку; 10. Б: отсут.; Д: tā имеет диакритику.

38. Памятник из с. Старое
Ибрайкино Аксубаевского
р-на ТАССР (1356 г.)

Текст

١) الحكم لله العلي
٢) الكبير امبال اول
٣) حين اول حاج بو
٤) بلکوي ک وفات
٥)

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Āl-rōkmū li-l-lahi-l-galiġġi ¹ l-	1) Суд Аллаха всевышнего,
2) kābiri ² ! ambal ³ ouli ⁴	2) великого! Амбала сына,
3) Ḥāsān ⁴ ouli ḥaġġi ⁵ Bu ⁶	3) Хасана, (его) сына хаджи Бу
4) bālūkū ⁷ kū ⁸ . wafat ⁹	4) надмогильный памятник это. Смерть
5)	5)

Л и т е р а т у р а

- 1) ١٢٢, ١٩٠٨ احرف (текст).
- 2) Ашмарин 1902, 94-95 (текст и перевод Г. Ахмарова).
- 3) Юсупов 1963, 54 (текст и перевод).
- 4) Хакимзянов 1978a (фото, текст и перевод).
- 5) Хакимзянов 1983, 15-16 (прорись, текст и перевод).

П р и м е ч а н и я

Пам. находится на кладбище "Ташбилге" (Каменный знак) и имеет разм. 62 х 60 х 17 см. Надпись сделана врезанным полукуфическим почерком, некоторые слова отличаются от общепринятых форм написания.

Различия: 1. А: ḥā без точек; Ю: то же самое, но под 'аин есть точка; 2. А, Ю: rā без точки; 3. А: вторая буква ḫā; 4. А: جعفر; 5. А: в конце имеется йā; 6. А: يونس; 7. А: بلکوي; Ю: конечная йā без точек; 8. А, Ю: отсут.; 9. А: в конце есть йā без точек; Ю: tā без точек; далее Г. Ахмаров приводит слово taġiḥ . По его мнению, камень поставлен в XIII в.

39. Памятник из с. Иски
Рязяп Куйбышевского
р-на ТАССР (даты
нет)

Текст

١) الْحَكْمُ لِلَّهِ
٢) اِضْطَبَّ اَبِي
٣) اَحَدٌ بِكَوْنِكَ
٤) رَحْمَةً لِّكَ عَلَيْهِ
٥) رَحْمَةً وَّاسِعَةً

Транскрипция

Перевод

1) Āl-ḥokmū li-l-lahī ¹⁾ !	1) Суд Аллаха!
2) Aznaba ² oulī ³	2) Азнаба сына.
3) Āhmād bālūkū ⁴ .	3) Ахмеда, надмогильный памятник.
4) Raḥmātū ⁵ -l-lahī ⁶ gālājhi ⁷	4) Да будет милость Аллаха над ним
5) raḥmātān ⁸ wasigātān ⁹ !	5) милостью обширных!

Литература

- 1) Ашмарин 1902, 94 (приводит текст и перевод по экспедиционному отчету Г. Ашмарова).
- 2) Осунов 1963, 53 (текст и перевод).
- 3) Хакимзянов 1978a (фото, текст и перевод).

Примечания

Пам. имеет разм. 96 x 44 x 19 см и находится на кладбище "Ташбилге" (Каменный знак). Надпись сделана врезанным каллиграфическим почерком куфи.

Различия: 1. А: дальше имеется текст العلي الكبير; 2. А: اِضْطَبَّ, но перевод "Азнаба"; 3. А: конечная йā отсут.; 4. А: отсут. йā; 5. А: нет огласовок, над конечной буквой есть двоеточие; 6. А: восстановлен начальный алиф, пропущенный резчиком; 7. А: под йā имеется двоеточие, отсут. огласовки; 8. А: нет огласовок, над последней буквой есть двоеточие; 9. А: то же самое; В: над ūāū отсут. фатха.

40. Памятник из с. Иски
Рязань Куйбышевского
р-на ТАССР (даты нет)

Т е к с т

(١) هو الحي الذي لا يموت
(٢) خَوَّ الحَيِّ هَمِيرٌ يَلُّ رَنَا
(٣) بِرَقِّكَ رَحْمَةً اللّهِ
(٤) عَلَيْهَا رَحْمَةً
(٥) وَاسْتِجَابَةً

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Huwā-l-ḥājjī-l-lāzi lā jamutu!	1) Он живой, который не умирает!
2) Huwā-ālčī hiri Jälü zija-	2) Госвожи Хува дочеря, Ялю, место
3) rāte kü. Rāḥmātū-l-laḥi	3) погребения это. Да будет милость Аллаха
4) gālājha rāḥmātān	4) над ней милостью
5) wasigātān!	5) обширно!

П р и м е ч а н и я

Пам. находится в двух км к северо-востоку от села на старом кладбище "Ташбилге есте" (Каменный знак) и имеет размеры 78 x 43 x 16 см. Г. В. Юсупов (1963) указывал на наличие одного разбитого камня, но при осмотре этого небольшого кладбища в 1984 г. было обнаружено 3 надгробья болгарского периода.

Надпись сделана врезанным кufическим почерком, буквы четкие, каллиграфические.

41. Памятник близ с. Чувашский
Елтань Чистопольского р-на
ТАССР (даты нет)

Текст

كُلُّ نَفْسٍ ذَائِقَةُ الْمَوْتِ (1)
ثُمَّ إِلَيْنَا تُرْجَعُونَ أَبْت (2)
أُولَئِكَ سُلَيْمَانَ بَلَوِي (3)
كُنْ رَحْمَةً لِلَّهِ عَلَيْهِ (4)
رَحْمَةً وَاسِعَةً (5)

Транскрипция

Перевод

1) kullū ¹ nāfsūn zajiqatu ² -l-māūtī,	1) Каждая душа вкусит смерть,
2) ḡūmmā ilājna ³ turḡāgunā ⁴ ! Ābtā	2) затем вы вернетесь к нам! Абта
3) oulī Sölājman bälü-	3) сына, Сулеймана, надмогильный памятник.
4) kü. Rāhmātū-l-lahi ⁵ ḡälājhi ⁶	4) Да будет милость Аллаха над ним
5) ḡāḡmātān wasiḡātān ⁷ !	5) милостью обширную!

Литература

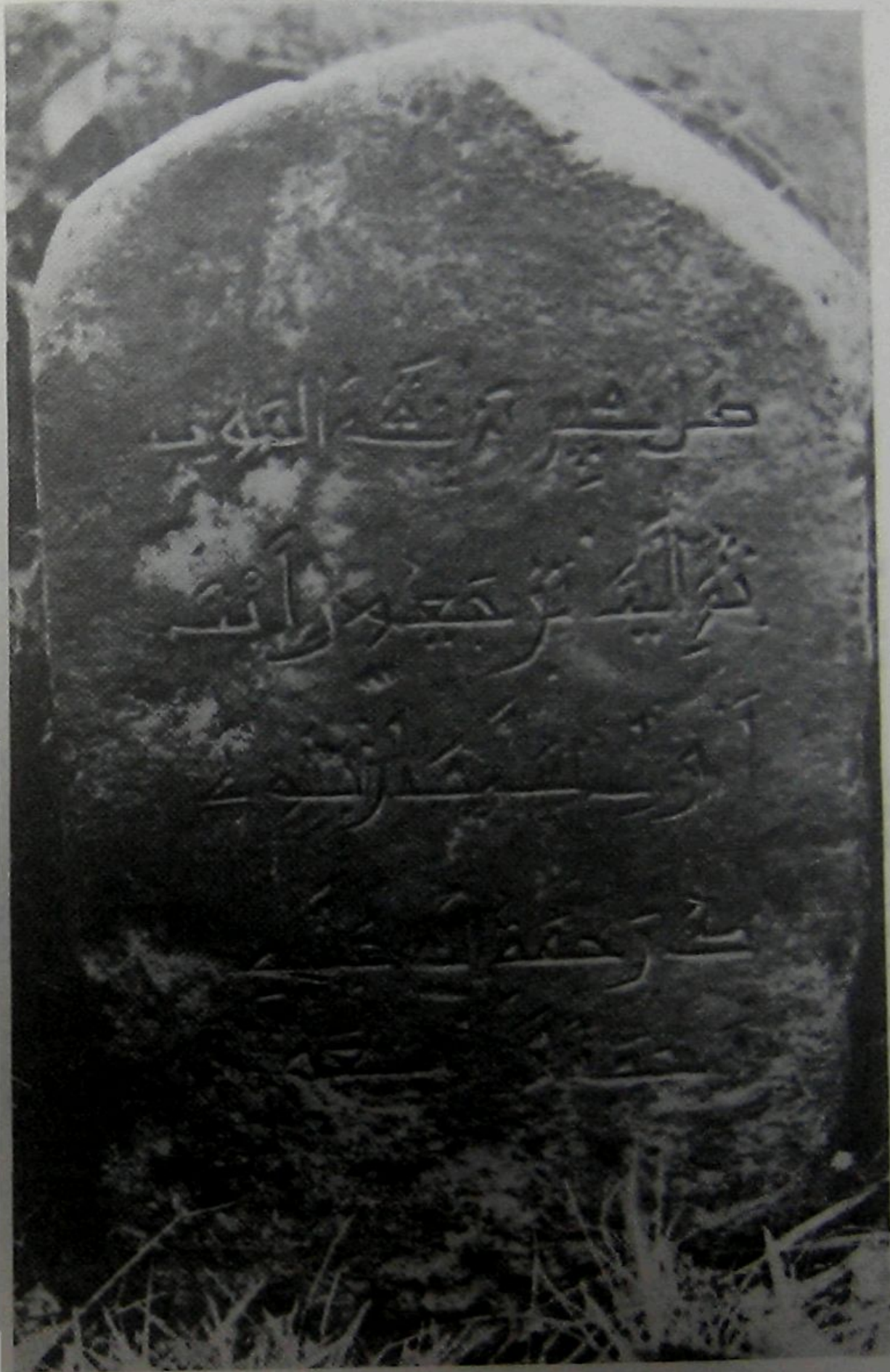
- 1) Юсупов 1963, 46 (текст и перевод).
- 2) Хакимзянов 1980а, 38 (текст, транскрипция, перевод, примечания).

Примечания

Памятник (разм. 100 х 46 х 17 см) находится на сельском кладбище. Надпись сделана врезанным кufическим почерком четкими каллиграфическими буквами.

Различия даются по раб. Юсупов 1963 : 1. Отсут. дамма над лām; 2. Тā марбу́та не огласована; 3. Над лām нет фатхи; 4. Rā без точки, над нūн отсут. фатха; 5. Отсут. кясра; 6. Первый знак без точки; 7. Сйā и тā марбу́та не огласованы, у последней отсут. двоеточие.

42. Памятник из с. Старый
Баллыкуль Алькеевского
р-на ТАССР (даты нет)

Текст

(1) الْحُكْمُ لِلَّهِ الْكَبِيرِ
 (2) كُلُّ يَمُوتُ وَ
 (3) هُوَ لَا يَمُوتُ
 (4) رَحْبٌ مُبِيرٌ بِهَا
 (5)
 (6) وَاسِعَةٌ وَاسِعَةٌ
 (7) يَا رَحْمَةً ...
 (8)

Т р а н с к р и п ц и я

1) Āl-ḥökmü¹ li-llahi²-l-käbiri³!
 2) küllü⁴ säjamutu⁵ wā⁶
 3) huwā⁷ lä jamutu⁸!
 4) kāḡār⁹ hiri¹⁰ jāḡa¹¹ ...
 5)
 6) wasigätän¹², wasigätän¹³!
 7) rāḡmätän¹⁴ ...
 8)

П е р е в о д

1) Суд Аллаха великого!
 2) Каждый умрет, а
 3) он не умрет!
 4) Раджаба дочери Йаха ...
 5)
 6) обширной, обширной!
 7) милость ...
 8)

Л и т е р а т у р а

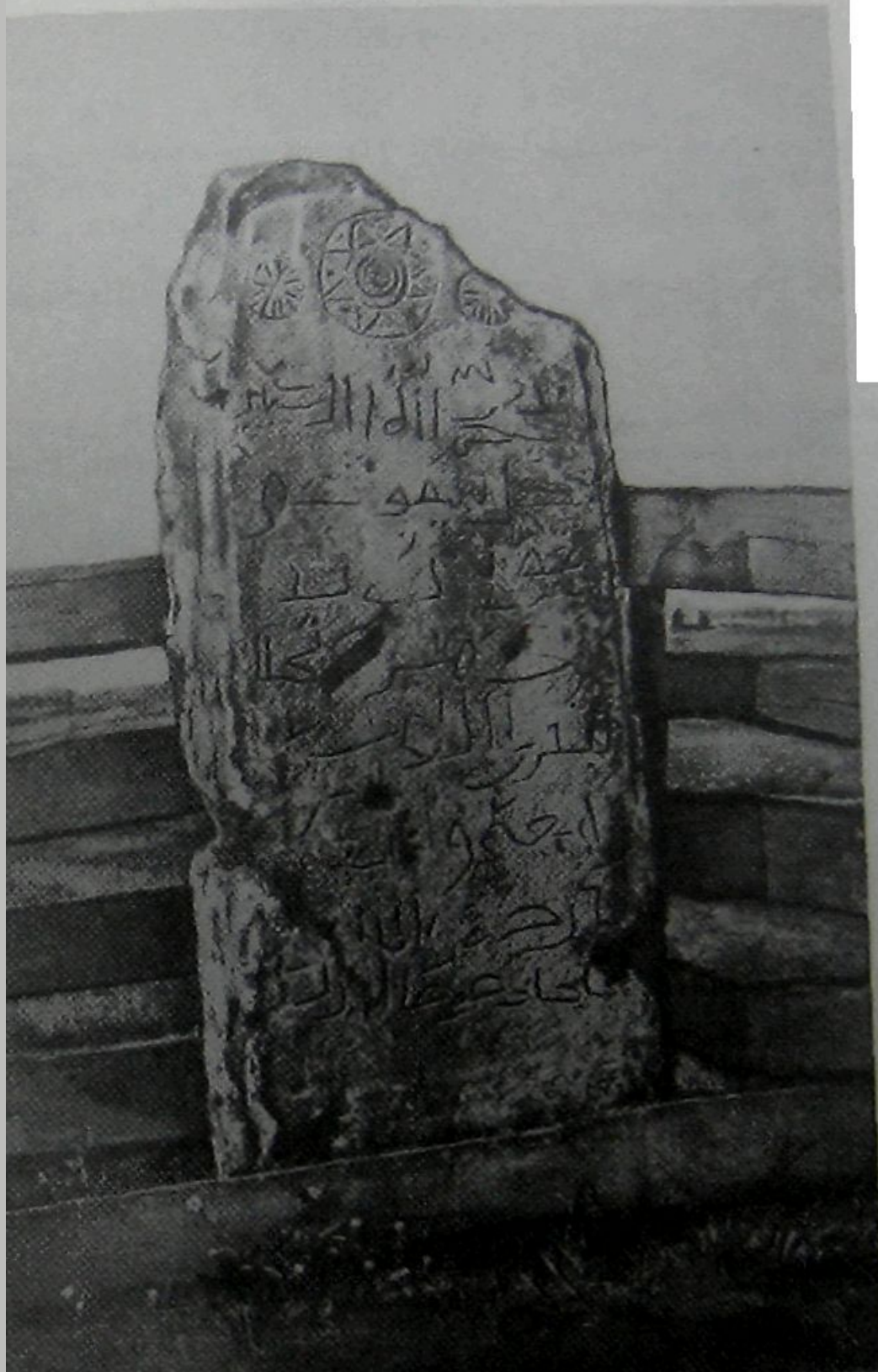
- 1) Малов С. Е. Булгарская и татарская эпиграфика // ЭВ. - 1948, вып. II. С. 42-49 (рис., текст и перевод).
- 2) Юсупов 1933, 64-65 (текст и перевод).
- 3) Булатов 1957, 209-210 (рис., текст и перевод).

П р и м е ч а н и я

Нам. имеет разм. 210 x 66 x 25 см и находится на сев.-запад. окраине села. А. Б. Булатов ошибочно указал его как из с. Дума Аксубаевского р-на ТАССР. Осмотрен и сфотографирован нами в 1934 г. Надпись сделана врезанным некаллиграфическим полукуфическим почерком; много ошибок и различных знаков.

Различия: 1. М, Б: отсут. дамма; Ю: над мй̄м̄ есть ташид; 2. М, Ю, Б: отсут. ташид; резчиком вырезан лишний алиф; 3. М: отсут. фатха и точка под rā; Б: то же самое и перед словом есть [العلی ال]; 4. М: كل نفس ذایقه الموت; 5. Б: отсут. точка под сйн, йā; Ю: نجو, но без перевода; 6. Б: отсут.; Ю: ننو, но без перевода; 7. М: ثم البنا ترجعون "потом вы к нам вернетесь"; Ю: над ūāȳ есть фатха; Б: отсут. огласовки; 8. Ю: بصور; но без перевода; Б: отсут. огласовки; 9. М: ... حد; Ю: نرحا; 10. Ю: йā с даммой; 11. М: نعال; Ю: نعالا; Б: نعالا; 12. М: رحمة; Б: отсут. точка под сйн и фатха над ūāȳ; Ю: واسعه; 13. Ю: под 'айн̄ есть точка и фатха над послед. знаком; Б: имеется лишь дьуеточке над послед. знаком; 14. М: تاريخ جيات جور; Б: отсут. фатха и точки. Восьмая строка у М: جال... کوان ات "году... дня было"; Ю: باحاز حوصالا رالا, но без перевода; Б: "حاد حوالار... ходжа(?)".

43. Памятник из с. Старые
Савруши Аксубаевского
р-на ТАССР (даты нет)

Т е к с т

(١) الحكم الله العلي الكبير
(٢) داد اول حطال نور
(٣) بلووك رحمة الله
(٤) طنه رحمة واسعة

Т р а н с к р и п ц и я

П е р е в о д

1) Āl-ḥokmū-l-lahi-l-gelijji-l-kābiri!	1) Суд Аллаха всевышнего, великого!
2) Dad oulī ḥatal-jori	2) Дада сына, Хатала-Йорн,
3) bālūkū. Rāḥmātū-l-lahi	3) надмогильный памятник. Да будет милость Аллаха
4) gālājhi rāḥmātān waṣīgātān!	4) над ним милостью обширною!

П р и м е ч а н и я

Памятник находится на городском кладбище и имеет разм. 112 x 60 x 20 см. Надпись сделана врезанным куфическим почерком. Был обнаружен в 1984 г.

44. Памятник из г. Чистополя
ТАССР (даты нет)

Текст

(1) الْحَكْمُ لِلَّهِ مُعَلِّ
(2) هِيَ تَنْوِنُ بَلَوِي
(3) كُ رَحْمَةُ اللَّهِ
(4) بِرَحْمَتِهَا رَحْمَةٌ
(5) وَبِجَهِّهِ

Транскрипция

- 1) Āl-ḥokmū li-llahī! kāmlī
- 2) hiri¹ mājmānā² bālū-
- 3) kū³. Raḥmātū⁴-l-lahī
- 4) gālājha⁵ raḥmātān⁶
- 5) wawigātān⁷!

Перевод

- 1) Суд Аллаха! Мэмли
- 2) дочери, Мэймуны, надмогильный памятник.
- 3) ник. Да будет милость Аллаха
- 4) над ней милостью
- 5) обширно!

Литература

- 1) Ксупов 1963, 44-45 (текст и перевод).
- 2) Хакимзянов 1980, 37 (текст, транскрипция, перевод и примечания).

Примечания

Пам. имеет разм. 74 x 35 x 17 см и сейчас находится в частном огороде, что рядом с сельским кладбищем "Таш газизлэр" (Каменные святые). Надпись сделана врезанным кувшеческим почерком. Пам. был исследован нами в 1973 г.

Различия: 1. Ю: отсут. огласовки; 2. Ю: مَيْمَن "Мей [ми] на"; 3-4. Ю: отсут. точки и огласовки; 5. Ю: над lām отсут. фатха; 6. Ю: tā марбу́та с двоеточием и имеет фатху; 7. Ю: отсут. ясра под сйн и точка под 'айя.

45. Памятник из с. Старый
Балдыкуль Алькеевского
р-на ТАССР (даты нет)

СПИСОК ЛИЧНЫХ ИМЕН

Acan* 13	أجان	Hätman 32	حمان
Ajup* 2	ايوب	Hulamuš 33	حلمش
Ambal 39	امبال	Hüwä-elçi 41	حو الجي
Anbal* 11	أنبال	žoza* 4	حوجه
Aršan* 20	ارشان	Ibrahim 19*, 34	ابراهيم
Aznaba 40	أضنب	Ibrahim 32	إبراهيم
Ābtä 42	أبت	Ibrahim äs-Suwari* 4	ابراهيم السواري
Ähmäd* 16	أحمد	inä-bek* 23	إينته بك
Ähmäd 40	أحمد	inük* 18	اينوك
Älbär 28	المر	İsraq 19*, 34	اسحاق
Äl-mägar 30	العمار	İsraq 26	إسحاق
Bahawi 37	بحوي	İsmagil 38	اسماعيل
Baḡsi* 20	بحسي	İsmagil* 3	اسماعيل
Baḡsi* 10	بايش	Jagqunt 35	يعقنط
Bej Qara* 23	باي قرا	Jäpa 43	يپا
Böḡi 24	بېج	Jälü 41	يلو
Böḡök 26	بؤجك	Junie äl-Bolyari* 2	يونس البلعاري
Bu 39	بو	Jusef* 20	يوسف
Buya* 12	بوغا	Jusef-haḡi 26	يوسف حاج
Bülärtaj* 6	بولارتاي	Kähäl 30	كحل
Bülemšaq-bek* 6	بلمشاق بك	Kü[k]läj* 12	كوكلاي
Čoraj 37	حراي	Qaršaq-qazlj* 22	قرصق قزي
Dad 44	داد	Quncı 10	قونجي
Fajaḡe* 10	فياجا	Qutluḡ-bek* 14	قوتلوع بك
Fatima-elçi* 2	فاطمه الحى	Qutluḡ...[y]e* 17	قوتلوع...[y]
Gabdelḡabbar* 18	عبد الجبار	Qutluḡ-Temur* 14	قوتلوع تمور
Caḡsä-älti 24	عيسه ألت	Kaḡar-qadı(?)* 3	مجر قمي
Gali-žoza* 22	على خواجه	Mäčkä* 2	مچك
Gošman 4	عشان	Mäčkä 26	مچك
Gömär-haḡi 31	عمر حاج	Mäjmünä 45	مجمون
Haḡi 33	حاج	Mähmüd 31	محمود
İetal-jori 44	عطل بور	Mänkä-jori 26	مك يوري
Hälmütaš 33	حلمطش	Yamli 45	مئل
Hälüḡ 28	حلوع	Mänḡa 35	مچا
Hämšä 32	حمش	Mänli* 13	منلي
Häsän 29, 39	حسین	Möhämmäd 31	محمود
Häsän* 11	حسن	Möhämmäd 38	محمود
Häsän 38	حسن	Musa* 5, 20	موسی

* Звездочкой отмечены имена из 3-язычных памятников.

Misa 38
Rəşāp 43
Saqman* 10
Säumär 27
Säwrü* 13
Sölājman 42
Şafija* 16
Şahidulla* 5

موسى
رجب
سمن
سومر
سور
سلمان
جفیه
شیدلا

Šāmar-mālikā* 9
Təymā-ālti 32
Tujǰa* 17
ǰabaq* 10
ǰāgfar-aya əl-ǰāfrikānci* 9

ǰälü 29
ǰirā 24

شمار ملك
تيمم آلت
تويجا
جباق
جغفر انا الافركانجى
جلو
جيره

СПИСОК МЕСТ НАХОДОК ИЛИ ХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ

(порядковые номера даются по нашей картотеке)

- № 42 - с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР
- № 62 - с. Новое Демкино Аксубаевского р-на ТАССР
- № 80 - с. Иски Рязял Куйбышевского р-на ТАССР
- № 90 - Болгарский гос. историко-архитектурный заповедник (г. Куйбышев
ТАССР)
- № 91 - Болгарский гос. историко-архитектурный заповедник (г. Куйбышев
ТАССР)
- № 127 - Болгарский гос. историко-архитектурный заповедник (г. Куйбышев
ТАССР)
- № 139 - Болгарский гос. историко-архитектурный заповедник (г. Куйбышев
ТАССР)
- № 144 - Болгарский гос. историко-архитектурный заповедник (г. Куйбышев
ТАССР)
- № 153 - с. Большие Тарханы Тетюшского р-на ТАССР
- № 164 - Гос. музей ТАССР (г. Казань)
- № 175 - Краеведческий музей БАССР (г. Уфа - из с. Мавлятово Кушнаренковско-
го р-на БАССР)
- № 181 - с. Ямашурма Высокогорского р-на ТАССР
- № 182 - с. Большие Нырсы Сабинского р-на ТАССР
- № 210-214 - с. Татарский Калмаур Чердаклянского р-на Ульяновской области
- № 234 - Болгарский гос. историко-архитектурный заповедник (г. Куйбышев
ТАССР)
- № 235 - археологический музей ИИЯЛ БФАН СССР (г. Уфа - из с. Старое Калма-
шево Чекмагушевского р-на БАССР)
- № 239 - с. Урсаево Азнакаевского р-на ТАССР
- № 240 - с. Урсаево Азнакаевского р-на ТАССР
- № 242 - с. Ямбухтино Тетюшского р-на ТАССР

~~Чистополь, ТАССР~~

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллин И. А. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка // МТД. - 1974. - Вып. 3.
- Амирова Т. А. К истории и теории графемики. - М., 1977.
- Андреев Н. А. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надмогильных памятников // Учен. зап. НИИЯЛИЭ. 1956. - Вып. 14.
- Ахметгалеева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника "Кисекбаш китабы". М., 1978.
- Ахметзянов М. И. Текст болгарского памятника XIV века. - Казань, 1976 (Рукопись хранится у автора данной работы).
- Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша // ЮИАИЭ. - 1902. - Т. 18, вып. 1-3.
- Ашмарин Н. И. Об одном мусульманском надмогильном камне в загородном архиерейском доме в Казани // ЮИАИЭ. - 1905. - Т. 21, вып. 1.
- Байчоров С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской письменности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1977.
- Байчоров С. Я. Диалекты протоболгарского языка по данным приэльбрусских рунических памятников // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: (тез. докл. и сообщ.). - М., 1977.
- Байчура У. Ш. О болгарском происхождении казанских татар по данным языка // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: (тез. докл.) - Омск, 1979.
- Бартольд В. В. Система счисления орхонских надписей в современном диалекте Соч. - М., 1968. - Т. 5.
- Баскаков Н. А. Роль уйгуро-карлукского литературного языка Караханидского государства в развитии литературных языков средневековья // СТ.- 1970. - №
- Березин И. Булгар на Волге // Учен. зап. Казан. ун-та. - 1852. - Кн. III.
- Берта А. Судьба начального общетюркского у- в татарском языке // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. - Казань, 1983.
- Бертагаев Т. А. Об этимологии хан ~ хаган, хатун и об их отношении к хат // Тюркологические исследования. - М., 1976.
- Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тefsира XII-XIII вв. - М., 1963.
- Боровкова Т. А. О губных согласных в "Дивану лугат-ит-турк" Махмуда Кашгары // Тюркологический сборник. - М., 1966.
- Будагов Л. Э. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. - СПб., 1869. - Т. I.
- Латов А. Б. Выступление на сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с ИЯЛИ КФАН СССР // Происхождение казанских татар - Казань, 1948.
- Булатов А. Б. Булгарские эпиграфические памятники XIII-XIV вв. правобережья

- Волга // ЭВ. - 1963. - Вып. XVI.
- Булатов А. Б. Эпиграфические памятники Закамья XIV века // Учен. зап. КИИАЛЭ. - 1967. - Вып. 36.
- Бурганова Н. Б. Говор каривских и глазовских татар // МПД. - 1962. - Вып. 2.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. - Л., 1934.
- Вознесенский П. Надгробные камни в Хукотинском округе по левую сторону Камы. Сувачь горы на Каме // ЮАИЭ. - 1894. - Т. 12, вып. 1.
- Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики. - М., 1979.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. - М.; Л., 1950.
- Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. - Л., 1970.
- Джанполадян Р. М. Армянские надписи на Волге // ЭВ. - 1984. - Вып. XXII.
- Джумагулов Ч. Язык сирот-тюркских несторианских памятников Киргизии. - Фрунзе, 1971.
- Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. - Фрунзе, 1982. - Вып. 2.
- Дмитриев В. Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. - Чебоксары, 1957.
- Дмитриев В. Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваша. - Чебоксары, 1984.
- Дмитриев Н. К. Согласные ϕ и ζ в тюркских языках // ИСГТЯ. - М., 1955. - Вып. 1.
- Дмитриев Н. К. Категория числа // ИСГТЯ. - М., 1956. - Вып. 2.
- Егоров Н. И. Болгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые взаимоотношения в XIII-XVI веках // Болгары и чуваша - Чебоксары, 1984.
- Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769-1770 гг. - СПб., 1770.
- Закиев М. З. К вопросу о категории падежа в тюркских языках // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. - Казань, 1964.
- Закиев М. З. Волжские татары - по-марийски суасы, по удмуртски бигеры // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. - Казань, 1985.
- Закиев М. З. Татар халкы теленен барлыкка килүе. - Казань, 1977.
- Заяц Д. Э. К вопросу о происхождении татар Поволжья по материалам языка // Происхождение казанских татар. - Казань, 1948.
- Измайлов И. Л. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских болгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья. - Казань, 1934.
- Износков И. А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // ЮАИЭ. - 1879. - Вып. 1.
- Износков И. А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // ЮАИЭ. - 1880. - Вып. 2.
- Изысканный дар тюркскому языку (Грамматический трактат XIV века на арабском языке): Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова и М. Т. Зилевой. - Ташкент, 1978.
- История Татарии в документах и материалах. - М., 1937.
- История Татарской АССР. - Казань, 1955.
- Исхаков Ф. Г. Чья действительное // ИСГТЯ. - М., 1956. Вып. 2

- Ашбердия Э. Ф. Камень с загадочными знаками // Ст. - 1980. - № 2.
- Калачев П. В. Донесение подполковника Свечина о древностях, найденных им в Болгарах // Сборник археологического института. - СПб., 1879. - Ка. 2.
- Калинин Н. Ф. Итоги работы комиссии по болгаро-татарской эпиграфике. Казань, 1942 // Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР. - Ф. 8, оп. 1, д. 59.
- Калинин Н. Ф. (составитель). Альбом по болгаро-татарской эпиграфике. Казань, 1942 // Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР. - Ф. 8, оп. 1, д. 62-64.
- Калинин Н. Ф. К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. - Казань, 1948.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. // Труды КФАН СССР. Сер. гуман. наук. - Казань, 1954. - № 2.
- Катанов Н. Ф. Экскурсия в Болгары-Успенское // ЮАИЭ. - 1896. - Т. 13, вып. 1.
- Катанов Н. Ф. Эпиграфический памятник Болжской Булгарии // Казанский музейный вестник. - Казань, 1921. - № 1, 2.
- Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана // Учен. зап. Казан. ун-та. - 1954. - Вып. 9.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. - Харьков 1956.
- Колесникова В. Д. Названия частей тела в алтайских языках // Счерки сравнительной лексикологии алтайских языков. - Л., 1969.
- Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. - Л., 1980.
- Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности. - Л., 1969.
- Курьшжанов А. К. Исследование по лексике "Тюркско-арабского словаря". - Алма-Ата, 1970.
- Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. - СПб., 1771. - Ч. 1.
- Максимова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. - М., 1976.
- Малов С. Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // ЗВ. - 1947. - Вып. 1.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. - М.; Л., 1951.
- Мамедов А. Тюркские согласные: аналит и комбинаторика. - Баку, 1985.
- Маннапова А. Х. Народно-разговорные элементы в языке деловых документов XVII в. // Исследование языка древнеписьменных памятников. - Казань, 1980.
- Маннапова А. Х. Язык татарской деловой письменности XVII века (источники и традиция): Дис... канд. филол. наук. - Казань, 1982.
- Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: (Минварский диалект татарского языка). - М., 1978.
- Мухамедиев А. Г. Монеты как источник по изучению болгарского языка // Исследования по источниковедению истории Татарии. - Казань, 1980.
- Мухамедиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. - М., 1983.
- Мухамедова Э. Б. Согласные по данным сочинений арабоязычных филологов XI-XIV вв. // Туркмен дилинин тарихиндан дерневлер. - Ашгабат, 1978. - Т. II.
- Мухаметшин Д. Г. Об эпиграфических памятниках Восточного Закамья: (К вопросу о локальных вариантах болгарских эпиграфий) // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. - Казань, 1981.
- Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии // III Всесоюзная тюркологическая конференция: тезисы докладов. (Тез.

- докл. и сообщ.). - Ташкент, 1980.
- Мухтаров А. Эпиграфические памятники Кухистана XI-XIX вв. - Душанбе, 1978. - Кн. I.
- Меҳеммадиев Э. Г. Тэнкеләр телгә килсә // Казан утлары. - 1981. - № 6.
- Муталлибов С. М. Аттухдатуз закияту филлуватит туркия: Таржимон ва нашрга таёрловчи С. М. Муталлибов. - Тошкент, 1968.
- Наджи Э. Н. Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV в.: Автореф. дис... докт. филол. наук. - М., 1965.
- Наджи Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Саран и его язык. - Алма-Ата, 1975. - Ч. I, 2.
- Наджи Э. Н. О языке памятника начала XII века "Кысса-я Юсуф" Али // СТ. - 1976. - № 2.
- Наджи Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. - М., 1979. - Кн. I.
- Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV веков. - М., 1974.
- Пауль Г. Принципы истории языка. - М., 1960.
- Пономарев П. А. Из археологических поездок на р. Каму // ИОАНЭ. - 1886. - Т. 6, вып. 1.
- Пономарев П. А. Тубулгу-тау и неопределенные города Болхской Булгарии // ИОАНЭ. - 1893. - Т. II, вып. 4.
- Радлов В. В. О языке куманов по поводу издания Куманского словаря // Зап. Имп. Академии наук. - СПб., 1884. - XLVIII, прил. № 4.
- Рона-Таш А. Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка: (Труды НИИЯЛИЭ, вып. 97). - Чебоксары, 1980.
- Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. - М., 1955.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Л., 1984.
- Самойлович А. Н. К истории крымско-татарского литературного языка // ВНОТ. - 1927. - № 7.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). - М., 1974.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б"). - М., 1978.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г", "Д"). - М., 1980.
- Серебрянников Б. А. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, болгарским и татарским языками // Учен. зап. НИИЯЛИЭ. - 1956. - Вып. 14.
- Серебрянников Б. А. Система времен татарского глагола. - Казань, 1963.
- Серебрянников Б. А. Фонетический и грамматический строй языка и история народа // Проблемы современной тюркологии. - Алма-Ата, 1980.
- Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. Э. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. - Баку, 1979.
- Смирнов А. П. Волжские болгары // Труды Гос. исторического музея. - М., 1951. - Вып. XIX.
- Смирнова О. И. К имени Адмыша, сына Шилжи, царя болгар // Тюркологический сборник. 1977. - М., 1981.

- Смолин В. Раскопки в Болгарах в 1915 г. // ИОАИЭ, - 1919. - Т. 30, вып. 1. Список азовских и армянских надписей на развалинах с переводом на русский язык // ЦГАДА. - Ф. 192, оп. 1, д. 4/4.
- Старотатарская деловая письменность XVIII века: (Составление сборника текстов, переводы, комментарии и исследование выполнены канд. филол. наук Ф. С. Фасеевым). - Казань, 1982.
- Тагирджанов А. Т. Влияние поэмы Фирдоуси "Ясуф и Зулайха" на "Кисса-и Ясуф" 'Али и "Ясуф и Зулайха" Шайяд Хамзы // Палестинский сборник. - Л., 1970. - Вып. 21 (84).
- Таһирджанов Г. Т. Татар әдәбиятының катлаулы мәсьәләләре // Казан утлары. - 1975. - № 7.
- Таһирджанов Г. Тарихтан - әдәбиятка. - Казан, 1979.
- Тарзиманов Ф. В. "Хузаяр тауы". Могильник близ деревень Ст. Баран и Таш-бильгә // ВНОТ. - 1928. - № 8.
- Тенишев З. Р. Туркская историческая диалектология и Махмуд Кашгарский // СТ.- 1973. - № 6.
- Тенишев Э. Р. О построении истории народно-разговорного и литературного языков // Туркологические исследования. - М., 1976.
- Тенишев Э. Р. Языки древне- и средневековых письменных памятников в функциональном аспекте // ВЯ. - 1979. - № 2.
- Типы наддиалектных форм языка. - М., 1981.
- Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. - Казань, 1978.
- Фазылов Э. И. С. Е. Малов - исследователь истории тюркских языков СССР // СТ.- 1975. - № 5.
- Фасеев Ф. С. Краткий грамматический справочник татарского языка // Татарско-русский словарь. - М., 1966.
- Фасеев Ф. С. Кол Галиней "Кыссаи Юсеф" поэмасы // ТТЭ. - 1976. - Вып. 5.
- Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. - Казань, 1975.
- Федотов М. Р. Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и волжских болгар и финно-угров // Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка: (Труды НИИЯЛИЭ, вып. 87), - Чебоксары, 1979.
- Федотов М. Р. О болгарском и чувашском языках // Болгары и чувашы. - Чебоксары, 1984.
- Фейз-ханов Х. Три надгробных болгарских надписи // ИИАО. - СПб. - 1863. - Т. 4.
- Хайрутдинова Т. Х. Говор златоустовских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. - Казань, 1979.
- Хакимянов Ф. С. Отчет эпиграфического отряда Билярской археологической экспедиции. Казань, 1973 // Архив сектора языка ИЯЛИ КФАН СССР.
- Хакимянов Ф. С. Отчет болгаро-билярской эпиграфической экспедиции. Казань, 1974 // Архив сектора языка ИЯЛИ КФАН СССР.
- Хакимянов Ф. С. Отношение волжско-болгарских эпиграфий к истории татарского языка // Сопоставление по общим вопросам диалектологии и истории языка: (Тез. докл. и сообщ.). - М., 1977.
- Хакимянов Ф. С. Язык эпиграфий волжских болгар. - М., 1978.
- Хакимянов Ф. С. Отчет эпиграфической экспедиции по закамским районам ТАССР. Казань, 1978 // Архив сектора языка ИЯЛИ КФАН СССР.
- Хакимянов Ф. С. Отчет о поездке в Азнакаевский район ТАССР с эпиграфической целью. Казань, 1980 // Архив сектора языка ИЯЛИ КФАН СССР.

- Хакимзянов Ф. С. Булгарские эпиграфические памятники Закамья // исследование языка древнеписьменных памятников. - Казань, 1980.
- Хакимзянов Ф. С. Отчет о поездке в Сабанский район ТАССР с эпиграфической целью. Казань, 1981 // Архив сектора языка ИЯЛИ КФАН СССР.
- Хакимзянов Ф. С. О поволжском варианте среднетюркского литературного языка // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. - Казань, 1983.
- Хакимзянов Ф. С. О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. - Казань, 1985.
- Хисамиева З. А. Язык дастанов Кадыр-Гали бека: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Уфа, 1980.
- Хисамов Н. Ш. Поэма "Кысса-и Юсуф" Кул 'Али: Анализ источников сюжета и авторского творчества. - М., 1979.
- Хисамов Н. Бөек язмышы өсәр. - Казань, 1984.
- Хорезми. Мухаббат-наме: Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджида. - М., 1961.
- Шакирова Р. Ф. Хәзерге татар теле фонетикасына кереш. - Казань, 1954.
- Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. - М., 1984.
- Шпилевский С. М. О задачах деятельности Казанского общества археология, истории и этнография и о возможном содействии обществу со стороны жителей местного края // ЮАИЭ. - 1880-1882. - Т. III.
- Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. - Л., 1960.
- Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. - М.; Л., 1961.
- Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. - Л., 1970.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). - Л., 1977.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). - Л., 1981.
- Щербак А. М. [Рецензия] // СТ. - 1982. - № 1. - Рец. на кн.: Golden P. B. Kazan Studies. An Historico-Philological Inquiry into the origins of the Kazars // ВОН. - Budapest, 1980. - XXV/1, XXV/2.
- Эрдман Ф. И. О надгробных надписях в Болгарах // Заволжский муравей. - Казань, - 1832. - Кн. 21, 23.
- Юсупов Г. В. Татарские эпиграфические памятники XV в.: (К вопросу о происхождении казанских татар) // ЭВ. - 1961. - Вып. У.
- Юсупов Г. В. К вопросу об истории и классификации болгаро-татарской эпиграфика // ЭВ. - 1956. - Вып. XI.
- Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. - М.; Л., 1960.
- Юсупов Г. В. Отчет о работе эпиграфического отряда археологической экспедиции КФАН СССР 1961 г. в районах правобережья Волги. Казань, 1961 // Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР. - Ф. 72, оп. 1, д. 298.
- Юсупов Г. В. Отчет об исследовании эпиграфических памятников в закамских районах ТАССР в 1962-1963 гг. // Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР. - Ф. 72, оп. 1, д. 296.
- Юсупов Г. В. Полевой дневник № 2 эпиграфической экспедиции за 1966 г. // Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР. - Ф. 72, оп. 1, д. 386.

- Осупов Г. В. Эпиграфические памятники Болгарского городища. Казань, 1967 // Научный архив Ин-та археологии АН СССР. - Ф. Р-2₁, д. 2015.
- Осупов Г. В. Итоги полевых эпиграфических исследований 1961-1963 гг. в Татарской АССР // ЭВ. - 1972. - Вып. XXI.
- Кюлей Д. Татар теленен тарихи фонетикасы буенча материаллар. - Казан, 1954.

* * *

- Benzing J. Das Hunnische, Donaубolgarische und Wolgabолgarische // PhTp. - 1959. - T. 1.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. - Oxford, 1972.
- Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. Hunowie europejscy, protobułgarzy, chazarowie, pieczynowie. - Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1975.
- Eckmann J. Das Chwarezmtürkische // PhTp. - 1959. - T. 1.
- Eckmann J. Das Tschagataische // PhTp. - 1959. - T. 1.
- Eckmann J. Chagataj Manual // Indiana University Publications. Uralic-Altaiс Series. - Bloomington, 1966. - Vol. 60.
- Gabain A. M. Alttürkische Grammatik. - Leipzig, 1950.
- Gabain A. M. Die Sprache des Codex Cumanicus // PhTp. - 1959. - T. 1.
- Gombos Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache // MSFOu. - 1912. - XXX.
- Golden P. B. Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars // BOH. - 1980. - XXV/1, XXV/2.
- Mansuroğlu M. Das Ksarakhanidische // PhTp. - 1959. - T. 1.
- Németh J. A hunok nyelve // Attila éa hunjai: (MSzK, XYI). - Budapest, 1940.
- Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.
- Pritsak O. Kāḡgārī's Angaben über die Sprache der Bulgaren // ZDMG. - 1959. - Bd. 109, hf. 1.
- Pritsak O. Bolgaro-Tschuwaschica // UAJb. - 1959. - Bd. XXXI.
- Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen: (Lexica Societatis Fennо-Ugricae XYII, 1). - Helsinki, 1969.
- Róna-Tas A. - Fodor S. Epigraphica Bulgarica: A volgai bolgár-török feliratok // Studia uralo-altaica. - Szeged, 1973. - I.
- Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic // Indiana University Publications. Uralic-Altaiс Series. - Bloomington, 1968. - Vol. 69.

* * *

- احرف غ: بلغار تاريخي. - قرآن، ۱۹۰۸.
- تاتار شه دجهياتي تاريخي. - قرآن، ۱۹۱۲.
- کتابي حضرت يوسف عليه السلام. - قرآن، ۱۸۹۸.
- مرجانی شرف القسم الاول من کتابي مستفاد الاخبار في احوال قرآن و بلغار. - قرآن، ۱۸۹۷.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ

- БД - Боровков А. К. "Бадә'и' ал-дугат". Словарь Тәли' Ймәни Гератого. - М., 1961.
- ВНОТ - Вестник научного общества татароведения. - Казань.
- ВЯ - Вопросы языкознания. - М.
- Буд. - Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. - СПб., 1869. - Т. I; СПб., 1871. - Т. 2.
- Гулистан - Наджип Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Сарая и его язык. - Алма-Ата, 1975. - Ч. I и 2.
- Документы - Грунин Т. И. Документы на половецком языке XVI в. - М., 1967.
- ИИАО - Известия Императорского археологического общества. - СПб.
- ЮИАИЭ - Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. - Казань.
- ИИАЛ БФАН СССР - Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.
- ИСГЯ - Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. - М., 1955. - Ч. I; М., 1956. - Ч. 2.
- ИЯЛИ КФАН СССР - Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР.
- Кисекбаш - Ахметгалеева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника "Кисекбаш китабы". - М., 1979.
- МН - Наджип Э. Н. Хорезми. Мухаббат-наме. - М., 1961.
- МТД - Материалы по татарской диалектологии. - Казань.
- НИИЯЛИЭ - Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР.
- Памятники - Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. - М.; Л., 1951
- СТ - Советская тюркология. - Баку.
- Тэфсир - Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тэфсира XII-XIII вв. - М., 1963.
- ТТӘ - Татар теле һәм әдәбияты. - Казань.
- ТТДС - Татар теленә диалектология күзлегә. - Казань, 1969.
- Тухфа - Аттухфатуз закияту филлуватит туркия. Таржимон ва нашрга таберловчи С. М. Муталлибов. - Ташкент, 1968.
- XIII - Наджип Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. - М., 1979. - Т. I.
- ЭВ - Эпиграфика Востока. - М; Л. и Л.
- ЦГАДА - Центральный Государственный Архив Древних Актов. - М.
- * * *
- AOH - Acta Orientalis Hungarica. - Budapest.
- BOH - Bibliotheca Orientalis Hungarica. - Budapest.
- Houtsma - Houtsma M. Th. Ein türkisch-arabisches Glossar. - Leiden, 1894.
- Klaproth - Klaproth J. Notice et explication des Inscriptions de Bolhari // Nouveau Journal Asiatique. - P., 1831. - VIII.
- МК - "Divanü Lügat-it-Türk" tercümesi. Ceviren Besim Atalaj. - Ankara, 1939. - С. 1.
- MSFOu - Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. - Helsinki.

- MSzK - Magyar Szemle Könyvei. - Budapest.
 PhTF - Philologiae Turcicae Fundamenta. - Wiesbaden, 1959. - Т. 1.
 UAJb - Ural-Altäische Jahrbücher. - Wiesbaden.
 ZDMG - Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. - Leipzig;
 Wiesbaden.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

азерб.	- азербайджанский	ног.	- ногайский
араб.	- арабский	перс.	- персидский
арм.-кыпч.	- армяно-кыпчакский	протобулг.	- протобулгарский
башк.	- башкирский	сиро-тюрк.	- сиро-тюркский
башк. диал.	- башкирский диалектный	ср.-тюрк.	- среднетюркский
булг.	- болгарский	старослав.	- старославянский
венг.	- венгерский	ст.-кыпч.	- старокыпчакский
гаг.	- гагаузский	сув.	- суварский
др.-тюрк.	- древнетюркский	тат.	- татарский
др.-уйг.	- древнеуйгурский	тат. диал.	- татарский диалектный
дун.-булг.	- дунайскобулгарский	тув.	- тувинский
казах.	- казахский	тур.	- турецкий
караим.	- караимский	туркм.	- туркменский
карач.	- карачаевский	узб.	- узбекский
кбалк.	- карачаево-балкарский	уйг.	- уйгурский
кирг.	- киргизский	хак.	- хакасский
ккалп.	- каракалпакский	чаг.	- чагатайский
кум.	- кумыкский	чув.	- чувашский
монг.	- монгольский	чув. диал.	- чувашский диалектный